3
2017

АРТ

Акцент

Уважаемый читатель!

Третий номер журнала юбилейный – со дня выхода первого номера прошло уже двадцать лет. Самый первый номер был необычным – подготовленный в 1996 году, он вышел только в конце 1997-го года. Поскольку номер включал все материалы за 1996 год, он был толще обычного, как бы сдвоенный номер. Кроме того, сразу стало непонятно, как обозначить его порядковость – то ли он первый номер за 1996, то ли первый за 1997-й, поэтому мы называем его «нулевым». Об этом нулевом номере: как он был задуман, как была создана редакция журнала, кто были первые авторы – статья Павла Лимерова «Первый номер нулевой». Замысел юбилейного номера – собрать новые произведения авторов нулевого, так что все авторы литературного раздела печатались и в том легендарном нулевом номере. И вот, раздел открывается стихами Евгения Козлова. На этот раз известный коми поэт представил свои стихи на русском языке. Читатель может познакомиться и с новыми стихами Алёны Ельцовой – на коми языке. Проза представлена повестью Юрия Екишева «Деревенская любовь» и циклом рассказов Олега Уляшева «Аддзысьлӧмъяс». Раздел предлагает также дебютные стихи совсем юного поэта из города Усинска Дарьи Филитовой. В текущем году отмечается ещё одна дата – это столетие Русской революции. В Советском Союзе она считалась сотворением нового мира, позже её приравняли к государственному перевороту. Не примыкая ни к одной из этих точек зрения, журнал предлагает публикацию дневниковых записей очевидцев этих событий. В разделе «Зырянские штудии» совместная статья авторов из Санкт-Петербурга Натальи Ивановской и Александра Чувьюрова (автора нулевого) об этнографической экспедиции известного учёного Л.Л. Капицы в Коми край в 1926 году. Статья содержит малоизвестные сведения о прошлом Коми края и сопровождается уникальными фотографиями. В разделе «Артфакт» представлены две статьи – первая посвящена недавно прошедшему фестивалю «Сыктывкарса тулыс». Её автор, театральный критик Александр Максов обстоятельно рассматривает и анализирует весенние спектакли. Статья художественного критика из Антверпена Андреса Крюгера открывает читателю историю этнофутуризма – начиная с зарождения идеи до нынешнего его бытия в финно-угорском мире. Статья сопровождается уникальными фотографиями, а также открывает серию работ наших художников-этнофутуристов Юрия Лисовского и Павла Микушева. Кстати, оба они впервые представили свои работы в первом нулевом номере. Журнал в журнале «Ы» как всегда открывает новых авторов. Это А. Бизина с подборкой «Унмовсьӧма Помӧс ю – Заснула речка Помос» и А. Сукгоева с циклом стихов «Дзоридзьяс». О круглом столе, посвящённом экологии, на прошедшем празднике «Коми книга» в Удорском районе размышляет А. Нестерова.

Павел Лимеров,
главный редактор

АРТ ЛАД

6+

Содержание

Точка зрения

П. Лимеров. Первый номер нулевой 4

Проза. Поэзия

Е. Козлов. Версия возникновений. *Стихи* 20
Ю. Екишев. Деревенская любовь. *Повесть* 29
А. Ельцова. «Ачым коля паметьӧн». *Кывбуръяс* 62
О. Уляшев. «Аддзысьлӧм». *Висьтъяс* 68
Д. Филитова. «Все тропинки ведут домой...» *Стихи* 78

Арт-архив

П. Лимеров. Дневники революции 85
Дневник белогвардейца, который хотел стать красным 88
Л. Кызъюров. Дневник Николая Зыкова. 1918 год 101

Зырянские итӧдыш

Н. Ивановская, А. Чувьюров. Этнографическая экспедиция Л.Л. Капицы в Коми Автономную область. 122

Арт-факт

А. Максов. Три дня тулыс-фестиваля 136
А. Крюгер. Этнофутуризм: опираясь на прошлое, работать на будущее 142

"Ы"

А. Бизина. «Унмовсьӧма Помӧс ю...» *Кывбуръяс* 178
А. Нестерова. Оз ков лоны веськодьӧн 182
А. Сукгоева. Дзоридзьяс. *Кывбуръяс* 188

Сыктывкар, 2017

20 ЛЕТ ВМЕСТЕ

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественнӧй журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке Администрации Главы Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители:
Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр», АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Новикова Н.М.

Главный редактор – Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136,
тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

© Журнал «Арт», № 3 (80) 2017 г.

Подписано к печати по графику 04.08.17. Фактически 04.08.17. Дата выхода в свет 17.08.17.
Формат: 70х100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.

Тираж – 1200 экз. Заказ – 3066. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа Ю. Лисовского «На крыльях счастья».
В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧзӧдтӧм гижӧдъяс редакция оз рецензируйт и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во öти кывйӧ авторъяскӧд.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Павел Лимеров

***Лимеров Павел Фёдорович**, главный редактор журнала «Арт», ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор около 170 работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографии «Мифология загробного мира» (1998), сборника фольклорных текстов «Му пуксьӧм – Сотворение мира» (2005), монографии «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), «Войдӧр – Когда-то. Мифы, легенды, предания коми народа» (2012), составитель книги стихов Д.В. Фролова «Там, где прежний остался и я...» (2012), составитель книги «Пословицы и поговорки коми народа» (2014).*

Первый номер нулевой

Девяностые называют «лихими». Шёл передел собственности, стреляли. Ошалевший от безденежья народ массово бросал привычную работу и уходил кто в «челноки», кто в бандиты. Стремительно разворачивалась невиданная при коммунистах частная собственность, сколачивались состояния. Но было и другое. В девяностые ещё верили в перемены к лучшему. Миф о перестройке сгинул вместе с Горбачёвым, теперь верили в Ельцина и в демократические реформы молодых либералов – как прежде верили в коммунистическую Утопию. А ещё в девяностые стали верить в светлое прошлое. В светлом прошлом была своя – народная – культура, свои традиции, обычаи, мифы и легенды, свой фольклор, из каких-то схронов на чердаках и амбарах доставались иконы и занимали место в красном углу – на глазах возрождалась религиозность. В девяностые отделом этнографии в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ руководил Н.Д. Конаков. Это он расшифровал древний коми календарь, прославив его и себя на весь мир. В сердца потомков он вошёл и другим своим проектом – энциклопедией «Мифология коми», в котором мы, сотрудники отдела, приняли посильное участие. Волшебное слово «мифология» бередило умы, оно дышало древностью и тайной – её хотелось разгадать, словно бы в ней скрывался ответ на гамлетовский вопрос

«быть или не быть?». И мы разгадывали – писали статьи о дореволюционной крестьянской культуре, расшифровывая символику фольклорных текстов и старинных бытовых вещей. В те ещё недавние девяностые краеведческие сборники, такие, как «Родники Пермы» или «Памятники культуры», были чрезвычайно популярны, и даже наши сугубо научные сборники статей отдела этнографии вскоре после выхода становились библиографической редкостью. В начале девяностых нам – это мне и Олегу Уляшёву – молодым ещё аспирантам – предложили собрать книгу мифов, легенд и сказок коми народа. Мы честно трудились – каждый над своей частью, и вот, и книга, вернее, две папки рукописных текстов, была сдана издателю – Татьяне Зубаревой. Книга должна была выйти осенью 1992 года, но при невыясненных обстоятельствах погибла Татьяна, и папки с трудом удалось вернуть. К идее издания книги мифов – уже без раздела сказок – я вернулся через года два. К этому времени закончили училище искусств Юра Лисовский и Паша Микушев. Бунтарский дух эпохи кружил им головы, академическая живопись казалась им заурядной – они мечтали рисовать мифы, но не знали, откуда их взять. Не помню, где и как мы познакомились, но это случилось. Я увлёк их идеей книги о сотворении мира. Книга называлась «Войдӧр – Когда-то» – название указывало на начало времён. Мифы – это священные тексты древности, повествования о богах и героях – книга не должна была стать просто фольклорным сборником. Книга мифов и легенд коми – это священная история коми народа – история о том, как боги создавали мир, о том, как герои изменяли его своими подвигами, о том, как колдуны и пророки вещали о конце мира, и о том, как конец мира наступит. Паша Микушев придумал буквицы из образов Пермского звериного стиля – каждый текст начинался такой буквицей – священная книга! Юра Лисовский нарисовал иллюстрации – макет книги получился удивительно красивым. Книгу утвердили к изданию сразу два министерства – культуры и по делам национальностей. Я увёз её в Петербург, в издательство «Глагол» –

Паша Микушев и Юра Лисовский.

тогдашняя республиканская типография не вытягивала цветность, а она была для этой книги важна. Издательство «Глагол» разорилось, и книга не вышла, сгинул и макет книги со всеми иллюстрациями Лисовского и Микушева. В том, что два издательства не сумели выпустить эту книгу и исчезли – чувствуется мистика. Я думаю – книга, именно в том формате – была ещё не готова к рождению.

Но к этому времени стал набирать силу этнофутуризм – новое направление в искусстве, сформулированное рассудительной мыслью эстонских деятелей культуры и политики. Идея этнофутуризма заключалась в модернизации финно-угорской архаики в творчестве российских финно-угров, но отдалённой целью всё же было выделение их из общероссийского континуума, поднятие их национального самосознания. В девяностые Эстония проводила международные встречи, посвящённые этнофутуризму – на них приглашались молодые финно-угорские художники и писатели. Встречи проходили в непринуждённой обстановке: читались стихи, популярен был жанр перформанса, художники привозили свои картины, рассказывали о них, смотрели этнографические фильмы, на этих встречах обсуждались и вопросы, касающиеся национальной политики. Конечно, эти встречи сближали молодых творческих людей из финно-угорских стран и российских регионов, а также стимулировали появление новых культурных проектов. Одним из них был проект альманаха, в котором можно было бы объединить творчество молодых писателей, художников-этнофутуристов и учёных-гуманитариев. Кажется, автором идеи был поэт Евгений Козлов. Идея долго обсуждалась, собирались несколько раз – я участвовал в этих обсуждениях, но дальше идеи дело не пошло – не было человека, который двигал бы этот проект. Мне тогда и в голову не могло прийти взяться за это дело, тем более, двигать проект журнала.

Но это всё-таки случилось. После очередного Съезда коми народа мне вдруг пришло в голову, что среди активных участников коми движения нет людей моего возраста – тридцати-сорокалетних. Они словно бы выпали из процесса, хотя среди них – я это знал наверняка – было много по-настоящему креативных людей. Они не хотели участвовать в политике, но кто сказал, что национальное движение должно двигаться только по общественно-политическим рельсам, оставив культуру на обочине? В Сыктывкаре и вообще – в Коми – полно творческих людей – писателей, художников, учёных – кто их знает? Писатели пишут – среди них немало по-настоящему хороших поэтов и прозаиков – коми и русских. Конечно, есть Союз писателей, в который многие из них вхожи, но проблема публикаций так и остаётся проблемой – в лихие девяностые в ходу всё ещё были небольшие самиздатовские сборники стихов – так вышли, к примеру, «Незабудки» Сергея Журавлёва и просто «Стихи» Дмитрия Фролова. Издать книгу через официальное Коми книжное издательство было очень непросто, в ходу была шутка: чтобы войти в состав Союза писателей – надо издать книгу, но, чтобы издать книгу – надо быть членом Союза писателей. И если пишущие на коми языке ещё могли публиковаться в журнале «Войвыв кодзув», то русскоязычные попросту писали «в стол» – в столичные толстые журналы вход был очень ограничен. В лихие девяностые, да и раньше, в советские годы – в Коми была очень сильная журналистика. Газеты «Красное знамя», «Молодёжь Севера», «Трибуна», «Республика» печатали кроме новостных материалов добротную публицистику, аналитику, краеведческие статьи, в них даже были литературные страницы, на которых печатали

подборки стихов и небольшие рассказы. Литературные страницы были даже у районных газет, и писательские карьеры начинались с публикаций в районных газетах, затем – в республиканских, а потом уж, заработав имя, можно было и помечтать о центральных толстых журналах и о собственной книге. Непросто было и с художниками. Эти творческие люди были в центре культурной жизни – они выставлялись, их знали, но они не могли даже рассчитывать на нормальный искусствоведческий анализ своего творчества или увидеть свои работы в периодическом издании, тем более – в альбоме. В более выгодном положении были учёные – они, хотя бы, издавались.

Валерий Марков – крёстный отец журнала.

Эти три направления культурной жизни республики шли параллельно друг другу, не пересекаясь, и возможной точкой их пересечения мог бы стать журнал. И в какой-то момент я вдруг понял, что мне и придётся его поднимать. Больше того, я знал даже круг потенциальных авторов будущего журнала. С этой идеей я и пошёл на приём к В.П. Маркову – он возглавлял Комитет возрождения коми народа и был к тому же зам. Председателя Госсовета. Разговор был недолгим. Валерий Петрович меня выслушал и предложил подготовить концепцию журнала с чётким обоснованием необходимости его создания. На подготовку концепции ушло довольно много времени – одно дело мысленно представить журнал, совсем другое дело разработать и обосновать его структуру. Не скрою, – я ориентировался на журнал «Коми му – Зырянский край», учреждённый Обществом по изучению Коми Края в 1924 году. Этот журнал освещал события народно-хозяйственной и культурной жизни региона; был двуязычным, при этом, статьи экономической или научной тематики печатались на русском языке, а литературные – преимущественно на коми. На страницах журнала публиковали свои первые произведения молодые коми писатели и поэты, здесь же помещались первые работы по этнографии, лингвистике уже известных учёных – проф. В.П. Налимова, проф. А. Грена, А.С. Сидорова, и, в те годы молодых этнографов: П.Г. Доронина, Г.А. Старцева. Однако в 1928 году меняется учредитель журнала – им становится Коми облисполком. Журнал прочно встаёт, как тогда говорили, «на коммунистические рельсы», печатая, главным образом, партийные рекламации. С января 1930-го он стал называться «Ленин туйӧд – По ленинскому пути», и это был уже другой журнал.

Читая журнал «Коми му – Зырянский край» середины двадцатых годов, не покидает ощущение свободной стремительности времени двадцатых – наполненности его культуротворчеством, поисками новых смыслов. Журнал и сегодня словно бы живёт какой-то своей, невидимой жизнью, и, листая пожелтевшие страницы, слышишь голоса тех людей, усилиями которых создавалась новая культура, – культура свободной,

как тогда казалось, Коми автономии. Значение журнала для того времени трудно переоценить – это был креативный взрыв, положивший начало и литературному процессу, и развитию таких областей науки, как региональные история, этнография, фольклористика и даже экономика. Социокультурная обстановка начала девяностых в целом напоминала ту, что была в двадцатых – то же ощущение свободы творчества – вдруг открываются новые идеи, новые темы, новые формы литературы и искусства. Разница лишь в том, что в двадцатые в Коми крае было абсолютное начало новой культуры, а в девяностые созданная в то время культура получила новые креативные импульсы. Тем яснее осознавалась главная задача нового журнала: объединить интеллектуальные усилия творческих людей республики – литераторов, художников и музыкантов, учёных, и сделать их доступными для массового читателя.

Структуру журнала даже не надо было выдумывать – она была уже в голове: литературный раздел – «Проза. Поэзия. Литературная критика», исследовательский – «Зырянские штудии» и раздел искусствознания. Название «Арт-Лад» – из моего тогдашнего увлечения мифологией и семиотикой – из статьи В.Н. Топорова «О ритуале» я знал о ведийском слове rta, обозначающем в этом древнем языке мировой (космический) порядок. Ритуал, *ratio* – счёт, рассудок, *разум* – ср. русское «рациональный» – производные от *rta*, также, как и слова с корнем *art* в других индоевропейских языках, имеющих значения организации, гармонии, порядка, наконец – искусства. Наверно, всё это так и осталось бы в моей голове чистым знанием, но однажды я наткнулся взглядом на вывеску магазина хозяйственных товаров с презентативным названием «Артмас». Артмас – в переводе с коми – «получится». Я сотни раз проходил мимо этого магазина, и вот она – вспышка – найдено слово, объясняющее идею интеграции науки и искусства на двух языках. Это слово Арт – никакое другое слово не имеет столько значений! ***Арт*** в коми языке означает почти то же, что и индоевропейских – ряд, порядок, толк, лад, а коми-пермяцком так называют музыкальную гармонию.

Алексей Конюхов.

Я написал концепцию журнала (она опубликована в самом первом или нулевом номере «Арта») и позвонил В.П. Маркову. Совещание по поводу журнала было назначено на следующий день, кроме меня Валерий Петрович пригласил А.К. Конюхова – минис-

тра по делам национальностей и А.С. Безносикова – министра культуры. Когда я изложил суть дела – вопросов было много, но я был убедителен. Точкой преткновения был вопрос о культурной нише журнала. Литературу на коми языке печатает «Войвыв кодзув» – это понятно, есть русскоязычный журнал «Парма», издаваемый в Москве коми землячеством, и, кстати, курируемый тем же Министерством по делам национальностей. А на базе Министерства культуры издаётся журнал «Вопросы культуры» – с ним как быть? Конечно, я ничего не имел против этих журналов, но внутренне был убеждён, что время их давно прошло. Тонкий, с медведем – эмблемой движения «Коми войтыр» на тёмно-синей обложке, журнал «Парма» нередко был интересен, но он печатался без малейших признаков современного дизайна и на некачественной бумаге. Что касается «Вопросов культуры», то этот малообъёмный журнал, в основном, занимался публикацией документов Минкультуры, хотя в нём и появлялись время от времени культурологические статьи. Разумеется, «Арт» немного потеснит все три журнала в культурном пространстве республики, но конкуренция пойдёт только на пользу – муть осядет, и в чистом остатке будут уже четыре журнала. Думаю, что в этом я не убедил никого. Безносиков идею «Арта» не поддержал, но Конюхов встал на мою сторону. Все остальные дела по журналу я вёл уже с ним.

А. Бушуева, М. Карабанова, П. Лимеров. Только что получен тираж самого первого номера – нулевого.

Шёл 1995 год, и я не знал, с чего начать. Идея журнала поддержана, Конюхов предложил издать его на средства Министерства национальностей, но как воплотить эту идею в жизнь, когда кроме неё нет ничего, даже элементарного издательского опыта? Нужен был человек, у которого этот опыт есть, и я пошёл в Дом печати – куда же ещё? Разговаривал с журналистами – знаком был почти со всеми, разговаривал с редакторами – их я знал меньше – и не уверен, что они до конца понимали, о чём идёт речь. Кто-то спрашивал меня: «А кто станет главным редактором?» – я отвечал: «Давай, будешь ты, у тебя есть опыт, а я буду помогать». «Нет, – говорил мой совопросник – слишком это трудно». Саша Лужиков спросил у меня: «А ты хотя бы знаешь, что такое оригинал-макет?» – я честно ответил, что не знаю. «Не знаешь, а берёшься!» – сказал мне Саша Лужиков, замечательный поэт и главный редактор детского журнала «Би кинь – Искорка». Я не знал, что такое оригинал-макет, я даже не знал, что делать дальше. Только один человек, с которым я поделился идеей журнала – это был Александр Францевич

Сметанин, директор моего Института, сказал так: «Если ты поднимешь этот журнал – это будет великое дело».

Но «великое дело» никак не хотело подниматься. Весь 1995 год прошёл для меня в поисках – в целом свете не было человека с издательским опытом, который захотел бы заниматься новым журналом. Конечно, такие люди в Сыктывкаре были – я встречался, но после встречи кто-то внутри меня говорил, что с ними ничего не выйдет. В конце концов, я забросил это дело и занялся своей диссертацией. Прошло месяца два-три, и в конце зимы 1996 года позвонил министр Конюхов: «Ты куда потерялся? Не заходишь что-то… Дело есть, зайди ко мне». Я зашёл. Кроме Конюхова в кабинете находилась красивая черноволосая девушка – Александра Васильевна Бушуева – представил её мне Конюхов. Пили кофе, говорили, и вдруг пришло понимание, что Саша – тот самый человек, который и был мне нужен. Она работала главным редактором женского журнала, выходившего в Сыктывкаре года два, но, к этому времени, почти прекратившего существование.

Что немаловажно – у Саши было филологическое образование, и она знала, как организовать редакцию. Мы сразу распределили роли: я буду главным редактором, Саша – исполнительным директором журнала. Я отвечаю за материалы, составление номера, она – за работу редакции. Марков выделил нам одну из двух комнат «Комитета возрождения коми народа» в здании Госсовета республики и два старых компьютера, Саша привела своего бухгалтера Марину Карабанову – началась работа.

Как составляется журнал? Как отбирать материалы? Никакого представления об этом у меня не было. Опыт работы в школьных стенгазетах говорил мне – всё дело в авторах, надо идти к ним. И я пошёл. Мои друзья со студенческих лет – Олег Уляшёв и Евгений Козлов – уже числились в рядах литераторов, хотя в Союзе писателей ещё не состояли. Женя тщательно редактировал журнал «Войвыв кодзув», а его стихи на музыку А. Гена и А. Фёдорова – с успехом пела рок-группа «Периферия». С Олегом мы работали вместе – в отделе этнографии, но Олег был к тому же автором знаменитых пьес, которые с неизменным аншлагом шли в Театре фольклора. Эти – уже знаменитые мои однокурсники стали первыми авторами, давшими свои произведения в новый журнал. Я спросил Женю о перспективных молодых писателях – он принёс мне машинопись рассказа некоего автора, скрывавшегося под псевдонимом Лытун Лёш – студента четвёртого курса филфака. Рассказ назывался «Ру – Туман» и был настолько испещрён правками, что самого текста под ними почти не было видно. Многострадальный текст правили несколько человек – сотрудники журнала «Войвыв кодзув», а также и известные писатели – все хотели помочь молодому автору стать на ноги. Редакторские правки – всё равно, что шрамы на лице боксёра – их не избежать. Но в этом случае рассказ попросту терял авторство – после правок его можно было назвать творением народа. Я познакомился с автором – молодым Алексеем Полугрудовым, прочитал рассказ – он показался мне необычным – стилистическая композиция из литературного авангарда и фольклорных мотивов – и решил просто восстановить прежний текст. Это оказалось не так уж и легко – текст с правками был в единственном экземпляре – компьютеры были редкостью. С юной Алёной Ельцовой я знаком был по её учёбе в гимназии искусств – читал курс традиционной культуры коми. В десятом классе, в котором она училась, были одни умники и умницы. Как филолог, я однажды дал им зачётное сочинение на тему свадьбы

у народа коми. Проверяя, я ставил им пятёрки – заслуженные, сочинения были хороши. Но подошла очередь Ельцовой – у меня перехватило дыхание – я читал первоклассный рассказ. Позже я узнал, что её стихи уже печатались в журнале «Войвыв кодзув», что её считают едва ли не юным гением, но тогда я этого не знал, и до сих пор считаю талант Алёны своим личным открытием. В девяносто шестом она училась на первом курсе нового финно-угорского факультета и вскоре должен был выйти сборник её стихов «Кассяна во – Високосный год». Конечно, Алёна откликнулась на мою просьбу и предложила к публикации большую подборку стихов – написанные от руки, они до сих пор хранятся в моём архиве.

Следующим откликнулся бородатый Саша Лужиков. Огромный талант его кипел в могучей поэзии – я и рассчитывал на новые стихи. Но Саша принёс мне пьесу «Ыджыд висьöм – Тяжёлая болезнь» – совершенно фантасмагоричную пьесу о том, как к писателю в гости под видом невзрачного человека – Гражданина Икс – приходит его душа. Они пьют коньяк, ссорятся, судятся – писатель пытается подкупить этого Гражданина – свою душу, продать и даже убить. Мне вспомнилась «Неприкаянная душа» Виктора Савина – искавшая приют и не находившая его в закулисьях ада и рая. Ад «Тяжёлой болезни» Саши Лужикова – не только в том, что человек может продать свою душу, но и в том, что его душа продаёт самого человека. Саша с семьёй жил в то время на даче Союза писателей на турбазе Лемью. Однажды летом года девяносто пятого там проходило какое-то мероприятие финно-угорской молодёжи – ночевали в Сашином доме – ets. писательской даче. Утром я вышел во двор – солнце только вставало, озаряя весь набор летних прелестей: траву, деревья, речку – по-настоящему красиво. Посреди двора сидел Саша – по-турецки, но неумело, с закрытыми глазами. Я его окликнул – он открыл глаза и сказал: «Тише, я слушаю, как растут деревья». Сашина душа – вся в его стихах, и «тяжёлая болезнь» прошла мимо неё.

Я любил бывать в редакции газеты «Молодёжь Севера». Здесь работала артель отличных журналистов во главе с Евгением Хлыбовым. Захаживал я к Сергею Сорокину, знал которого со студенческих лет – просто так, пообщаться – откуда-то было ещё время на простое общение. Андрей Влизков – перспективный журналист «Молодёжки» творил красивую публицистику – я знал, что он не чужд и литературного труда. Он предложил мне повесть «Катерина Савельева», написанную замысловатым языком Андрея Платонова. «…Ей было шесть лет, она шелушилась под солнцем среди пшеничного поля и гражданской войны...» – в плотной вязи метафор угадывался талант, равный Платоновскому. Один литературовед, знаток Платонова, которому я посылал повесть на рецензию, написал мне, что повесть «безумно интересна», хотя он пока не может объяснить, для чего автор пишет, как Платонов. Литературовед собирался написать статью об этой повести, но умер, а журналистика задавила литературный талант Андрея Влизкова – в истории литературы он останется автором двух повестей – вторая через год после нас вышла в журнале «Север».

1996 год был годом возвращения имени Стефана Пермского – Республика широко отмечала 600-летие его памяти. 9 мая – на день памяти святителя – в Сыктывкар приехал патриарх Алексий – такого движения Сыктывкарского народа я не видел ни до, ни после этого. Огромные массы людей следовали всюду за патриархом – на площади у вечного огня, где он совершал молебен павшим воинам, в Усть-Выми – где когда-то была епископия Стефана Пермского. К дате памяти была

приурочена и резонансная научная конференция «Христианизация Коми края, и её роль в развитии государственности и культуры» (6–8 мая) – её материалы которой были изданы в одноимённом двухтомнике. Значение этой конференции в том, что Стефановская тема впервые была вынесена на широкое научное обсуждение – решались вопросы, принципиальные для различных отраслей науки, культуры и религии.

Дмитрий Несанелис.

В девяностые годы много было споров о Стефане Пермском. Кто он: просветитель, создавший коми письменность и обративший народ в христианскую веру или же он – злодей, силой московских дружинников заставивший принять крещение, потопив Коми край в крови и разрушив самобытную коми культуру. В фольклорном театре шла пьеса Олега Уляшева «Поэма о храмах», написанная по сюжету фольклорной легенды о крестителе. Журнал «Войвыв кодзув» печатал роман великого шестидесятника Геннадия Юшкова «Бива» – о времени святителя Стефана. Хитрый Стефан в последних главах романа прикармливает доверчивый коми народ завезённым из Устюга хлебом, так переманивая его на сторону христианства, а не принявшие крещения язычники заживо закапывают себя в земле в так называемых чудских могилах – опять же фольклорный сюжет. Правительство РК проводило конкурс на лучшее литературное произведение о Стефане Пермском – участвовали многие, – победила поэма Андрея Расторгуева. На том фоне журнал просто не мог пройти мимо стефановской темы, она и стала ключевой темой номера. Эрнст Мезак, журналист из той же «Молодёжки» предложил мне интервью с профессором СыктГУ Виктором Семёновым. Он назвал тему «Стефановское наследие и проблемы современности», предложив продолжить её в следующих номерах журнала. Кажется, в этом интервью впервые и прозвучали внятные ответы на вопрос, что же оставил нам Стефан Пермский. А оставил он не много и не мало – коми народу – христианство и коми язык, а русским – сильное полиэтничное Московское государство.

Я озвучил стефановскую тему в Министерстве по делам национальностей, и Конюхов предложил мне посмотреть папку с материалами по этой теме – они были собраны для сборника, но по какой-то причине он выйти не мог. Я выбрал из этой папки статьи Александра Терюкова и Михаила Рогачёва – осталь-

ные статьи мне показались слабоватыми. Нужны были и другие материалы – я обратился к Андрею Власову, руководителю Центра фольклора и древнерусской литературы СыктГУ и Наталье Петренко – они довольно активно разрабатывали в то время стефановскую тему.

И тогда возникла проблема научного редактирования. Долго я не думал – научным редактором стал мой друг и коллега Дмитрий Несанелис. В нашем отделе этнографии работали умные люди – Конаков собрал отличную команду. Его любимым присловьем было: «Считаешь себя талантливым – пиши. Я прочитаю, а там – будет видно». И мы писали. Но Дима писал особенно красиво, умело используя семиотическую лексику и ненавязчиво цитируя великих. Его монография «Раскачаем мы ходкую качель», изданная в начале девяностых самиздатовским способом, уже была научным бестселлером. Когда я позвал его работать в журнал – он откликнулся сразу. Его не смутило, что зарплаты не предвидится неизвестно сколько времени, может, её вообще не будет. За редактирование научной части журнала он взялся рьяно, показывая мне многочисленные редакторские правки статей. Это Дима привёл в журнал Юрия Екишева. Высокий, бородатый с хвостиком густых чёрных волос, Екишев был похож на священника без рясы. В сущности, он и занимался в то время церковными делами – это он организовал или лучше – возродил православное молодёжное движение в виде Стефано-Прокопьевского братства Сыктывкарской епархии. Кроме того, он занимался подготовкой к изданию православной литературы на коми языке: в 1994 году издал «Молитвослов», а в 1996 году – «Божественную литургию Иоанна Златоустаго», переведённую на коми язык в середине XIXв. Г.С. Лыткиным. В этом же 1996 году в Парижском журнале «Континент» вышла его повесть «Под защитой», выдвинутая её издателем И. Виноградовым на малую Букеровскую премию. Так что Екишев был писателем уже российского масштаба, и привлечение его в журнал было большой удачей. Его киноповесть «Рӧдвуж андел – Ангел рода» абсолютно соответствовала духу журнала – необычным сюжетом и тем, что её герои говорили на двух языках – коми и русском. И ещё тем, что она была посвящена памяти знаменитого кинорежиссёра Андрея Тарковского и сопровождалась напутственным письмом Александра Сокурова, который собирался снять по этой повести фильм.

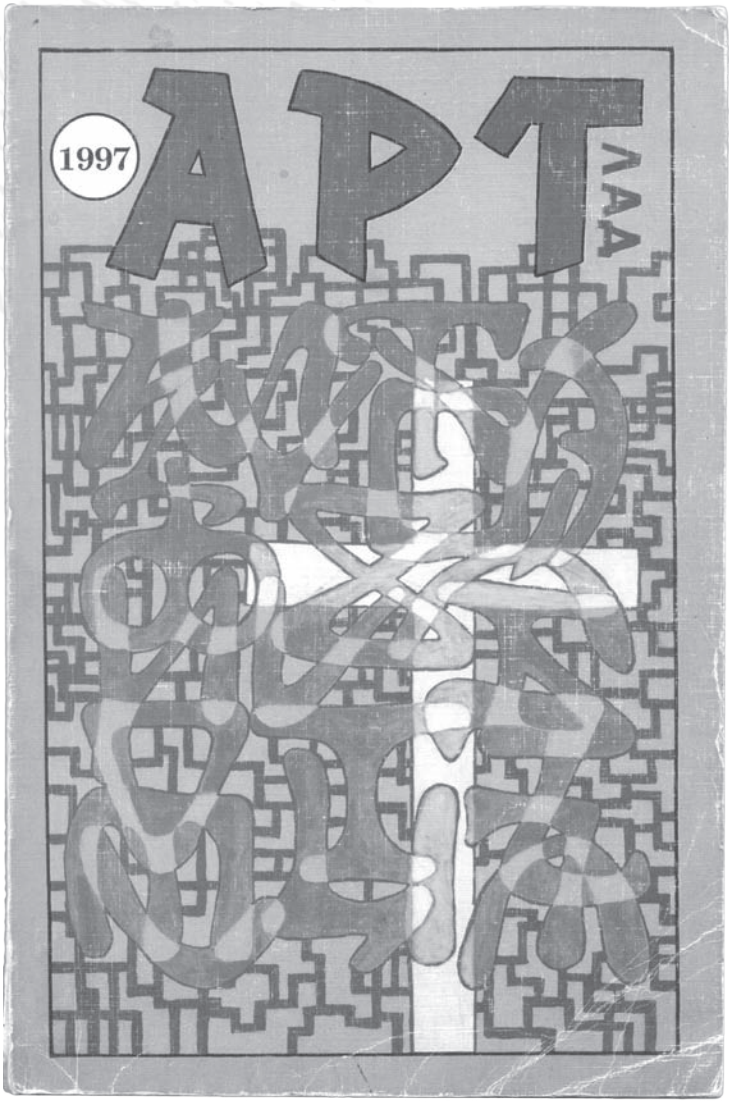
С Екишевым в редакцию пришёл дух полемики. Кроме повести, я взял к публикации его статью о праздновании 500- и 600-летия памяти святителя Стефана Пермского. Смысл этой статьи – даже не в сравнении двух этих празднований – 500-летие отмечалось широко, по всей России, и оно характеризовалось приумножением стефановских святынь, в то время как сто лет спустя – после 70 лет тьмы атеизма – святыни обретались вновь, и обретение их было тихим, заметным только тем, кто видел их, но оно происходило: в виде строительства часовен, чудесных обретений икон и креста-мощевика, возрождения крестных ходов, учреждения епархии и даже издания «Литургии» на коми языке. За этими малыми вроде бы событиями видится великое – восстанавливается историческая связь с прошлым, с ценностями предков. Вроде бы ясная мысль, но в части переводов на коми язык – она вдруг вызвала некоторое неприятие. Наташа Петренко, по мотивам статьи Юрия вдруг написала о том, что на самом деле эти переводы не были никому нужны ни в стефановское время, ни в XIX веке, ни, тем более, сегодня – по той причине, что коми язык не в состоянии вместить всю глубину христианского

учения – это послужило причиной утраты стефановской письменности. А коми, во всяком случае, уже со времени Питирима Сорокина прекрасно владеют русским языком. Наталью поддержал Владимир Шаронов, полагающий, что создание «новых святынь», в том числе и издание Литургии на коми языке – не более, чем новое мифотворчество, уводящее от настоящих православных ценностей. Я взял в номер все три статьи – умные люди их писали, а читатель пусть сам разбирается, чья точка зрения ему ближе.

Материалов было в избытке. Научных материалов. Весть о новом журнале нашла живой отклик в среде моих коллег по институту. Не приходилось долго упрашивать – статьи предлагали сразу же, стоило назвать тему. Так набрались ещё два раздела журнала: «Зырянские штудии» и «Персоналии. Архив». На первый взгляд, в этих разделах царит эклектика, но это не так. В них набирались работы, которыми в то время очень интересовались. Так, раздел «Штудий» открывается статьёй Евгения Цыпанова о коми литературном языке и языковой политике – очень актуальная тема даже и сегодня. Моя статья о творчестве И.А. Куратова и аналитическая статья Валентины Лимеровой по рассказу В.Т. Чисталёва «Один... из тринадцати миллионов» демонстрировали новые литературоведческие подходы к творчеству классиков коми литературы. Статья Валерия Шарапова о сновидениях была новаторской в этнографии – мало кто в то время поднимал эту тему. Наш главный мифолог Николай Конаков предложил мне самому выбрать что-то из его новой, готовящейся к изданию, книги – дал мне распечатку, и я взял главу «Между небом и землёй». Все эти работы вызывали в девяностые годы неподдельный интерес.

Девяностые можно назвать и десятилетием возвращённых имён. Беда Советского Союза была, кроме всего прочего, в том, что имена многих известных в прошлом людей были незаслуженно исключены из культурного пространства. Эти имена – учёных, писателей, политиков – рвались из небытия и в конце восьмидесятых буквально взорвали советскую семиосферу. Советский Союз захлестнул вал имён, литературы, информации – навсегда изменивший страну. Среди возвращённых имён были и Каллистрат Жаков, Питирим Сорокин, Василий Налимов – божией милостью учёные, в дореволюционной России сумевшие влиться из сословия коми крестьян в сообщество профессуры Санкт-Петербурга и Москвы. Интерес к этим людям был неподдельный. Игорь Жеребцов, активно изучавший биографии деятелей коми культуры начала XX века, предложил свою статью о Зырянском Фаусте – Каллистрате Жакове. Майя Бурлыкина предоставила из фондов Музея СыктГУ статью безвременно ушедшего Адольфа Туркина «Жаков в Психоневрологическом институте». Завершался раздел статьёй «Одна Родина – две судьбы» Дмитрия Несанелиса и Виктора Семёнова о Василии Налимове и Питириме Сорокине.

Параллельно с набором материалов мы с Сашей (Бушуевой А.В.) продумывали и эстетическую конструкцию журнала: остановились на формате 16 на 27 и на интеллигентном серо-зелёном цвете обложки. Далее требовалась работа художника, и я, конечно же, пригласил Юру Лисовского и Пашу Микушева, иллюстраторов моей книги мифов и легенд. К этому времени оба они поддержали зародившийся в Эстонии этнографический авангард – и стали известны как художники-этнофутуристы. Символом журнала должен был стать лабиринт – это мне было ясно с самого начала. Парадоксальность смыслов, заложенных в этом понятии – от мифического путешествия Язона по критскому лабиринту до лабиринта борхесовской «Вавилонской библиотеки», где сама эта библиотека, с



Первый – нулевой – номер журнала.

её бесконечными галереями книг, не что иное, как Вселенная смыслов, путешествие к центру которой занимает века, но недостижимо – более всего соответствовала названию «Арт» с его символикой целокупности культуры. В конце концов, чтение – не что иное, как движение по смысловому лабиринту, в центре которого читатель обретает знание. А, может, самого себя? А, может, читатель – в центре, а чтение – нить Ариадны?

Первый лабиринт, нарисованный Юрой, был прямоугольным, собственно, он представлял собой простой набор изви-

Галина Бутырева.

листых линий – без входа-выхода и центра – подобие лабиринта, но не более того. Но мы приняли его – сказалось отсутствие опыта, и он долгое время был нашей официальной эмблемой. Позже, Юра нашёл единственно правильный вариант лабиринта – круг – конечно, круг или шар – символ вечности, миропорядка. Юра нарисовал заставки ко всем разделам – с тех пор графические заставки стали нашим фирменным брендом. Долго продумывали оформление обложки. Хотелось, чтобы с обложки в мозг била ключевая тема номера. А ключевой была тема стефановская. Сошлись на том, что на лабиринт будет наложена вязь из стефановских букв – Паша придумал и нарисовал. Он же стал и автором фирменных букв названия – похоже на готический шрифт, но не он. Паша придумал и название раздела искусства – «Арт-факт» – он попал в точку, название сразу прижилось. Естественно, что право открыть этот раздел в журнале было дано нашим художникам – на середину девяностых они были абсолютно новаторскими в художественном мире Сыктывкара. Первую статью об этих работах и об их авторах написала Ирина Котылева. Позже о них будет написано много статей – вкупе ли с другими этнофутуристами или отдельно от них – не суть, эта статья навсегда останется первой и, как мне кажется, самой верной трактовкой их творческого кредо. В разделе «Арт-факт» хотелось видеть и другие формы искусства – Ирина написала статью о выставке «Пути мифов – пути народов», в которой традиционное мировоззрение коми раскрывалось через народное декоративно-прикладное искусство XIX – нач. XX вв. Председатель Союза композиторов М. Герцман представил статью «В поисках коми музыки», где впервые за последние десятилетия был поставлен вопрос: где же искать собственно коми музыку: в трескотне деревянных барабанов или в оркестре сигудков? К сожалению, этот вопрос остаётся открытым до сих пор.

Наконец, журнал был готов. Вернее, готовы были первые компьютерные распечатки журнала. Одну из них отнесли на утверждение Главе Республики Юрию Спиридонову. Другую – в Дом печати. Началось долгое и томительное ожидание – журнал должны были утвердить или не утвердить. «Жёлтый дом» хранил молчание, и это молчание действовало на нервы. Шли дни, недели, месяцы – Жёлтый дом молчал. Я приходил к Конюхову – он тоже ничего не знал. Прошёл слух, что Спиридонов не хочет утверждать мою кандидатуру на должность главного редактора – я сно-

ва шёл к Конюхову, спрашивал – так ли? – он говорил, чтобы я не верил слухам – снова шли дни, недели, месяцы.

Надо сказать, что в Доме печати возможность появления нового журнала приняли настороженно. Коми писатели были против – они считали, что в республике должен выходить только один толстый журнал – «Войвыв кодзув», материала для другого журнала, во всяком случае – коми материала – не будет хватать. Это противостояние продолжалось и в последующие годы – у меня даже была серьёзная стычка с коми поэтом Альбертом Ванеевым – человеком, которого я всегда безмерно уважал. Он предрекал журналу информационный голод и скорую кончину в безвестности – он был вне себя и даже кричал, правда, уже на другой день мы восстановили дружеские отношения. Можно было бы и не упоминать об этом досадном случае – но это была тенденция, и с ней надо было жить. Я читал отзывы о журнале, написанные писателями – они излагали свои мысли о том, каким они хотели бы видеть новый журнал, но их взгляды не совпадали с моими, и это приводило меня в состояние безграничного уныния. Молчание Жёлтого дома продолжалось до конца лета 1997 года. Наконец, Конюхов собрал нас в своём кабинете и сказал, что журнал утвердили, но главным редактором назначена Галина Васильевна Бутырева, тогдашний заместитель Главы республики. Я испытал одновременно разочарование и облегчение. Разочарование от того, что главным редактором буду не я, облегчение – от того, что им будет Галина Васильевна, а не кандидат из кем-то составленного списка – слухи о нём доходили. Галину Васильевну я знал с начала девяностых – она возглавляла финно-угорский центр, а затем была первым министром по делам национальностей. Кроме всего прочего, она была замечательным поэтом и, вообще, удорским человеком, земляком. Мы не знали всех перипетий продвижения журнала в Жёлтом доме. Позже, много позже, Галина Васильевна рассказывала, что Юрий Алексеевич Спиридонов предложил ей должность главного редактора, сказав, что в противном случае он журнал не утвердит. Время показало, что для журнала «Арт» – это было единственно правильное решение.

И вот журналу уже двадцать лет. Вернее, двадцать лет минуло с выхода первого номера – мы называем его «нулевым» – он должен был выйти в 1996-м, но вышел год спустя. Двадцать лет – это уже история, и начало этой истории было трудным. Может быть, потому, что впервые после опыта двадцатых годов журнал не назначался советскими органами по образу и подобию центральных литературных журналов, а рождался самостоятельно, по инициативе, как тогда говорили – «с низу». А может быть, потому, что к середине девяностых толстые журналы уже стали терять читателя – начиналось время «глянца» и сканвордов. Оглядываясь назад, я вижу цепь многих обстоятельств, без которых выход журнала был бы невозможен. Даже обрыв или отсутствие одного из звеньев этой цепи означало бы провал проекта. История не терпит сослагательного наклонения, но всё же, всё же, всё же… Если бы на месте Главы республики был не Юрий Спиридонов, а кто-то другой, если бы Галина Бутырева не сделала карьеру от простого журналиста до заместителя Главы республики, если бы Валерий Марков не сделал карьеру от вузовского преподавателя физики до зампреда Госсовета республики, если бы министр по делам национальностей Алексей Конюхов не был в прошлом кандидатом социологии – думаю, окажись на месте любого из них кто-то другой – идея журнала просто не была бы понята. Если бы я в начале девяностых не замыслил издать книгу мифов

Редакция журнала в начале 2000-х. Стоят: Н. Вахнин – верстальщик, Ю. Лисовский – художник, П. Лимеров – зам. главного редактора (составитель); сидят: Т. Леончик – бухгалтер, Г. Бутырева – главный редактор, Т. Логинова – редактор.

и легенд коми народа, то не познакомился бы с министром Алексеем Конюховым, поддержавшим этот проект, а в последующем и проект журнала. Эта несостоявшаяся в то время книга познакомила меня и с будущими художниками журнала – Юрием Лисовским и Павлом Микушевым – без них не было бы «своего» лица журнала. Если бы Александра Бушуева продолжала издавать свой женский журнал – наша встреча бы не состоялась. И если бы я не был удорским…

На этом можно было бы и поставить точку. Но дело ведь не только в том, что журнал выходит вот уже двадцать лет. Дело в том, что он даёт читателю. Конечно, в первую очередь – новая литература республики. Журнал продолжает отслеживать литературный процесс, публикуя старых авторов журнала и открывая новые имена. Но литература не может занимать всё пространство культуры – она существует в интеллектуальном диалоге с культурологией, историей, искусствознанием – здесь же, на страницах журнала. Именно это даёт живое осознание внутреннего единства культуры и истории не как неких внешних факторов, а как собственности самого читателя, его причастности.

ПРОЗА.
ПОЭЗИЯ

Евгений Козлов

***Козлов Евгений Валерианович** родился 18 мая 1960 года в деревне Эжолты Усть-Вымского района. Закончил Сыктывкарский государственный университет. В течение 20 лет работал в литературном журнале «Войвыв кодзув». Публикуется с 1976 года. Стихи и рассказы выходили в журналах «Войвыв кодзув», «Арт», «Би кинь», «Чушканзі», в коллективных сборниках. Автор сборников стихотворений: «Водзкыв пыдди», «Узьтöм войяс», «Кык книга».*

Версия возникновений

Что впереди – то для меня загадка,
Но из окна летящего вагона
Я видел море жгучего заката,
Как на полотнах пьяного Ван Гога.

Метался город измождённо-смуглый,
А сбоку тени налетали слепо.
И в предпоследнем вздохе
окна-угли,
Вдруг вспыхнув,
Меркли,
Превращаясь в пепел.

Потом – погасло.
И – темно и глухо.
И свет луны как призрачное тленье.
И где-то там молитва в отдаленьи,
Чуть уловима
Внемлющему слуху...

1982

Утренняя охота

Мурашки бегали по коже,
Кружился ангел в небесах.
И динозаврик сонный ожил,
Запутываясь в волосах.

Она лежала, как в засаде,
На нежных линиях спины
Смешалось всё, как в зоосаде –
Медведи, зайчики, слоны

Топтались, бегали, плутали
(уменье скрыться – ремесло).
Следы и тропы заметали,
Но никому не повезло.

Она смеялась дивным смехом,
Всех узнавая наповал.
Я – восхищён её успехом,
Всё целовал и целовал.

И я подумал – даже сотни
Зверей убитых – наплевать!
Хочу на утренней охоте
Её всю-всю расцеловать.

А звери, птицы, динозавры –
Они живут лишь для неё.
Их воскресит из мёртвых завтра
Воображение моё...

1991

* * *

Я – дитя в материнской утробе.
Слякоть.
Дождь.
Что творится со мной?
Это грязный, лохматый Октобер,
Пёс бездомный, брызжет слюной.

Это он наследил на лужайке,
Он порвал паутинную нить.
Тонкий лёд в переполненной шайке
Продавил, чтобы влаги испить.

И до боли томительной в скулах
Он гонял припозднившихся сов.
Ты его у крылечка спугнула,
Отворив на рассвете засов...

1990

Версия возникновений

В небе есть дыры, пазы и трещины
(см. голографические сверления
в безделушках из оргстекла).
И уже в них, как в женщинах,
Формируются разные тела.

Птицы, звери, человек, дерево –
Собой заполняют свободные ниши.
Отличие только как верить от веровать,
Другого объяснения я не вижу...
Аминь!

1991

* * *

Он встал, но проснулся не сразу, пока
Не выпил вчерашнего пива.
В окне проплывали пенясь облака.
Мутило рассудок, дрожала рука.
У зеркала встал, стало два дурака –
Стоят, ухмыляются криво.

Помолимся богу, и бог нам простит,
Он любит, когда всё звенит и блестит.
Авось и с утра угостит...

Помылся, побрился, нашипрился весь,
Оделся во всё от Versace.
Достал пистолет, что дарил ему тесть,
Проверил обойму – осталось там шесть.
Что было, то было, и нечего лезть,
Бог видит, не мог он иначе.

Помолимся богу, и бог нам простит,
Он любит, когда всё звенит и блестит.
С прищуром глядит да свистит...

Он нежно погладил его рукоять
И встал перед зеркалом снова.
Хотелось вот так помолчать, постоять,
Но что-то в душе кувыркнулось опять,
И в тесной обойме осталось лишь пять...
Ни слёз, ни прощального слова.

Помолимся богу, и бог нам простит,
Он любит, когда всё звенит и блестит.
Так пусть же всплакнёт, погрустит...

1996

Человек-чудак

Живёт где-то в маленьком городе человек-чудак,
В городе, где вечно смог и туман.
По ночам он залезает на тёмный чердак
И пишет любовный роман.

Он живёт один в своей маленькой конуре,
Но ему всё кажется, что в Её глазах
Он не иначе... как там его? Оноре...
Да, да, конечно же... де Бальзак!

Он одевается в прошлое, нарочито рядясь в старьё,
Тайком уходит, пишет и пишет, сопя.
И ему кажется, что всё это в тайне от неё,
На самом деле от себя.

Под утро возвращается в свою маленькую конуру
И в терзаниях умоляет: «Прости!
Если не сделаешь этого, сегодня же я умру,
Нет сил такое бремя нести...»

Она, конечно, молчит, но глаза её полны слёз,
Она нежно целует его в лоб,
И она понимает, что он страдает всерьёз,
Не нужно никаких тест-проб.

Потом они сядут и будут пить и пить чай,
С вареньем или джемом, но пить.
И будут плакать и улыбаться, за исключением двух фраз невзначай,
И я теперь понимаю, что значит любить.

Человек-чудак очень любит свою одинокую грусть,
Ему ни с кем не хорошо так, как с ней.
Он любит её, так пусть
Они нарожают детей...

1993

* * *

Каждый раз, когда ложусь, электрическая дочь
Ставит музыку одну столько лет, и не меняет...
Я в беспамятстве кружусь, я не в силах превозмочь
Эту странную игру — что она напоминает,
Электрическая дочь,
Плоть, охваченная дымом...

Эта музыка звучит не смолкая день и ночь,
Сон кошмарный, дым-туман или омут леденящий.
Электрическая дочь, ты не в силах мне помочь
Чудным голосом своим и улыбкою манящей.
Электрическая дочь,
Не зови меня любимым...

Вновь мелодия твоя зазвучит — бегу я прочь,
Но — чем дальше ухожу, к твоему безумству ближе.
Сколько вынесу ночей, но двенадцатую ночь
Мне не вынести, когда средь толпы тебя увижу.
Электрическая дочь,
Ты влечёшь неудержимо...

Я не в силах полюбить эти звуки, только плоть,
Только плоть, живая плоть мне, рукам моим подвластна.
Электрическая дочь, посмотри — какая ночь!
Я согласен улететь, если ты на всё согласна.
Электрическая дочь
Проплывает мимо, мимо...

1994

Эко логика!

(из дневника марсианина)

По небу летят
полиэтиленовые пакеты
По рекам плывут
пластиковые бутылки
Искусственная трава стадионов
В неоновых витринах
силуэты манекенов
Идеальный
Нетленный
пластиковый мир
созданный человеком для человека.

2008

Из жизни ветра

Ветер листает книгу
Что он там пытается найти
Заветное слово
Я уже пытался
Тщетно

Ветер ищет птицу
Птица ищет ветер

Ветру надо кого-то носить
Ветер носит листья и мусор
Но они не умеют радоваться как птица
И когда ветер не находит птицу
Бродит между деревьями
И рыдает
Как ребёнок
Потерявший любимую игрушку

Я птичий ветер
Ты ветренная птица
Давай
Вместе...

2002

Глупая баба

Глупая баба рожает на свет
Мыльные пузыри.
Глупая баба их видит на свет:
«Прощайте, милые упыри!»
В густеющих сумерках тает их след,
И она опять в тоске.
Глупая баба рожает на свет
От смерти на волоске.

Она вечно беременна,
Хотя её давно никто не любит.
Соседям клянётся, что
Её посещает тот,
У кого членораздельные губы...

Глупая баба рожает на свет
Праведников и блудниц.
Глупая баба твердит, что нет
Вечной любви, только блиц.
И наутро, когда выбегает во двор,
Она в положеньи опять,
А под вечер рожает.
...Ну, разве не вздор?
И я устал на дозоре стоять!

Она вечно беременна,
И в этом вся её прелесть.
Причина ума в мозгах,
Последствия траты в ногах,
Я понял это нынче в апреле...

1990-е

* * *

А мы русалку видели вчера.
...Отец нас раньше солнца разбудил.
Взяв удочки, червей, мы второпьях
В тумане по тропинке побежали.
И удочки закинули сперва
На той курье, что прячется за мысом.

Клевало плохо.
Побрели обратно
Туда, где лодки ставят рыбаки.
И вдруг
Когда мы вышли из кустов,
Брат прошептал:
– Смотри, смотри – русалка!
Ещё не поняв, я воскликнул:
– Где?!
И в тот момент увидел –
В брызгах влаги
Всю солнечную
С длинными власами,
Распущенными...
Точно – до колен!
Она плескалась там, где «наше место».

– Точь-в-точь такая, как нам описал
Дед Пантиль. Правда?!
– Думаю, что лучше!

И затаившись в ивовых кустах,
Мы наблюдали
И спугнуть боялись.

– А что потом?
– Запели петухи,
Она взошла на золотистый берег,
Надела платье лёгкое в горошек,
И взяв с баркаса медный таз с бельём,
Покачивая бёдрами,
Легко
Пошла в деревню...
На песке остались
Чудесных ног чуть влажные следы.
– Да ладно врать!
– Взаправду! Что мне врать,
Спроси у брата, он-то тоже видел.
И Пантиль дед...
Мы видели лишь раз,
Он, говорит, частенько наблюдает...

2003

* * *

Ты уехала, стало так пусто
В этом городе без тебя.
А за окнами густо-густо
Намело, белизной слепя.
И бывают такие минуты –
Вот сейчас разорвётся душа
Как задавленная,
Как будто
Поселили живого ерша
Там, где сердце должно быть что-ли.
Вот и колет,
И колет,
И колет.
И не кончится этот снег
Через день.
Через год.
Через век.

1996

Последняя беседа с инквизитором

– Так ты твердишь, и у грибов есть бог?
– То истинно!
У трав
И у деревьев,
У птиц и рыб свой бог.
Я верю, ибо
В «Писании»:
«И создал бог букашку
По образу и подобью своему!»

2002

Юрий Екишев

Екишев Юрий Анатольевич *(родился 6 апреля 1964 г. в Сыктывкаре) – современный писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х гг. были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. В 1996 году Ю.А. Екишев опубликовал повесть «Под защитой» в журнале «Континент». В 1997 году журнал «Континент» (Париж) принял к публикации серию очерков Ю.А. Екишева о Коми крае «На краю Российской земли», начиная с 1997 года, Ю.А. Екишев активно публикуется в журнале «Арт». В 2002 году в г. Сыктывкаре отдельным изданием вышел сборник произведений Ю.А. Екишева «О любви от третьего лица», в который вошли лучшие его повести и роман. В 2008 г. В Санкт-Петербурге вышла книга «Россия в неволе».*

Деревенская любовь

(Повесть)

Не знаю путей мужчины к женщине...

Екклесиаст

Деревенская любовь. Конечно, её нет. Она не может быть деревенской, городской... Если она есть – то это как раз центр вселенной. Опираясь на него, можно перевернуть весь мир, а можно и оставить его в покое – какой смысл воевать с тем оставшимся миром, где нет любви, раз она здесь?..

Тем не менее она есть, деревенская старая любовь, делающая меня моложе иных нынешних ветхих школьниц-старушек, живущих в бесконечном сне, который никогда не станет сказкой.

Там, в тишине и упадке, в кажущемся неразрывным и вечным круговороте обыденного труда и простых радостей, среди нескошенных лугов и заброшенных полей, бесконечных поворотов реки, изгибов, отмелей, лениво играющих на солнце, – там любовь и сущности, близкие к ней, – все на виду. Там она выходит наружу, переставая играть в бесконечные прятки, и вновь прячется за грубоватые деревенские шуточки: любви хотите? а любовью по шее?

* * *

После войны было много вдов. Были немногие счастливые семьи, какие-то обособленные, притихшие в своём ровном и спокойном счастье – он вернулся живым. Но вдов было больше.

Были мужики разные. Редко кто бегал, как сейчас, и искали себе пару. Эти непутёвые герои пропадали быстро – или в драках, или по лагерям. А некоторые, странные, верные-неверные, тянули на себе две семьи. Старую и новую. Старую обычную, первую, сотворённую по молодости, и вдобавок новую, прилипшую к душе, которую жалко стряхнуть вместе со всеми сидящими в новом гнезде и молящими неизвестно о чём.

Таких было очень мало, и они были упёртые, смотрящие хмуро в землю. После работы шагающие сначала в один дом, и там совершавшие всю мужскую работу, потом – в другой. Они, жилистые, тянувшие сквозь ломоту зубов два дома, мало где показывались. Будто старались доказать, всё делая вдвойне – заготовку дров, сена, уборку картошки, – что любовь может всё. Что она просто есть. Им никто был не указ, каждая минута жизни была особенная, не могущая пропасть просто так – она должна была быть отдана или одному дому, или другому, предана чему-то осмысленному только ими, этими бешено-злыми, бешено-сильными, вытягивающими из пропасти что-то огромное, полулюдьми-полубыками.

Я смотрела на них с большим, чем на пленных, страхом, на этих двужильных. Совершенно непонятно было – зачем им это всё? Откуда они брали эти нечеловеческие силы? Может, раз в год они всё же оставались одни, уходили в глухие уголки тайги, и там выли, как волки, от тоски? И так получали ещё чуть-чуть сил? Или молились?

Зачем им это безумие – любить кого-то ещё, кроме законной жены? И так открыто, вызывающе, будто назло всем.

Более того, мой отец оказался не таким. Он пришёл с войны, но не к маме. И мы остались одни.

Однажды к маме пришёл человек. И она хотела меня познакомить с ним. Я ничего не понимала, и всё сразу поняла, когда влетела в горницу. У меня был свой уголок, где жили мои куклы. Я отделила его лёгкой занавеской от всей комнаты, чтобы играть будто в своём мире. А он взял и снял её, и так легко намотал на руку.

Я подошла, протянула руку за тканью, а он не отдал. Хотел погладить, но я дёрнулась и убежала. А потом, когда он ушёл, вновь повесила занавеску, хотя мама попросила этого не делать.

В следующий раз были какие-то посиделки. Он, увидев занавеску, попытался что-то сказать маме, и одновременно протянул руку, чтобы обнять её, а она не отодвинулась. Тогда я взяла и укусила эту протянутую к моей маме руку. Как можно больнее.

Я видела его потом, через несколько десятков лет. Он так и не женился, он любил мою бестолковую мамку, которая неловко пыталась свить гнездо для дикого кукушонка, для меня. Через десятки лет я вновь случайно встретила его глаза, и он узнал меня. И просто долго смотрел на меня. И я не отводила глаз.

В этом долгом взгляде я увидела что-то беспомощное, даже противное в своей жалости – жизнь, прожитую в любви и в полном отсутствии любви. Жизнь, отданную за любовь. Жизнь, в которой все любящие беззащитны – они снимают всю оборону, все

препятствия, и говорят в себе совершеннейшее безумие, что они кого-то любят. И вот здесь-то начинается проверка – есть ли край, есть ли муть, взвивающаяся со дна, когда камень, пущенный в эту бездну, всё-таки наткнётся на дно, и всё окажется самой обычной историей?

У этих глаз дна не было.

Жизнь так проверила этого дядьку, что мне стыдно до сих пор, что я послужила этим дурацким орудием никому не нужной проверки. Что за бред? – отдать жизнь за мечту, которая никогда не осуществится? Это ли достойно мужской жизни? Всадник без головы, маявшийся всю жизнь, так же нелеп, как и стосильный кентавр.

Я легко забыла эти бездонные и в то же время добрые глаза, будто вымаливающие уже никогда не осуществимую встречу – мамка-то моя золотанская намаялась в одиночку, и отлеталась довольно быстро... И никого больше у неё не было, кроме единственного внука, моего сына.

Но иногда я вижу проблески этого безумного огня в чьём-нибудь взгляде. И знаю, что дна нет. Пропасть бездонна. Река, уносящая нас – бесконечна. Вечность, ждущая нас – неизмерима. Смерть, уносящая в своих ласковых объятиях всю любовь – заблуждается, упоённая временной победой. Смерть огромна, но любовь бесконечна.

* * *

Желание побыть с любимым человеком – казалось мне смешным. Столько времени убивается бессмысленно. Ходят молча, парочками, как идиоты, как нелепые птицы из Красной книги, пялятся друг на друга, не замечая никого, делают бестолковые замедленные движения, будто невиданные африканские ленивцы, про которых рассказывала учительница биологии.

У нас в нищей послевоенной школе не было ничего, даже приличной доски, а уж тем более каких-то там таблиц и учебных пособий. И она просто выпучивала глаза и изображала, как коала лезет по стволу пальмы, как он медленно поворачивает голову и ищет взор такого же глазастика. Показывала, как его идиотик-кенгурёныш впился в шкуру и путешествует по миру, вцепившись когтями в бестолковую медлительную мамку. Она где-то это читала в институте, или может, даже видела в документальном фильме. А я видела в её движениях прятавшихся по сеновалам и рощам старшеклассников. Таких же нелепых.

Все влюблённые – очеловечившиеся ленивцы. Ищущие – где свить гнездо и упасть в бездну в объятиях единственных в мире желанных когтистых лапок.

Я думала, что никогда не буду такой смешной и беззащитной.

На своё первое осознанное свидание я убежала уже когда окончила школу. Мы познакомились в институте. Я вернулась в деревню после поступления, прилетела окрылённая – впервые в жизни счастье обрушилось на меня огромным потоком, когда я увидела, что меня зачислили.

И он оказался рядом, там в городе, его тоже приняли. И мы болтали, болтали долго, проболтали половину счастливейшего дня. Оказалось, что мы из одних краёв, и что он будет ждать меня каждый выходной день в одном из посёлков на полпути от него до меня, а это километров двадцать.

Я вернулась домой, и радостная и огорчённая – я настолько выросла, что у меня

не было ничего, что можно было бы назвать одеждой. Как дальше жить, а тем более учиться?

Мамка моя летала где-то в другой деревне. Она была учительницей, и её пригласили подиректорствовать в отдалённой школе. От неё я видела только редкие письма, за которые бабушка очень её ругала: мне нужны были не письма, а трусы, тёплые рейтузы, колготки, юбка, блузка – всё, что необходимо девушке для жизни. Я была сильная, крепкая, ловкая, и почти совсем раздетая. Для деревни это ещё годилось – кто смотрит на твои прорехи в платье? А вот для учёбы...

Бабуля наскребла всё, что у неё было, и поволокла меня к своей двоюродной племяннице, то есть моей крёстной, как обычно зовут всех любимых тёток. Они собрали свои пожитки, обмерили меня всю и принялись шить мне одежду, как новорождённой Еве.

Пока они шили, я вышла во двор. Не особо задумываясь, я шла по улице. Увидев грузовик, я вдруг махнула ему рукой, и он остановился. Я спросила – куда он едет? И шофёр, сумрачный крепкий мужик, наверное, тоже кентавр, сказал, что туда, в тот новый посёлок между нашими двумя деревнями, выросший из сосланных, из вот таких бородатых предателей – из бендеры, зелёных братьев, баптистов и ещё всяких химиков.

Я бодро попросилась к нему, и он кивнул, только буркнул, чтобы я посильней захлопнула дверь кабины.

Уже перед самым посёлком он остановился и неожиданно спросил: не боюсь ли я, молоденькая девчонка, вот так ездить?

– А чего бояться? Я ничего не боюсь.

И он вновь тронул машину, и мы поехали в посёлок.

Он шёл навстречу, и я увидела его, ещё не доезжая до посёлка. Я бешено заорала от радости, и остановила машину, и вывалилась навстречу из кабины, как сумасшедшая.

У нас было-то всего пять минут. Через пять минут в обратную сторону ехал рейсовый автобус, и надо было обязательно ехать, иначе бы мне был конец.

Но вот эти пять минут, о которых не скажешь ничего – они-то лежат так глубоко в сердце, что когда кто-то говорит о любви, или о том, что её нет – они просто всплывают и вновь исчезают.

Мы почти ни о чём не говорили, просто побыли вместе и вновь разбежались. Бабуля с крёстной даже ничего не заметили. Они даже не догадались, что пока они шили мне бельё, я побыла где-то далеко-далеко, в другом мире.

Уже потом он бегал ко мне на свиданки по прямой дороге, через лес, семнадцать километров в одну сторону, но это совсем другое. Он мог бы меня так сильно не выхаживать – я уже была вся, до последней клеточки – его, после этих пяти минут.

Помню, через сорок с лишним лет. Я ещё работаю, а он уже на пенсии. Я в городе, а он в деревне, ловит рыбу, ходит в лес, и должно быть – счастлив, потому что для него это всегда был почти рай – уединение, река, лес. Невестка приезжает ко мне из деревни, привозит солёную рыбу, ягодки, и говорит что-то невнятное: да, он там в лесу, да, на реке, да, что-то там веселится по хозяйству, короче, не спит, бодрствует, всё нормально. А потом вдруг роняет какую-то фразу, что вроде как глаза у него какие-то грустные, что ли? Вроде, как взгляд у него какой-то не такой, молящий что ли о чём-то?

Она-то, из нового, из невнимательного человеческого стада, не имеющая понятия ни о кентаврах, ни о всадниках без головы, не знает, в чём дело, а я сразу поняла. Кинулась, мгновенно раскидала всю работу, поставила начальника в известность, что никуда я не пропала, и что никаких прогулов он мне не напишет... И помчалась туда. Ракетой. К его глазам, к его грустному бесконечному взгляду, которым смотрят, когда кого-то любят, а его всё нет и нет.

Что ещё есть на свете, кроме его бесконечного, так и оставшегося ждущим, взгляда? Что ещё есть, кроме любви, которой никак не насытишься? Что для женщины, которой я стала с ним – сильней, чем его постоянное неугасающее желание и тяга – там, где встретились, ткнуться друг в друга и быть друг с другом, и, падая в какую-то пещерку во времени, чувствовать, что всё останавливается? – да и Бог с ним, со всем, что есть, и что ничего нет в его сильных объятиях – только он, только его руки и всё наше украденное время.

И сейчас я уже снова одна. Он уже там, ждёт и смотрит всё так же. А я тут, посреди его мира, между лесом и рекой, где остановилось время. Пенсия тут ни при чём. Я бы могла работать, но не смогла бы избавиться от этого взгляда, приносящего томящее, сладкое страдание. Лучше я буду здесь, в центре его мира, которым он не успел до конца насытиться и оставил всё это мне, чтоб собирая ягоды, я видела, как он это делал, чтоб выходя к реке, я бы понимала, как он ждал, что вот-вот я появлюсь на высоком берегу, над ним, склонившимся в лодке над удочкой, и он бы видел меня, и продолжал бы ловить рыбу, счастливый, что я опять пришла к нему просто так, потому что меня всегда к нему тянет.

* * *

Многие выхаживали и побольше, чем мой.

Наши соседи, Лидия и Александр, тихие старички в маленьком домике, куда и входить-то надо осторожно – притолоки низенькие, да и сами потолки им-то как раз, а взрослым мужикам приходится сутулиться. Вот уж кому пришлось походить за своей единственной, за Лидией, так это Александру. И жили-то они в малюсенькой деревушке, которую стали постепенно выводить из тайги. Многие этому и не сопротивлялись – что там в тайге, кроме непосильного труда?

Увезли её в большую деревню, а он стал каждый день ходить к ней, за двадцать пять километров по лесу. Каждый день. Каждый день. Не было дня, чтоб они не виделись. Кроме тех, когда он служил в армии.

До сих пор так многие стариковские пары – ходят, как цыплята друг за другом. Вместе – в больницу, показывать ранки, вместе – в магазин, вместе – на кладбище. Как дети. Что надо одному, то и другому. Вызнают – что кому хочется поесть, картошечки ли, ягодок, выпить хочется – ну уж на, окаянный, маленькую...

Сидят, вспоминают, как тяжело было, как картошку копали при свете костра, как давали непосильную норму в лесу, как случалось огромное горе – падала лошадь, или как злой сосед-коммунист крался по ночам и поджигал тайком копны, даже на плечах у согбенных, и так трясущихся от страха полуночных бабулек со своими козьими заботами. И что всё это было лучше, чем сейчас. Тяжело было, а сейчас совсем тяжело.

А путь туда и обратно, по сравнению со всем остальным – был лёгок. Частично шёл мимо реки, где в омуте призывно плескалась рыба, но в основном всё по лесу, по мягким влажным мхам, комариным низинам и ручьям. Всегда один и тот же – к ней короче и волшебней, обратно – длиннее и тяжелее.

* * *

Другие соседи, Юля с Лёней, тоже на месте не сидели. Тоже из разных деревень. У них всё и так же, очень похоже, и совсем по-другому.

У этих любовь была яркая.

Юля, она с гордостью. Решила, что выйдет только за лётчика. И всё.

И вот, на танцах, в соседней деревне, ей показали Лёню – красавца, который учится в лётном. Неважно, что не на лётчика, а только на техника-заправщика. Главное, в синей великолепной форме, и – незанятый, то есть неженатый. Простудился Лёня, и ему не дали добро на то, чтоб птицей летать.

Юля Лёню обработала в два счёта. И укатила на месяц к тётке, погостить. Приехала обратно, как бы невзначай поинтересовалась – не отбил ли кто? И когда узнала, что нет, не отбил – сказала, что всё, он мой. И спокойно стала погуливать, то с одним, то с другим, уже попиливая Лёню как будто настоящего мужа, стоящего по стойке смирно под каблучком – за медлительность, за мягкий характер, за то, что родился где-то на далёком юге, до ссылки сюда, не как все – родился аккуратно в тот момент, когда немцы заходили в село. Первый же немец-офицер вошёл в избу и ему навстречу кинулась бабка. Он её вежливо отодвинул и вошёл в горницу, где лежала без памяти Лёнькина мамка и он сам, красный и мокрый. Офицер посмотрел на всё это Лёнино начало бытия, на фотографии красных командиров за стеклом, и вышел. Зато вбежал адъютант, и кинул бабке в охапку какую-то коробку. Там оказались связки колбасы и несколько упаковок дорогого шоколада.

Лёнина предательская несуразность с самого рождения и почти полная бытовая никчемность порождали в Юле бешеные противоречивые потоки действий. С одной стороны, если бы всего этого не было – сдвинься мир хоть на миллиметр влево-вправо, они бы друг друга не нашли. Но с другой стороны – ей-то нужен был красивый, самостоятельный лётчик-ас, который бы подчинил её одним движением крыла, и, может, спокойненько бы бросил, взлетел с её временного аэродрома. И в то же время нужен был свой надежный, как бык, трудяга.

В результате, Юля позволила всё же Лёне тоже выходить себя, молча заставляя его ежедневно бегать из деревни в деревню, и дала как бы отбить у других кавалеров, и даже, покрутив хвостом, соизволила выйти за него замуж, и даже родила ему девчонку, Ольку. Но это был другое выхаживание и другое замужество. Потому что Лёня остался Лёней.

Разные у этих лётчиков были случаи. Вот Лёнин командир эскадрильи. Сейчас-то забыли уже многие, что такое настоящая любовь, крепкая, верная, как настоящая пища, не подделка, не эрзац, не химия. Забыли уже многие, что питаться падалью – бесполезно, и для души, и для тела.

Этот, начальник Лёнин, всё убивался по своему командиру, генералу, всё рассказывал про него одно и то же. Как в Сталинграде были наши окопы в двадцати метрах

от ихних, немецких. И как летят наши лётчики, на “Илах”, бомбить, возвращаются, и генерал из кабины выпрыгивает и сразу же – шасть в будку диспетчера – ему звонят кто как отбомбился.

Знали – если хоть чуть задели своих, то сейчас выскочит с пистолетом и начнёт искать тех, кто бомбы раньше времени вывалил, и убить запросто может. Старались пистолет у него выкрасть, подсунуть ракетницу. А если же попали точно – выбежит, будет всех обнимать-целовать крепко, по-отцовски. Вот от него-то, от генерала, любовь и шла струйкой, через сынков своих – кто после войны стал эскадрильей командовать, кто аэродромом, а кто спился.

Лёнин-то начальник и был из этих, генеральских орлов. Только война вот кончилась, и он стал скучать. Неинтересно ему стало всё. А потом и вовсе как в штопор свалился – взял да и женился на цыганке, настоящей, из табора, бешено красивой, ни бельмеса не понимающей по-русски. Стояли они одно время где-то южнее, и рядом с лётным полем паслись кони цыганские, вот он и познакомился – поехал табор разгонять, соблюдать безопасность полётов, а нашёл жену. И привёз сюда, на север.

Командир женился, а эскадрилье пришлось это горе делить на всех – комэск отобрал переоборудованный под лётный клуб флигель и стал запирать её там на время полётов. Чтоб не украли, чтоб не сбежала в табор, или чтоб лётчики не подкатили кое с чем, и не подпоили. А то она не прочь была и загулять по-цыгански.

Выучил он её говорить, читать, писать. Обставил квартиру, но уже полёты стали у них странные – всё больше тянуло к земле, в спокойное гнездо.

Так и ушли они оба, два друга, командир и Лёня, из большой авиации. Присмотрели в соседнем с нами посёлке, места в сельхозавиации, и зажили.

Судьбе бы пьющего Лёню с цыганкой без тормозов свести, а непьющего комэска с такой же Юлей, и было бы всё по-другому. И пропали бы обе пары. А вот так получается, что почему-то из двоих один спасает другого, и всё интересно склеивается, непохожее к непохожему, а потом всю жизнь сближается, непьющий в меру попивать начинает, а гулящий осаживается.

* * *

Лёня с Юлей жили в его доме в деревне прежней жизнью, только для важности ему туда провели телефон – вдруг срочно понадобится специалист по заправке единственного кукурузника, а нде он, Леонид батькович?

Из-за мужа, не прикасавшегося всё же к опостылевшей земле, и телефона, Юля важничала перед соседками, но с Лёней долго не поважничаешь.

Однажды он собрался за грибами с каким-то приятелем. Собрался, и пошёл. Решил показать свою самостоятельность и мужскую “к-чемность”.

И пропал.

Приятель его с сыном – вышли к вечеру испуганные из леса, в котором безнадёжно застрял такой самостоятельный Лёня. Юля сразу дала соседу втык – как он мог бросить Лёню? И тот испуганно заявил, что если бы не сын, то они бы там остались его искать и звать, и что сейчас, ночью, он готов уже один бежать обратно.

Юля позвонила комэску, начальнику “кукурузника”, занятому войной со своей ненаглядной цыганкой, с приказом искать Лёню. Тот заявил, что, не вопрос, что он очень

уважает Леонида Фёдоровича, который за два года не смог украсть ни литра топлива (за что Юля его постоянно пилила), и что уже звонит начальнику отряда в город.

Через полчаса подлетел вертолёт, с кучей лётчиков навеселе. Они выспросили у мужика – каков был курс, стрельнули у бывшего комэска, начальника “кукурузника”, канистру наэкономленного Лёней спирта, и улетели. Через четверть часа подлетел ещё один вертолёт, вызванный на всякий комэском, с курсантами того самого училища, которое Лёня кончил с красным дипломом. Они стрельнули ещё одну канистру, все как один зажгли папиросы, и тоже по-деловому, как охотники кинулись в ту же темноту, на давно окончившуюся войну, на поиски пропавшего собрата.

Михалыч, комэск на пенсии, штатный семейный вояка, притащил к Юле домой рацию, не вынеся её ежеминутных звонков, и уселся с микрофоном на веранде, постоянно талдыча:

– Борт два ноля восемь, борт два ноля восемь, ответь шестому...

– Отвечаю два ноля шестому, борт два ноля восемь... Чо надо, Михалыч?

– Как там?

– Никак.

– Видишь чё?

– Ни хера не видно, темно же.

– Осторожней, там борт два ноля девять, какого ж ты не вишь его?

– Ну не вижу. Низкая облачность. Стой, а какой два ноля девять? Толян, что ли, из училища?

– Не крути ...здой, два ноля восемь. Повернись. Должен его видеть.

– Михалыч, у него горючее есть?

– У кого? У Лёни?

– У какого Лёни!.. У Толяна!

– У него есть.

– Ноль-ноль шестой, я ноль-ноль восьмой, снижаемся над кордоном. Может, он там?

– Я ноль-ноль девятый, вижу огни около кордона, снижаюсь...

– Толян, это же не он, это ...

– Вижу огни, снижаюсь, иду на...

– Идите вы все...

Всё это время Юля тоже рвала у начальника «кукурузника» из рук трубку микрофона, но не смогла. Тогда кинулась во двор, и упала на траву. Пятилетняя Оля выскочила и стала её тормошить:

– Мам, ты что?

– Он там мёрзнет, и я хочу замёрзнуть, – лежала Юля на мокрой ночной траве в свете огней всей неспавшей из-за Лёни деревни.

В это время появился удивлённый Лёня с грибами.

Оля осторожно взяла грибы у папки и спрятала, чтобы Юля не сделала чего впопыхах.

– А что происходит? – осторожно поинтересовался Лёня.

– Тебя ищем, – доложил начальник «кукурузника», и тут же принялся искать в эфире пропавшие куда-то на кордоне борта.

Лёня вышел во двор и прикоснулся к Юле. Та, будто окаменела, сцементировалась от мокрой травы.

– Юль, а Юль, это же я, Лёня...

Юля молчала.

– Это же я, я нашёлся...

Юля молча встала, посмотрела на него и спокойно прошла в дом, сделала свой знаменитый независимый проход, после которого Лёня должен был понять, что это он во всём виноват, и насколько он виноват.

Михалыч уже нашёл борта и вёл переговоры.

– Ноль-ноль шестой ноль-ноль восьмому и девятому. Найдёныш нашёлся, повторяю, найдёныш нашёлся.

– Михалыч, а Михалыч? Мы думаем, что мы его ещё дня три-четыре поищем, а? А не то мы ещё не управились с горючим.

– Может, за день управитесь?

– Не крути сам знаешь чем, Михалыч. Три дня минимум. Что это за поиски – вечер с копейками!.. Даже не отдохнёшь как следует. Ну так как, мы тогда посылаем ноль-ноль восьмой на дозаправку?

– Дозаправку разрешаю, ноль-ноль восьмой. Только я сам тоже буду участвовать в поисках, – соскучился отвоевавшийся Михалыч по браткам-лётчикам. И сам сбежал от своей красотки в их табор на три дня, затосковал по свободе.

– Понял, ноль-ноль шестой. Ноль-ноль восьмой идёт на дозаправку. Найдёнышу благодарность от отряда... Здравия желаем.

Благодарность отряда Лёню не спасла – больше за грибами он не ходил всю свою жизнь. И на охоту, и на поиски пропавших – Юля обломила все ростки и веточки. Только не смогла его заставить научиться воровать это несчастное топливо, ни в деревне, ни потом, в городе, когда он выбился в заместители крупного авианачальника.

Приезжают иногда. Лёня всё молчит. Ходит вокруг дома, что-то подобьёт, пару досок построгает за полдня, посидит, покурит. Юля всё бегает по огороду, быстренько выдирает сорняки вокруг захиревших кустов, успевая на ходу дать подзатыльник Лёне, который тащит потихоньку в рот бутерброд с колбасой:

– Куда! Лёня, колбасу в последнюю очередь!..

Идёт мимо соседка, и Юля ей:

– Привет, как жизнь? Моя-то не очень, вот, связалась, нашла на свою голову такого охломона, – и ещё один ласковый подзатыльник. – Одно слово Лёня... Найдёныш он и есть найдёныш.

Сидят за столом на сорокалетие свадьбы. Вспоминают. Лёня тянется за гармошкой, а ведёт мелодию уже с трудом – руки-то заточены под бензонасосы да топливные краны. Сколько уж времени прошло, как перестал играть.

– А я его иногда возьму да специально уведу. Иду, не оборачиваюсь. Ну, думаю, если не идёт за мной – всё. Брошусь в воду. На середине речки обернусь – идёт. Ну, и конец тебе думаю. А меня девчонки, за то, что увела – толкают в речку. Ну, я за ближних хватаюсь и все вместе тонем... За сорок лет ни разу меня не тронул пальцем. Даже не накричал ни разу. А ведь было за что.

– Не, Юль, было один раз, было.

– Это когда?

– Да не помню...

– Ну точно не из-за денег. Он-то у меня простодырый, всё отдаёт, а потом просит десятку. А я возму да и не дам. И даже деньги будут, а вот нет разрешения, и не сможет бутылку себе взять...

* * *

Не все такие бойкие, как Юля. Она всё же дачница, хоть и из деревенских, но уже не наша. Наши-то часто любят издалека. Приезжает какой городской, пусть и женатый – взяли понуровку ходить-бродить мимо, как бы невзначай, может, что понадобится. А спросят что – краснеют, пугаются. Могут и письмо написать, как будто за три девять земель всё происходит.

Михал Иваныч с Марьей Васильевной, с окраины, старички, тоже справили уже все возможные свадьбы. Он её окрутил до школы. Мишка, скромный деревенский пацан, ещё в семь лет вздыхал и издалека неровно дышал к Машке, а потом взял её головой, и упорством.

Раньше работали не так, как сейчас. В сенокос деревня вымирала. В ней оставались только старики да дети, смотревшие за скотиной. Все остальные были на полях. Издалека было похоже на ангелов Апокалипсиса – порхают мотыльки, все в белом с головы до пят, на далёких золотых полях, жнут и собирают жатву.

Мишка и ещё несколько пацанов и девчонок – оставались в деревне чуть ли не самыми старшими из детей. Машка была с другого конца села, растянувшегося одной улицей вдоль реки на несколько километров. И чтобы её увидеть и успеть всё сделать по дому, и ещё удивить – надо было что-то придумывать.

В селе из взрослых оставался только кузнец в кузнице на отшибе, которому постоянно бегом доставляли поломанные косилки, косы, конные грабли, и он долбил, долбил как дятел, почти круглый день.

Мишка, под видом помощи, с ещё парочкой детин, несколько раз наведались к нему, то помочь с горном, то подать что, подносить старые подковы, заодно и утаскивая завалявшиеся железные пруты.

Железо гнули, засунув прут в угол избы, в трещину в бревне. Всё было по науке – труба, для использования рычага. И крепкие уже не детские руки, налитые от постоянной работы почти взрослой силой.

С деревом было проще – сделать кузов машины для деревенского пацана, владеющего топором – не вопрос.

Машина педальная, настоящая, была опробована уже через неделю после замысла. Она доехала до Машкиного конца села за пятнадцать минут. Только Машка не видела – ходила за скотиной по берегу реки, далеко внизу, под горой, высоким речным берегом, куда на машине съехать было нельзя.

На ночь машина пряталась, а потом доставалась, когда все взрослые уходили на сенокос. Но результат по Мишкиным меркам был скромный. Тогда они сняли свои педали с кузова и поставили на плоскодонку, приделав дополнительно лопасти.

На этой штуковине, на самодельном водном велосипеде, и увёл за собой шестилетнюю Марию Васильевну мечтавший о ней всю свою короткую жизнь семилетний Михаил Иванович, знавший очень мало – что люди, мужчины и женщины, созданы друг для друга, и что раз это наступило так рано, то надо относиться к этому серьёзно, не по-детски.

* * *

Село наше состоит из разных, раскиданных кучками по холмам, деревень. Соседняя с нами, немного на отшибе, всего-то из тринадцати дворов. А мужиков с войны вернулось четверо. Из-за них, окаянных, и дрались, и с ума сходили, и смирялись, и ставили на себе крест, и сразу старились ещё молодыми, и сближались в общем бабьем безмужнем горе.

Баба Маня и баба Дуня, обе из той деревни, дружили с детства. Однажды, ещё совсем пацанки, они пасли коров, и одна корова чего-то испугалась. То ли её овод куда укусил – и она взбрыкнула и понеслась прямо на них. Девчонки упали в траву, а корова через них перепрыгнула, перелетела как космический инопланетный корабль, и бросилась в кусты. Девчонки так испугались, что сами бросили стадо и побежали в лес. Там Манька, трясясь от страха и смотря на посиневшую от колотуна Дуньку, не придумала ничего лучше, как умыться своими пысками – воды кругом не было. Они попрыскали себе на ладони и умыли лица, и успокоились. И вернулись к стаду.

С тех пор Манька стала чем-то таким интересоваться, потянуло её к всяким нехорошим знаниям, а Дунька так и осталась простодырой Дунькой. К старости Маньку выгнуло совсем – руки вывернуты назад, как у птицы, и ходит, согнувшись вперёд, выставив острый подбородок, переваливаясь, как ворона.

Дунька же осталась тихой, круглой, белозубой, синеглазой, с тонюсенькими запястьями и щиколотками, как куколка, как румяный свежий колобок.

Ещё до войны влюбился в Дуньку Сенька. До того дошло дело, что доконал её, сосватался, взял в жёны. И после того ходил за ней, как привязанный. Идёт Дунька на дневную летнюю дойку, а это километров за пять от деревни, несёт пустой подойник, машет им, будто одна. За ней Сеня с табуреточкой, с ветками – отгонять мух и комаров от Дуни. Обратно всю дорогу несёт полный подойник, и ещё машет веником – не дай Бог её, породистую Дуняшку, кто укусит.

Но пропал Сеня на войне. Пропал и пропал – сколько там сгинуло, в этой пропасти, никто не считал никогда по-настоящему.

А в соседний, новый, из ссыльных, посёлок, пригнали пленных немцев. И один из них, видимо, сильно нашими не битый – взял и подстерёг где-то в поле Дуньку, теперь одну. И будто знал, будто подглядел всё в кино, про Дунькину с Сенькой любовь, – стал так же помогать, носить ей всё, что нужно. И Дунька понемногу, помаленьку, сломалась от этой знакомой заботы, такой заманчивой и родной.

Отдалась ему, известно как. На селе это просто – кругом сплошные просторы, поля, рощи – люби друг друга где пожелаешь, и никто не увидит, если не хочешь. Спрятаться есть где.

Попал он ей прямо в сердце – носил за ней подойник, отгонял комаров, научился колоть дрова.

Родила Дунька сына, приняв проклятие всего села. И назвала назло всем Германом. Потом оказалось, что у нас по всей северной земле стало много бегать ребятишек с такими именами – Рудольф, Герман, Ханс... У нас в селе был вот такой один.

Немца этого Дунькиного как-то очень быстро вернули в Германию, хотя никто его у нас не трогал. Даже уважали, как будто провинившегося спьяну брата, сунувшегося в войну как в бесполезную пьяную драку. Но не злились на него. Всё вымещали на Дуньке.

Немец пропал, зато откуда-то из госпиталя вернулся хромой Сенька. Не знает никто, как он учил свою несчастную Дуню за этого немца. Побил наверняка, и не разок, но не топтал. И смог к ней вернуться, простить. Родила она ему после Германа своего сына, Илью, успокоила его.

Только с подойником больше он не ходил, а так простил, и не обижал.

Но всё же что-то в нём надломилось. Некоторые тётки от сумасшедшей бабьей злости, что он вернулся почти целым, говорили, что он сам себя стрельнул, чтобы дальше не воевать. Сеня никогда с бабьём не лаялся, но был сосредоточенный, будто думал всё одну какую-то грустную мысль. И стал понемногу заворачивать на огонёк и к Маньке, которая ему то пуговку пришьёт, то стаканчик лишний втихаря нальёт. Ну и сострогал ей «чурку», горластую краснорожую девку.

Но перейти к Маньке от Дуньки Сеня не успел. Утонул той же весной, когда Манька родила. Устроился он, как почти целый, на переправу, возить школьников на другой берег, к посёлку, где выстроили новую школу. И однажды их набилось слишком много, а лодка наткнулась то ли на старую бону, то ли на топляк. Он пока всех их вытащил, так застудился, что взял да и умер, сидя на берегу – сердце остановилось. Отправил всех ребятишек бегом в посёлок, к фельдшеру, сам присел вроде как отдохнуть – и голову сложил на грудь.

Так они и остались, Маня с Дуней. Одна с двумя сыновьями, другая с дочерью. Без Сени. Сначала разнились молча, а потом свыклись. Ходили вместе к нему на кладбище по праздникам. Прибирались там. Вместе шли обратно. Помогать друг дружке помогали, но по домам погостить не ходили. У каждой дом был только свой, где он жил отдельно.

Померли они почти одновременно, будто договорились жить, жить и умереть в один час. На том свете, говорят, не женятся и не выходят замуж, только лежат они, одна с одной стороны, другая с другой, и смотрят с фотографий как бы на него, на серединку. Здесь тоже вместе, и наверное, и там, как жили и чем дорожили.

Однажды, в Троицу, днём, уже после службы, зашёл в сельский магазин высокий красивый офицер. Настоящий лётчик, не наши Лёня с Михалычем. Окинул очередь свои холодным взглядом, стальным, голубоглазым. Спросил кто последний, но стоять в очереди не стал, потому что все бабки сразу расступились, узнавая и давая дорогу к прилавку тому, кто имел право брать без очереди – это был Герман, приехавший навестить лежавшую рядом с Сенькой много любившую Дуньку, да и тётку Маню, примостившуюся тихонечко к ним. Взял красного вина, яблок, самых дорогих конфет, аккуратно расплатился, и так и не взглянув ни на кого – ушёл. Продавщица Настя, дочь Маньки, узнала сразу – кто он такой, но не смогла ничего сказать. Только потом тихо переживала целую неделю этот визит гостя из другого мира. Как и его брат, тракторист Илья, с которым они посидели, скромно выпили, даже почти ни о чём и не говорили.

* * *

Там же, на том же кладбище, лежат рядом мои свёкр со свекровью, Василий и Лиза. Хотя Лиза всем говорила, чтоб её рядом к Василию не клали – натерпелась от него ещё при жизни, от его характера и палки, так что не могла забыть. Но положили их

вместе, потому что куда б они делись, всё равно бы слетелись, как муромские Пётр и Февронья. Любили друг друга. И все это знали.

Василий вернулся с войны без руки и ноги. Характер был такой, что ничем не сломить. Воевал он артиллеристом под Синявинскими высотами. Там, говорят, огромную армию нашу загнали в болота и измолотили зазря. Из их батареи, из двадцати человек, осталось двое – он и ещё мальчишка, снаряды подносил. И Василий его, контуженного, без сознания, сам израненный до невозможности, на одной вот этой дикой своей силе отволок шесть километров до медсанбата. Там ему сразу руку и ногу отхватили, а тот парень потом пришёл в себя, целый и живой.

Добрался он после госпиталя до города, а оттуда послал в деревню телеграмму, что едет такой-то Василий с войны. А в нашей деревне было два Василия с одной фамилией. Не знали, которого встречать. И послали две кошевы.

Вся деревня высыпала на нашу гору – смотреть, куда полные сани повернут, а куда пустые.

Полные повернули к нам. Все бабы, дети в рёв, встречать бегут. Сани останавливаются, а оттуда он, без руки и ноги. С палкой. И не знали – радоваться или горевать: вроде и живой, а с другой стороны – почти полный инвалид.

Но оказалось – что с человеком ни делай, если есть у него стержень, характер, то он только укрепляется. Василий мой, драгоценный золотанский тесть, работать стал как будто целый. Приспособил всё в хозяйстве так, чтоб мог всё делать сам. В сенокос ранним утром приковывал себя цепью с большущим амбарным замком к конным граблям, а отпирал его после заката. Ему только лошадей меняли. Работал и всех гонял.

Подъезжает к шалашу, где ребятня спит: «А ну, дети, солнце уже с деревья вышиной». А солнце-то у нас почти и не заходит. Дети вылезают сонные, а он уже успел огромный луг скосить.

Всё почти мог сделать, только вот подпругу подтянуть не мог – там надо коленом упираться, которого не было.

В очереди в магазине стоит. Мимо какой-то молодой парень лезет, пролезть побыстрей. Он его за шею своей знаменитой палкой: «А ну стой!.. куд-да лезешь!... В очередь!..»

Под старость уже – сидит у окна. Идёт кто мимо – стучит палкой в окно: а ну зайди, отчитайся, где был, что видел. Если школьник – ну-ка докладывай, какие отметки, почему двойка. Если взрослый – что где творится, какие новости.

Всем была знакома его палка. И Лизе, ненаглядной моей журавушке. Несладко было рядом с ним, а терпела всё – что он везде совался и был всё ж таки правильный. Хотя, наверное, всё дело было не в палке, а в обиде. Одно время работал Василий бухгалтером в соседнем посёлке в леспромхозе. Ну и кочевал по всему району. И, говорят, настрогал «чурок» столько, что чуть ли не полрайона теперь у нас неизвестной родни. А наши бабы, известно, народ добрый, и бегут своим добром поделиться по соседним ушам. Вот и обижалась она на него, я думаю, на орлика своего, Василия Алексеича, зверобоя, сына трудового народа, как он сам себя звал выпимши, когда оплакивал своих:

– Я, брат ты мой, жверобой! Артиллерис! Под Синявинскими высотами, брат ты мой, столько было мужиков, столько мужиков, столько наших мужиков!.. А я всё бью, бью их, жверей, в глаз, в глаз прямо! Я, брат ты мой, деревенская ты шпана, сын коми

трудового народа! А это знаешь что такое? Я, может, последний из настоящих-то мужиков!.. А знаешь, сколько их было?.. И все они там. Сколько их там...

Это правда. И стрелял одной рукой, будто на дуэли. Тетеревов, глухарей. Сидел иногда с удочкой под старой церковью, таскал бойко хариусов. Это был хозяин, негласный губернатор – все ему докладывали, во всё вмешивался.

Однажды приехали из НКВД за Диакон Анной. Доложили им, что она тут и крестит, и отпевает, в общем, служит запрещённому Богу.

Василий одел всё свое фронтовое, причесал седину, вышел навстречу. И с ходу, пока они ещё только рассматривали его ордена, сказал, что здравия желает, а задачу, им поставленную, он отменяет. Никто, никогда, пока он жив, никого в его селе арестовывать за вот эти тихие дела да молитвы не будет, ворьё всякое да спекулянтов – пожалуйста, да только их нет.

Они постояли, постояли, посмотрели на него, пятеро здоровых мужиков. И отступили. Потому что двоих сразу свалит, а остальным троим что-нибудь да оторвёт. Или поняли хоть что-то, что им не положено было понимать.

Такой он был царь. Как Иван Грозный. Никто его не мог ни за что судить – кто ж судит царя. Только он судит. И милует. Во всё вмешивается и за всё отвечает. Но не перед людьми. Перед ними он всё исполнил, отдал весь свой долг, драгоценный наш Василий Алексеич.

Не только я его помню. Помнят и уважают все деревенские, даже кто был малым – им про него тоже рассказывали, хотя у них и свои были неугомонные деды.

Не дал отдохнуть он и своей Лизе. И это, может, тоже ей было тяжело – родила от него девятерых, в беспросветной, всеобщей тогда нищете, но не ставшей злой. Старший погиб на войне. Ещё двое девчонок в пожаре сгорели. Осталось шестеро – четыре сестры и два брата. И один из них – он, мой. К которому я тогда на свидание бегала. Он привёл меня в свой дом, где ничего почти и не было. Кроме любви. Одной только любви и её силы, которых никому не объяснишь.

Я только чуть-чуть застала Василия Алексеича. Всё ж таки умер он от ран и своей боевой жизни. Отбегал своё. Но принять, приголубить, удочерить и угнездить в своём гнезде меня успел. Сразу. Принял так осторожненько, обнял. Не при людях, а как-то внутренно, в сердце. И полюбил. И называл осторожно и нежно – Лиечкой. И замирал всегда при мне, будто боялся спугнуть, будто я могла улететь куда-то и оторваться от его любимого сына. Хотя у него все были любимые, и свои, и чужие. Такого не бывает, но такое было.

После уже, когда его не стало, захожу однажды в горницу. Лиза лежит на кровати, болеет. На стене – рисованный бумажный ковёр. У всех они похожи: у кого три медведя, у кого три богатыря. У нас был с восточным воином, убивающим тигра, со зверобоем. Он схватил зверя за пасть, и собрался ударить булавой.

Вот лежит она под этим тигром, глаза вверх подняты, смотрит куда-то. В своём единственном наряде – плисовом потёртом пальтишке. Василий принёс ей откуда-то с города, своей царевне, которой не годилось ходить как всем, в большом по размеру дырявом ватнике с закатанными засаленными рукавами.

Лежит она, и смотрит вверх, и тоскует, и плачет, и молится, и разговаривает, и обижается на него, и ждёт, и зовёт, и принадлежит только ему, и любит только его, и скучает только по нему, и хочет к нему, и мы все держим её зачем-то ещё здесь.

* * *

Оля, невестка моя, хирург районной больницы. Дочь тех самых Лёни и Юли. Сила у неё получилась в мать, в Юлю, только без её гордости, чистая сила. А характер – в Лёню. Кидается всех спасать и вытаскивать, прикармливать и усыновлять.

Я всю жизнь почти не спала, а эта совсем не спит. Бывает по шесть, по семь операций в день, гнойных, чистых, плановых, и с бухты барахты, какие у них там ещё бывают – всяких. И ещё прибегает оттуда – и чистит, и чистит, и стирает за своими. Только что возилась там, в больничке, вся в крови, в пысках, в говне и гное – на операции из человека всё летит, все его ошметки, как при взрыве – разлетается он, родимый, на первозданные куски.

Бывает, дежурит через день – днём работает, ночью дежурит, потом снова днём работает.

Ночью так и лежит в операционном халате на кушетке. Медсестра, тоже из нашей деревни, крепкая тётка, основательная, Вера Андреевна, а по-ихнему, по-свойски, Веранда, осторожно открывает дверь, подкрадывается, окает, шепчет:

– Олечка Леонидовна... Олечка Леонидовна... А больной-то Смирнов весь синий и что-то не дышит... Не жилец он, не жилец...

Олька мгновенно открывает глаза, вскакивает, кричит:

– Что ж вы молчали, Вера Андреевна! Так. Срочно в реанимацию, снимок, искусственное дыхание... Сейчас, сейчас, заяц, что с тобой, ты уж терпи! – и вихрем по больничке.

Собьёт какого пьяницу поезд, поотрывает ему там всё – всю ночь зачем-то зашивают, латают, запускают мотор. Потом придёт, так и завалится в операционном халате на кушетку. Опять Веранда к ней, и всё окает по-деревенски, шёпотом:

– У Яшки-то опять моча не идет. Что-то маловато у него мочи. Думаю, не жилец, не жилец Яшка...

У Веранды глаз острый. Сразу видит, кто жилец, а кто уж нет. Олька, не поворачиваясь, так и диктует сквозь сон, какие этому Яшке таблетки, какие дозы, а Веранда повторяет за ней и всё настырно поучает:

– Поняла, два кубика этого, красненького. Три таблетки того, синенького. А охломона зачем всю ночь зашивали? Всё равно не жилец он. Не жилец. Только мучали, бедолагу. Да и кому он нужен, такой. Чурбанчик.

Очень же редко ошибается Веранда, удивляется, когда приходит в палату, а не жилец, спасённый дед какой-нибудь, сидит там да ещё и курит, гад, и в карты режется.

Не сразу она стала такой Олечкой Леонидовной. Был у неё до нашего сына первый муж, Вадик. Вся деревня знала – не надо за него идти. И она сама знала. Ходил за ней парень, ещё со школы, Лёшка, таскался везде, любил её, нянчил, спасал. А она взяла и вышла за Вадика. Никто не знал почему.

За Лёшку-то тоже не надо было, хоть и по любви его молодой. Не справился бы Лёшка с ней, из него бы второй Лёня не получился, а Олька-то, как все, искала себе орла как папку, красивого, да надёжного. Никем он, Лёшка, ещё не был, чтоб брать Ольгу к себе, только любил. А женщины это чувствуют, что сядет такой Лёшка на шею, полюбит, полюбит, поездит, да и пропадёт где с концами, сопьётся да и помрёт под забором обоссанный. Вот и вся любовь-морковь незрелая, зелёная.

Так оно почти потом и получилось, но это уже к Ольге не относится.

На свадьбу Лёшка пришёл, как на войну, как в тыл врага, с другом и в чьём-то новом пиджаке. Курил нервно, всё высматривал – где ухватить за руку Ольку, да и сказать ей, что так не надо. А что не надо и что надо – только сам человек знает. Всегда знает, как правильно. Только не делает.

Сама она говорит – так было надо, за Вадика идти. Ревела, лила слёзы, но пошла. Причина тому была не в прошлом её, а в будущем. Никто, кроме Вадика, может, её бы и не остановил, не вытащил из бездны, куда несло её какой-то ей одной ведомой силой.

Вадик был красавец, десантник, только вернувшийся из армии, из Афганистана. Красивый, холёный, выучился в одном институте с Ольгой. Нёс впереди свои нежные-белоснежные руки хирурга, а хирург из него так и не получился. Людей надо жалеть и любить. Можно их и вовсе не резать, а вот жалостью лечить-то надо обязательно. А он этого не смог понять.

В первую же брачную ночь он её избил, Ольку-то. Она только закрывалась и понять не могла – за что, что он в ней хочет убить? Намотал на кулак свой ремень и бил, методично, с хуканьем, как на тренировке.

Потом, через несколько месяцев, закрывала уже пухлый живот и поняла – этот парень одержимый. Хочет убить в ней Бога. А она не даст.

Так и пришла в первый день после свадьбы в больничку свою, вся синяя под халатом. Заведующий тогда был хороший мужик, Носков. Взял её сразу на операцию, ассистенткой. А у неё синяк из-под рукава чуть торчит. Вадик бил точно, только по телу, не по лицу, не по рукам, анатомию и кодекс знал. Чтоб не видно было. Знал Вадик, и что она ничего не скажет никому, никогда.

Носков только и спросил, что за синяк на руке. Не знал, что под халатом – всё в синих пятнах. Олька что-то соврала, но не заплакала, не выдала ничем, что попала прямо в преисподнюю. Навсегда.

Десять лет она жила с Вадиком. Даже не жила. Готовила побег. Бил её почти каждый день. Что-то в нём сломалось там, на войне, и он вымещал всё на ней. Десять лет жила с одной только мыслью – закончить это всё и уйти, и ещё чтобы дочь при этом не пострадала никак, которая всё-таки родилась. И вовсе не от Вадика. От них, от таких вот, дети не рождаются. Они рождаются от Бога.

В больничке Олька со всем своим тайным несчастьем была вроде как юродивой. Говорила только о хирургии. Жила от одной Носковской операции до другой. Дома четырёхлетняя дочь, некормленая, больная ангиной, а она ей шёпотом по телефону:

– Солнышко, я сейчас не могу. Привезли тётечку беременную, надо спасать. Ты сама, сама... Берёшь тарелку супа, ставишь на плиту. Берёшь спичку, поджигаешь. Да не к себе, а от себя. Подожгла? Теперь медленно открываешь газ, чёрную ручечку такую, крутишь влево...

Заведующий косится:

– Ольга Леонидовна, вы что? Что вы там шепчете?

– Я? Ничего, просто ребёнок ест суп. Подсказываю.

– Ну, Ольга свет Леонидна, не пойтинтца ли пройтинтца в оперблок? Посмторинтца как там наша мельнитца крунтитца... Что у нас там?

– Беременная. Цистостомия. Острый пиелонефрит.

– Может, вам домой надо, Ольга Леонидовна?

– Нет, нет, Михаил Витальевич, что вы! Вперёд!

Ходила за ним как привязанная, толкала и отодвигала его за плечо, и смотрела

всё, как он режет, выхватывала у него из руки скальпель прямо посреди операции:

– Ты куда пошёл! Ты как режешь! Ты что делаешь!

Он бросал скальпель, на неё орал:

– Доделывай, раз такая умная! – и матом на весь оперблок.

Другие не лезли на рожон, а эта, самая умная, отличница, всегда знала как делать, а руки бежали вперёд ещё быстрее мозгов, так что Носков, хирург от Бога, еле поспевал, ругался, подвозил на своей машине до дома и смотрел иногда на неё, вздыхал, да отворачивался. Медсёстры от него были без ума, специально подгадывали иногда, чтоб поближе к нему подежурить. А он их не прочь был и приветить. Только дуры они были. Ну проводили с ним ночь, другую, третью. Но не знали – кто ж жену с тремя детьми бросит ради них? Много их пострадало так по своей глупости и по своим представлениям о бестолковой ночной любви-то. Но всё равно, вздыхали по Носкову всей больничкой. Только Олька с ним спорила. Сначала наивно, не понимая, что да как в чужой жизни:

– А это правда, Михаил Витальевич, что вы к Веранде приставали? Вы что? Разве так можно?

Он только посмотрит на неё, блаженную, да и отвернётся. С теми, кто упал на голову из космоса, о земных делах говорить нечего.

Принесут ему коньяка, конфет и конвертик в благодарность, она тут как тут под руку, как Маша и медведь:

– Вы что, Михаил Витальевич, взятки берёте?

Тот ей только по голове постучит – теремок, девочка со звезды, опомнись, не лезь... Кто же живёт по правилам? Только идиоты и дурачки. Ты же не дура?

Самая главная у них схватка, дуэль что ли, была на мозгах. Вот она была до крови, до чужой крови. Когда люди стали страдать, Ольке пришлось научиться отступать и здесь, на работе. Дома-то она давно научилась. Пришлось так же и здесь.

Поначалу-то скажет, к примеру, что эту бабку-то бы лучше и не трогать, а он как назло возьмёт и порежет её. Или наоборот, скажет, что надо срочно резать мужичка, что он не жилец, по точному диагнозу Веранды, без операции не выживет, а он возьмёт да и станет ждать.

Чуть не стали из-за их характеров люди гибнуть. И она отступила. Стала осторожней. Стала давать ему первым всё высказать, а потом, если удастся и если это нужно – потихоньку разворачивать его, куда ей надо, как корабль, как ледокол.

А он, при живой жене, при медсёстрах своих возлюбленных, висевших на нём как смородина недозрелая, всё равно её возил на машине, и вздыхал, и ворчал, что она такая, Олька, не от мира сего. Однажды смотрел, смотрел на неё долго, потом отвернулся, сказал, что её трогать нельзя. Самому себе сказал. Её и нельзя было трогать, никому. Потому что она юродивая, верит в то, что есть любовь.

Молоденькие сёстры в ординаторской обсуждали – кто с кем, чей муж с чьей женой забавляется, да и мужики иногда не лучше баб сплетничали, кто с кем живёт. А эта между операчками всё талдычила, что бывает и по-другому. Что бывает – где встретятся, там и ткнутся друг в друга, там и целуются, там и любятся. Просыпаются утром, на одной постели, на одной подушке, счастливые, что видят эту родную мордочку. Думали, что это она про Вадика заливает, и не верили. Знали Вадика по повадкам. Не знали, конечно, что он ей дома устроил тюрьму, просто видели ведь человека, и потому Ольке ни капли не верили – нет такой любви, не бывает, чтоб мужики такие на свете водились.

А она талдычила своё – бывает и бывает.

Уже осталась одна. Уже рассталась наконец с Вадиком, выросла, обогнала его по силе, внутренней, которая заставляет себя уважать. Уже вроде как осталась без никого, только со своими этими загибами про любовь, и медсёстры, ночные бабочки, жалеючи, то одного втихаря больного подошлют, то другого – может, приглянется, может, и получится что, но всё никак искусственным-то путём и не получалось.

И тут ткнулась мордочкой, в нашего охломона. Точно такого же. Нашлись два друга.

До Ольки-то промаялся, промаялся он несколько лет с любимой-нелюбимой Леночкой-припевочкой. Проругался с ней на удивление всем. Просадили они всю свою любовь-нелюбовь в этой странной ругани.

Как можно ругаться так, резко, грубо, по-обидному, с припоминанием всех грехов, да ещё в трезвом виде? – раз в месяц, регулярно, вся деревня удивлялась. Только вроде всё наладится, и на тебе, как по заказу – бац! – всё снова рушится. И мы, родители, только диву давались, да помалкивали, терпели. Особенно мой, Толя. Смотрел и удивлялся – будто по какому лунному календарю, по наитию бесов – по дому проносится вихрь, и молодёжь рушит всё.

Пока понемногу затихла эта война – несколько лет прошло. И детей, может, из-за этого и не было, Бог не дал. У обоих, видимо, самый внутренний, сокровенный человек, – знал, что им жить-то не надо вместе. Вот так и рвался потихоньку на свободу, на волю. Внешний-то человечек то буянил, то затихал. А внутренний рос и рос, и любовь-то ценил, и берёг каждую каплю, что бы там ни говорили другие.

Жаль, когда рвётся так, по-живому, а делать иногда и нечего – срослось неправильно и снова ломать надо. Иначе всю жизнь промаешься без толку, только погубишь того, сокровенного, душу свою заморишь в тюрьме.

Вот они с первой-то, с предыдущей-то спорили, спорили и разошлись наконец. Уж вся деревня смотрела, как они несколько лет – расходились, сходились, расходились, снова сходились. Сначала винили больше её, потом обоих, потом уж его, сына моего. И правильно. Умней надо было быть сразу. Я его не оправдываю, но думать-то надо было. И не про то, что любого человека ты исправишь, что бы там у него не водилось. Не исправишь, если только он не захочет. А захочет, так и поздно бывает. Привыкали, привыкали друг к другу, наконец, почти притёрлись с Леночкой. И зря – когда притёрлись, оказалось, что уже и не осталось ничего, ни любви, ни радости. Любовь-то, та что любовь, даётся за кровь. Которую не прольёшь внутри себя – ничего не получишь. Любовь просто так не воспитаешь, не заставишь себя любить. Если была она, и куда-то делась – значит, кто-то её внутри погубил. И каждый из них знает – кто и в какой момент. Каждый знает точно, что он с ней сделал.

Ну вот, помаялись, помаялись они с Ленкой. Да и разбрелись, тёлки недолюбленные по разным лугам. Сын уехал в город, заболел там. Сказали – жить осталось три месяца, рак желудка что ли, какие-то полипы злокачественные. Я ездила везде, тоже всё это слышала. Видела всё это его горе, и была рядом. А что ещё можно было сделать?

И ещё подружился он там с хорошим парнем, а его взяли и убили. И плюнул он на всё, на диагнозы, на трубки, которые глотал, на снимки, вернулся. Сказал, что раз так, хоть часовню построит, в память о друге. Пусть людям стоит. Войдут бабы, повяжут платки, поставят свечки – помянут хоть как-то, вот вам и жизнь. А сколько её там осталось – это не докторишкам судить, а одному только Богу.

Стал возиться с этой своей затеей. То чертежи чертит, то считает что-то. Мой-то, Толя, только вышел на пенсию, только дорвался до рыбалки – лови не хочу, а тоже

не выдержал. Хоть и крещёный был, а неверующий. Но сказал сыну – я тебе помогу. Потому что любил его, а любовь ценил выше всего, выше даже своих убеждений. Ну и насоветовал как правильней всё сделать – как стариков собрать, поговорить, нужно ли это им вообще, как обустроить землю, и прочее.

Стали ходить туда, на стройку свою, как на работу. Отвлеклись временно от всего, даже от болезней, от страстей, от переживаний.

Леночка раз приезжала с города, посмотреть на него, да так ничего не поняла, чем занят, и уехала.

Как строили – это отдельная история, а вот заболела у него от этого спина. Может, надорвал где. И уговорили его наши, сельские фельдшерицы, всё же сходить в районную больницу. Хотя он и бросил всё – и таблетки, и проверки на разных аппаратах. А тут почему-то взял и согласился. Может, устал, захотелось пару дней, чтоб и о нём кто позаботился. А в районной больничке медсёстры-то и постарались. Как жахнули его током по почкам, вместо прогревания поясницы – так что кровь пошла в пысках.

И послали опять по этим адовым кругам, опять на приём к урологу, который опять скажет, что осталось жить месяца два-три. Послали, оказалось, к Олечке.

– Раздевайся.

– Как раздеваться?

– Трусы снимай, и ложись на кушетку. Да не так, ко мне спиной, попочкой, колени согни под прямым углом. Так, что у нас там?

Оказалось, всё нормально. Просто сильно ударили током, и, может, чуть песок посыпался. Нужно опять снимки, обследование...

Сидит она за столом, пишет. А мой-то взял и вспомнил её: это ведь он Лёшке давал свой пиджак, и был у них на свадьбе с Вадиком. Только не знал их никого, да и с одного раза разве упомнишь целую незнакомую свадьбу?

– Вы меня не помните? Это же я, – сказал зачем-то.

– Не помню.

– Вас ведь Ольгой зовут. А это я. Я был у вас на свадьбе. Длинноволосый такой тогда я был. Это же я.

Ткнулся в неё так, как она всем рассказывала, как это бывает. С тех пор, как увидятся, как только у неё дежурство кончается, а у него работа – так сразу тыкаются друг в друга. Везде. На кухне, в прихожей, на улице, в магазине. Дома ходят друг за другом, и целуются, и милуются, и любятся постоянно. Нашлись, найдёныши, он это он, а она это она.

Из-за этого – не высыпаются, ничего не успевают, забывают, скажем, сетку от комаров вешают где-то к августу, а так спят обкусанные, в обнимку. Олька вечно сторожит будильник, чтобы не проспать, бьёт комара, пихает своего охломона в бок, тот ворчит, что завтра точно повесит эту сетку. Она только вздыхает:

– Ну почему всем нормальные, а мне ты? – и проваливается хоть на минутку в сон.

* * *

Александра, Сандра, любимая моя крёстная. Идём с ней на дальний покос. Сразу после войны. Кругом, на поле, за тракторами, в лесу почти одни бабы и дети. Я с младшей двоюродной сестрой впереди, сзади она и ещё три бабы. Мы важничаем, несём

грабли. Вдруг впереди, прямо по скошенному лугу – идёт медведь. Мы в крик, орём, бросаем грабли, бежим обратно, в лесную избушку, где остался муж Сандры, однорукий охотник, Иван. Кричим наперебой, что там медведь, медведь. Он берёт ружьё, а сам спрашивает:

– А Сандра-то с остальными где?

Нас хватает стыд, бежим обратно. Женщины попадают нам навстречу. Тоже испугались, да кто куда, по кустам, по малой нужде, а Сандра их сторожит. Мы обе вздыхаем – слава Богу, все целы. Иван идёт, смотрит следы, возвращается – медведь испугался больше нашего, его теперь не догонишь, подходит к Сандре. Я впервые в жизни вижу что-то такое, странное: она ему просто поправляет китель, что-то одёргивает, проводит рукой... И я понимаю, что всё это не просто так. Что это любовь, тихая, незаметная.

Сандру потом вскоре посадили. На много лет, за несколько колосков с поля. Никто в семье никогда не говорил про этот случай. Все молчали. Иван сильно переменился, помрачнел, а потом взял, да и женился на другой соседке, молоденькой, через дорогу от дома, где они жили с Сандрой. А Сандра вернулась. И так они стали жить, один вблизи другого, молча. Потом она заболела, а эта соседка стала приходить. То приготовит поесть, то уберётся, то ещё что. Стала ухаживать за ней, когда Сандра, надорвавшись на лесоповале, совсем слегла.

И так они прожили долго, до самой её смерти. А Иван умер сразу после Сандры, на следующий день. Не от самоубийства, а как-то так, спокойно, лёг на лавку, положил одну руку на сердце, и оно остановилось, и снова уже не пошло.

* * *

Много в деревне подобных случаев. Жили, к примеру, две сестры, Кашины. Одна Светлана красавица, стройная, крепкая, другая Валя – маленькая, горбатенькая. И посватался к этой Светке-красавице жених. Не то чтобы красивый, обычный парень. Самый обычный. Крестьянин и крестьянин. А она барышня, принцесса, звезда. Прожили они несколько лет вместе, а детей всё не было. И взял этот парень да и переженился на Вальке. И пошли у них дети один за другим, пятеро подряд родилось. И Светка всех их воспитала, так и оставила красоту свою бесполезной. Так и прожила рядом с ними и ходила за детьми.

Часто в деревне вовсе не за красотой гоняются. Смотришь, парень какой-нибудь, видный из себя, а за ним, к примеру, две девки ухаживают, соревнуются, чей будет. Одна красивая, стройная, строгая. Другая – совсем наоборот, как воробей, нахохленная хохотушка. И вроде со стороны всем ясно – что там выбирать? Красавице кто откажет? А смотришь – выбрал он совсем другую, не красивую, а может, даже с каким физическим изъяном. Есть вроде как и красивые, и добрые, а что-то у них всё не клеится. Даже чаще получается наоборот – смотришь, с каким физическим недостатком, а уже замужем. Или у парня, скажем, лицо застынет, будто каменное, врачи говорят нерв поражён – а он уже и женатый, и обстиранный, и обихоженный, и детьми не обделённый.

Есть и совсем какие-то особенные. Соседка моя, Изосимовна, пожилая уже женщина, а проводила на тот свет четверых старичков. И вышла-то замуж совсем немолодой. А как умер её первый-то, тут как тут, нашла она сразу второго. Сошлась она с ним

легко, пожила-пожила, поухаживала, и он, глядишь, тоже ушёл на тот свет. Четверых проводила, и всё так тихо, спокойно – сойдутся молча, переедет она к нему, и потом также и проводит. Женщина она добрая, мягкая, чуть не ангел, ну и тянутся к ней, и успокаиваются рядом. Кто уже потом стал болтать всякое, бояться, всякую дрянь придумывать да шелестеть по углам, как опревшая листва. А кто понимает, что у неё судьба такая, будто у ангела какого осеннего – освещать последний путь.

Шарахаются от неё, иные деды, те, что помоложе – вдруг заманит, и глядишь и конец тебе. А она только знай, вздыхает по всем ним, ушедшим да недолюбленным. Молчит, молится, записки о них пишет в церкву, пирожки печёт по родительским субботам, ухаживает за могилками, не то что городские дети, которые и приезжали-то к ним по осени, за картошкой.

* * *

Умирает деревня, вымирает. Царя нет. Заставить работать наших алкоголиков некому. Мрут под заборами, умирают уснувши во хмелю на холоде, давят друг друга по пьянке тракторами, в основном и не старые мужики. Стало их сейчас даже меньше, чем после войны. Да и тогда другие люди были.

Вырождаются без царя-то. На всех лицах как печать наложена, безнадёжная, проклятая. Народ – это те, кто нарождались, кого бабы нарожали. А сейчас наоборот, вырождаются. И те, кто живы, счастья ищут далеко, а оно рядом.

Паучок в мойку эмалированную упал, мечется, скребёт лапками, а выбраться не может. Протянешь руку – шарахается, боится, спасение ему так же страшно, как и смерть. Вот оставишь его в покое, положишь на краешек тряпку, он успокоится, и может, найдет её и выберется потихоньку.

Так же и с человеком – спасать начни его, он убежит, испугается, махнёт рукой, а забудь ты про него, дай ему только вот эту тряпочку, он по ней, может, и выкарабкается.

Николай-электрик вернулся из армии. Неделю гулял. Пил, конечно, друзей собирал, повидать да поучить – десантник, с голубым беретом. И в первую же ночь по возвращении или в другую, взял и заманил Нинку, школьницу ещё, свою соседку, погулять. Ну и сделал её своей. Быстро сделал, по-военному. Один раз у них всего и было-то. Всё остальное время просидел на корточках около клуба. А потом, как неделя прошла, огляделся. Работы нет, деньги кончаются. Ну и уехал в город, поискать себе места, или поучиться. Десантники-то нужны только на войне.

Нинка ждала, ждала, а потом – делать нечего, пошла, призналась родителям. Ей же школу заканчивать, а она пузатая, и жених неизвестно где. Задавили Нинку. Заставили сделать аборт. Хотела она тоже ехать в город, поступить учиться в институт. Но ей совсем крылья обломали. Отправили в райцентр, чтоб выучилась на повара, и определили в садик. Чтоб не летала нигде, чтоб была под контролем.

Николай так и застрял где-то в городе, про село своё и не вспоминал.

Садик Нинкин вскоре закрыли – зачем держать при четырёх малышах шесть нянек? Устроилась она в столовую в лесопункт, потом ещё куда-то на трассу, в забегаловку. И тут у неё дело пошло. Открыла она свою дорожную точку, стала понемногу расширяться, работала аккуратно, дёшево, приветливо, ничем таким не грешила, никого у неё больше не было – все силы её, уже женские, пошли только в работу.

Дом свой, отцовский, крестовой, обставила шикарно, завела себе в городе ещё одну точку. Стала совсем богатой.

И тут как-то встретила этого Колю. Выучился он в городе на электрика, женился, да только неудачно как-то. Не было детей. Ну и заманила его Нинка к себе, сначала село вспомнить, потом свой дом показала, в котором всё есть. Нет только одного, мужика.

Заманила и не выпустила. Остался Коля у неё. Друзья поначалу стали появляться, но она, чтоб не спился, заставила его работать на всё село, чтоб у всех была проводка сделана по-человечески. Где за деньги, где и почти задаром. Лишь бы не было времени на друзей. Работа да сон. Да любовь, какая уж у них там.

Понесла Нинка снова. И наладилась рожать, но со своей торговлей нанервничалась, намаялась, пришёл срок, а ей тяжело. Сделали через бок, кесарево, да задели там что-то. Еле выкарабкалась. А когда опомнилась, смотрит – Николай мрачный, всё в сторону смотрит. Оказалось, ребёнок родился больной.

Она полгода лежала. Он за это время по каким-то врачам походил-походил, ну и вышло, чтоб вылечить ребёночка – надо всё продавать, и торговлю, и её дом, и родительский, что остался после их смерти.

Нинка долго переживала, а потом согласилась. Привёз он нотариуса, покупателей – она и всё продала. И отдала деньги на лечение. А лечение не помогло.

Мало того. Колька повертелся вот так с дитём, без Нинки, всё спустил, что ещё осталось. И исчез.

Осталась она одна, с больным рёбенком, без ничего, в таком ветхом доме, малюсеньком, что едва-едва можно развернуться.

Только что было у неё все, и разом ничего не стало. Как в сказке про разбитое корыто. Вот тебе и любовь, о которой молодыми-то не знали, не догадывались.

Нинка поднялась, в который уже раз. С того же места, с дороги. Определила дитёныша на время в круглосуточный интернат, а сама опять пошла по той лесенке, с которой слетела, только уже осторожно. Выкарабкалась, навела справки про Николая, куда он сбежал, у шофёров – помогли, нашли его в Анапе. Не скрыться от неё, от любви, а может, так она называет свою тоску смертную, которая без дела, без него – съедает её. Как паучок, забралась, съехала, забралась, съехала, а потом и нашла тропиночку наверх. Перестала бояться того, что встречается. Нашёлся Николай, хорошо, значит, надо ехать за ним. Не нашёлся бы – тоже хорошо, значит, уже не судьба.

Поехала, поймала его опять, отмыла от бродяжьей грязи, поговорила, и уехала. Не стала звать. И он что-то понял. Сам вернулся. Сам пришёл к ней. Не захотел опускаться. Попросил прощения. Ребёнка забрал из интерната. Ещё одного родили, хотя вроде как немолодые, не по необходимости, чтоб дети были, а по-другому, чтоб был, облюбленный и обласканный. Этот уже не вырожденный, не проходной, а другой какой-то, может.

* * *

Разные бывают характеры, и у мужиков, и у баб. Антонина Васильевна Жукова многих любила, четверых родила пацанов, и все от разных мужиков. На лицо вышли все непохожи, а по характеру одинаковые – Славик, Сашка, Сергей и Витя. Привязала их она к тайге, без неё их бы и не выходила в военное и послевоенное время.

Одну осень сразу после войны только-только и продержались на рыбе. Ребята-то были ещё маленькие, а Антонине некогда было ловить. У каждого почти на реке есть своё место, где у кого сенокос, где у кого коренные обжитые стоянки. У Антонины тоже такое было, осталось от отца. Длинный перекат, почти кольцом. В узком месте десяти метров, может, не будет, между поворотами реки, а петля почти с километр. Вот на этой петле был их родовой сенокос, а в жаркое время, днём, перед обедом, проходил её отец с удочкой по перекату и надёргивал котелок хариусов и ельцов на уху. Этот поворот так и звали, по прозвищу отца – Жуков поворот.

С удочкой Антонине было не с руки каждый день бегать, да и времени не было. Сплела она морды, попросила Василия Алексеевича, тестя моего безрукого-безногого, помочь. Он забил под перекатом через реку изгородь. А дальше она уже сама напихала туда веток, обвязала концы берёзовых сваек ращеплёнными ёлочками – сделала плотину и поставила морды, по течению и против, чтоб ловить рыбу, которая то вверх идёт, то вниз. И бегала, проверяла раз в день, спозаранку.

Сначала было очень хорошо, уловисто. Тоня даже беспокоиться перестала, бегала как в рыбный магазин, уже за готовым товаром. И вдруг перестало ловиться. Несколько дней думала, что происходит, на перемену погоды грешила, на дожди, на ветер, на наступающую зиму. Не выдержала, посоветовалась с Василием Алексеичем. Он понял всё по-своему:

– Тоня, уезжаю в лесопункт, за деньгами. Вот тебе ружьё, устроишь там засаду. Появится кто – первый в воздух, а не поймёт – саданёшь, куда Бог даст. Или меня дождись.

Дожидаться Тоня не стала. Ночью в темноте пришла и спряталась в кустах ивняка. Утром, только-только стало светать, услышала в густом тумане – лодка плещет вёслами, поднимается. Видит, плывут двое, мужик взрослый и пацан, подгребают к мордам, и быстро вытряхивают рыбу.

Тоня молча встала, выстрелила в борт лодки один раз, а второй раз по мужику. Мужик упал в лодку, а Тоня сказала мальчишке:

– Отца отвезёшь домой. А сам смотри, никогда так не делай.

Развернулась и ушла.

И никто ей никогда не сказал хоть слово. Знали все, как произошло, но не спрашивали. По лицу её знали. Она молчала, и все молчали.

Ребята выросли у неё разные и славные, очень добрые какие-то. Ничего чужого не тронут. Пропадают всё больше в лесу, в тайге. Пьют, конечно, но и работают, и мать балуют. Она уже совсем дряхлая, а они ей, как маленькой, всё таскают гостинцы от зайца, и всё хвастают – кто больше наловил. И мужики стараются кого-то из Жуков обязательно взять с собой. Пусть даже не ловят, пусть только в лодке сидят, да вино из стакана тянут. Приметили, что с ними – всегда попадается больше, будто заговорённые они какие-то. Будто их Бог поцеловал и даёт им за что-то больше, чем другим.

* * *

Алевтина, сестра моя старшая, двоюродная, вышла перед войной замуж за художника, Антона. Был такой чудак у нас в деревне, картины рисовал. Мы бегали к нему в гости, чтобы посмотреть эту невидаль – картины. Аккуратные поля, реки, лес. Вро-

де, видишь каждый день, а когда на картине – всё совсем другое. Живопись, слово-то вроде загадочное.

Антона тоже сажали. Написал он что-то там на плакате к празднику про народ. А потом быстро выпустили. Оказалось, что просто забыл поставить подпись. Если бы сразу поставил, то и не трогали бы, а так помучались, почесали головы, да и отпустили от греха.

Он вернулся без половины зубов, а всё такой же беспутный. Рисовал картины и складывал по дому. Никто их не брал, зачем они нужны, в деревне-то?

Однажды взял Антон, да и стал дом разбирать. Пронумеровал цветными красками венцы, чтоб знать где какая стена. Решил переехать в город, сплавиться по реке на плоту из брёвен, и там собрать дом. Может, в городе пригодится его увлечение.

Собрал он Алевтину, детей, картины свои, всё уложил на здоровенный плот, и отчалил. Мужики только немного подсобили ему, чтоб избавить село от такого никчемного чуда, и разбрелись по своим делам.

Плот причалил к городу ровно утром 22 июня. Антона сразу же взяли в военкомат, и как был, так и отправили на войну. И осталась Аля одна, с детьми на руках, с этим здоровенным плотом. В чужом городе, без работы, без мужика, без знакомых, в военной суматохе.

Соорудила кое-как шалаш для детей и вещей на берегу, пошла на разведку поблизости. Рядом оказался сплавучасток лесозавода. Не долго думая, устроилась тут же сортировщицей на сплав, а по вечерам прихватывала с собой рабочий крючок и раскатывала брёвна дома. Только краски перепутала, не смогла понять, что там Антон намалевал, и собрала кое-как дом. Дети всё это время жили на берегу, но не болели, помогали мамке чем могли. Вообще, в войну почти никто и не болел. Хотя и спали на земле, под снегом на ящиках, но силы были другие в человеке. Также старые люди вспоминали, что раньше, при царе, редко умирал кто в деревне. Жили очень долго, смерть была новостью, да и другая она тогда была, светлая, спокойная, когда человек проживал всё, что положено и отходил в своё время.

Антон сначала писал письма с войны, а потом перестал, пропал. Война кончилась, а Аля всё ждала его в этом косопузом домишке, не перекладывала, хотя к ней и подкатывали некоторые, предлагали помочь, и всё остальное. Ждала упорно, берегла картины. А он не появлялся.

Ждут тоже по-разному. Некоторые – потому что так надо, не задумываясь, просто ждут. Жизнь проходит, а они так и остаются ни с чем, и иногда совсем зря. Когда любви не было, то и ждать-то зачем? А когда любовь, тогда ничего не страшно. Только это становится ясно в конце, потом, когда проясняется многое, что было ясным, а оказалось туманным.

Антон не вернулся, но не погиб. Однажды встретила она его в городе. Сразу узнала. Увидела его на улице. Он, может, приехал откуда-то в командировку, ненадолго. Вёл себя не как местный. Немного изменился, конечно, ссутулился, вставил железные зубы. Прошёлся по рынку, посидел в парке. Она всё тихо шла за ним. Хотела остановиться, и не могла. Страшно было, что прожила в тумане всю жизнь зазря. Страшно было, что вот-вот он её увидит, скажет что-то обидное или наоборот, смутится. И всё равно преследовала. Как будто видела свою смерть, а не могла увернуться.

Покрутился он так, потом пошёл в гостиницу на берегу реки, совсем недалеко от их дома, от того места, где они причалили в июне. Вошёл туда, а она стояла внизу,

приметила, какое окно зажглось, как он там, внутри, сел что-то читать, потом выключил свет. Взяла камень, чтобы швырнуть в это окно, а потом опустила руку. Развернулась, пошла домой, совсем рядом. И потом всё смотрела на это окно в гостинице, его было видно из дома, горит оно или нет.

В войну приучилась она молиться за него, и теперь в углу были у неё иконы. Стоит, молится, а иногда отвлечётся, и всё смотрит туда, будто оттуда он должен снова появиться, вспомнить о ней и наконец-то прийти со своей войны.

* * *

У тестя моего, Василия Алексеича, что без руки без ноги с войны вернулся (вот кого бы нам царём, или не царём, так хоть самым главным на время, и был бы порядок в стране полный) – у него было ещё трое братьев, таких же, как он, жилистых, сильных.

У старшего, Александра, родилось семеро детей. Шесть мальчишек и одна девчонка. Самый младший, Геннадий, Геня, если по-деревенски, всегда был при нём.

Работал Александр в лесу, на подсочке, собирал живицу. Жил там, вместе со своим хозяйством. И Гена так и вырос лесным человеком. Все его братья в город перебрались, а он в деревне застрял.

Пробовал сунуться в город, да его, голубчика, быстро вышибли оттуда. Жена его первая, Пида Нина, отправила туда попытать счастья, чтоб потом уцепиться за него да и не сгнить живьём в деревне вместе со всеми. Собрала его аккуратно. Сходила к Юле и Лёне, а к ним как раз друг приехал старинный в отпуск, по грибы-ягоды. Нинка и договорилась с ними на неделю взять напрокат поприличней одёжки, чтоб приняли Генку на работу, встретили как полагается по виду. А у них только лётные костюмы да шинели. Ну и одели Геню в город во всё лётное, и друга его, Кузь Колю.

Сказали, чтоб прямиком шли на лесозавод, чтоб объяснили – вот, дескать, списали на землю, и хотят устроиться к ним. Всё это Пида Нина сама и придумала на свою шею.

Приехали, голубчики, в город рано утром на попутке. И первым делом куда? В магазин. А магазины ещё закрыты. Нашли какую-то рюмочную, стоят, смотрят на цены, ничего не понимают – рюмка стоит дороже бутылки. И нет никого. Только тётка какая-то, оказалось, продавщица:

– Вам чего?

– Выпить бы. Здравствуйте.

– Здрасте-то, здрасте, а вам не лететь сегодня, соколики?

– Нет, нет.

– Вот что. Что-то вы мне не нравитесь. Рожи у вас какие-то не такие. Что-то вы мутите, дорогие мои.

И не налила им. Бдительная оказалась.

Нашли пивную. А там очередь, человек пятьдесят. Стоят, облизываются. Вроде как неудобно вклиниваться, всё же в форме. А кругом народ простой, потёртый, кто в чём, в фуфайках, в рабочем. Словом, не к лицу им, лётчикам, пачкаться.

Подбегает мужик:

– Ребята, выпить хотите? Давайте, вы мне на кружку, а я вам сразу, через две минуты вынесу.

– На кружку? Да хоть на две.

Завёл он их в подворотню, сам шмыгнул куда-то в забор, где доски аккуратно отчинены. И правда, появился через две минуты с тремя кружками. Стоят, выпивают, только ткнулись своими наследственными деревенскими рубильниками в виде паяльников в пену стоячую, а мимо них какая-то компания. Все одеты красиво, в пиджачках, женщина даже в шубке. Идут мимо и вполголоса, в сторонку, по-городскому:

– Вот так вот нальют глаза, а потом лети с ними! – и шасть туда же, в щёлку в заборе.

Гена хотел было возмутиться – сами-то хороши, чуть что с кормы подлезают, а Кузь Коля остановил – ещё выяснится, что они не лётчики, только хуже будет.

Плюнули, пошли куда глаза глядят. Денег ещё немного осталось. Смотрят, очередь, в ресторан. И опять какой-то мужичок подбегает, хватает за руку:

– Орлы! Место сейчас организуем, за мной!

Раздвигает очередь, и впихивает их внутрь. А они-то не знают, в чём дело, думают, что с лётчиками так себя все в городе и ведут. Попались. Ведут их в отдельный кабинет, накрывают стол. И тут падают напротив две девки. Заказывают себе скромненько по салатику что ли, и закуривают. Наши-то, чтоб не оконфузиться, конечно, шампанское, конфеты, разных там миног маринованных поназаказывали. В общем, клюнули, голубчики, на наживку.

Эти, нахалки городские, хвостики подняли, как на свадьбе собачьей сучки, а сами накинулись, всё подмели, выпили, дело идёт к концу. К самой развязке. Уже чуть не прямо здесь, в кабинете, лезут к ним эти, кошки крашеные. И тут Кузь Коля всё же осмелел как-то, отвлеклись они на секунду, а он Генке-то и шепнул:

– Иди в гардероб, бери обе шинели, и выходи, будто подышать. А я останусь, отвлеку.

Геня, который от тоски уже чуть выть не начал, кивнул, да и пошёл:

– Я отлить.

А сам в гардероб, взял шинели, и на угол улицы встал. Выбегает Кузь Коля, а за ним мужик, тот, что их завлекал, а за ними ещё трое. Ну и все бежать кинулись. А тут Кузь Коля и кричит на бегу:

– Мы всё же лётчики или как!

Развернулись, да и пошли месить, метелить этих городских шавок. Самим попало как следует, но четверых уложили. Не зря по тайге шатались, силы набирали. Короче, пощупали они твёрдую жёсткую руку, показали им как лётчиков обижать. Только маленько форму уходили.

Вот так бы и вернулись домой, ни с чем, победители. Да взяла Геню нелёгкая. Девчонка какая-то на автостанции то ли мелочи попросила, то ли на хлеб ей не хватало. А он взял, да и пожалел её – лётчик не лётчик, а человек в своих глазах не последний. И решил взять её, Нельку, детдомовку, с собой, осчастливить хоть одно существо на свете своей нерастраченной любовью.

И так и заявился обратно, с Нелькой. Отправил Кузь Колю к Пида Нине с шинелями, чтоб та постирала от крови, починила да Лёне отнесла. Коля ещё спросил у него:

– С Нинкой-то что, всё, в споре теперь?

– А не знаю. Наверное, в споре.

– Ну и ладно.

Коля шинель-то одну одел, и пошёл к Нинке, объясняться. Как и что получилось. Рассказал всё, как было в городе, и сидит, ждёт чего-то. Нинка сначала психанула:

– Ой, пойду ей, стерве, все волосы-то повыдергаю!..

А Николай всё сидит виновато:

– Нин, ну чё ты? Ну чё ты, Нин, а? Ну ты же сама нас послала... А Нелька-то, она детдомовка, стриженая, и волос-то не вырвешь... Ты ж сама нас послала...

– Послала, да не туда! Не туда надо было вас послать, козлин!..

Ну и разного всякого. Потом плакать стала. Кузь Коля совсем сник. Геня его втравил во всё это дело, а как выпутываться, не поймёшь. Ну и стал жалеть Нинку, гладить. А она возьми да и кинься к нему. Совсем всё перепуталось.

Наутро по возвращении Генка прознал, что наши собираются что-то строить. Пришёл напрашиваться, успел, а то полдеревни мужиков уже думали – кого возьмут, работы-то нет. А он же по-родственному, право имеет первый. И Нельку с собой взял. И два топора сразу прихватил, чтоб если возьмут, начинать, не откладывая, работу. Взяли. Мои-то, конечно, не знали про все их похождения, просто знали, что если Геня не пьёт, то работает хорошо, вот и взяли. Договорились только денег вперёд не давать, а так, покупать продукты, на прожитьё, рассчитаться в конце, и лучше вещами, может, даже на бензопилу хватит. Как обычно в деревне. Дашь денег, и больше не увидишь работника, какой бы ни был.

Сразу же тут и взялись окаривать брёвна, пролыску делать. Гена ворочает, Нелька, как умеет, помогает, хотя взяли только Геню. Нелька старается, хочет и ему, и остальным показать, что не зря хлеб ест.

И тут Пида Нина приходит. Вроде, как погулять вышла. Одела красные сапожки, платье самое красивое. Стоит вроде как в стороне. Ножкой бревно подопнёт, и как бы скучает.

Геня не выдержал:

– Ты чё?

– А ничё. А ты чё?

– Я-то ничё, работаю. А ты чё пришла?

– Гуляю вот. А это кто?

– А не твоего ума дело.

– А чё это не моего ума?

– А то.

Неделю так они работали. Геня с Нелькой, которая вовсе просто так ему помогала, брёвна катают. А Пида Нина приходит и ногами дрыгает. И Кузь Коля вроде как невзначай, поодаль стоит, на углу, сторожит чего-то, ждёт, чем всё кончится, и какую ему судьбу дальше ожидать, какой приговор будет.

Приговор вышел простой. Помаялась так Нинка, потом плюнула, подпёрла лавкой дверь в дом, да и уехала сама в город. Не выдержала, что Нелька, как собачонка, молча бегала за Геной, да всё делала, что он скажет. Нашёл он себе, кого искал.

А Кузь Коля так и остался один. Тёрся вокруг мужиков на стройке, ждал, что позовут, а не позвали – что там всей толпой делать, когда работы на пять человек, и то останется. Пригождался он только по особым случаям, когда что-то ломалось в механике. Сломается у какого пацана велосипед или мопед, он тут же берёт сломанный подшипник, или какую деталь, и говорит:

– Подожди! Я сейчас... – и идёт домой. И приносит такой же, почти как новый, в солидоле.

Вот и ждал около стройки – вдруг стартёр у бензопилы полетит, или цепь. Или хотел с Геной объясниться насчёт Нинки и всего остального, что было. Растерянный

какой-то стал. Потерялся после этого города несчастного. Будто взрывом всех поранило, и его задело осколком каким-то. И не выдержал, запил. Пил несколько дней самогонку, потом ещё какую-то химию, и не смог остановиться. Сердце не выдержало.

Гена пришёл на поминки с Нелькой, посидели, выпили немного, закусили, уже собрались уходить, а тут мать Колина позвала его в сторону, говорит:

– Геня, он всё хотел тебе показать это, да боялся. В подвал спустись, посмотри сам, выбери, может, тебе надо чего.

Геня полез в подвал, и чуть не упал от удивления. Сделал Кузь Коля в подвале здоровенный склад и мастерскую, все детали под номерами по полкам по ящикам с надписями, всё аккуратно, будто самолёт в наборе, россыпью. Всё смазанное, готовое к работе – начинай жить, собирай, лети, куда хочешь. Никто не знал про этот подвал у Коли. Догадывались, что что-то не так у него в характере, а что не так, только сейчас и выяснилось, когда уже поздно было.

Посмотрел, посмотрел Геня на всё это богатство, на всё это подземное царство, да и сам чуть не запил с горя, от своей никчемности, что вроде всё есть, а ничего нет.

Пида Нина вернулась из города уже лет через пять. Осунулась, поскромнела, повяла её красота. Отвалила лавку от двери, вошла, и стала жить тихо. Встречала Геню с Нелей, здоровалась равнодушно как-то, будто забыла всё. Будто поставила на себе крест, на своей жизни.

Про подвал Колин мужики прознали, и стали заходить к матери его то за одним, то за другим, пока всё не растащили, и ничего не осталось. Только Нелька всё ходит и ходит за Геней, и молчит. Иногда, в магазине, или в очереди за пособием, называет его «мой», или «он», никогда по имени, а так, как наверное, собачонка про хорошего хозяина думает, как про Бога.

Церковь-то достроили, открыли, а Геня туда и не заходит почти никогда. Только денег стрельнуть на хлеб или попросить что. Или когда раздают всем воду, или вербы, тогда придёт взять, что дают бесплатно. Наверное, характер такой, слишком лесной, нелюдимый.

А Нина приходит иногда по праздникам, или на родительскую субботу. Тоже помолчит, помолчит, да подойдёт к Николаю Угоднику, пожаловаться на что-то или чего попросить, а может, за Колю переживает, и никак не может пережить.

* * *

Всего одна война была у нас на Севере, гражданская. Ещё, вроде, по летописям говорят, доплывали сюда викинги, воевать Железные ворота в наших краях, да не смогли. Археологи копали эти городища, писали в районной газете наши местные следопыты про этих викингов, про то, что село наше ещё до основания Москвы уже было благодаря этому известно. Да только что толку – Москва уже совсем отдельное государство, а село наше всё растёт только в другую сторону. От пятна на карте осталась одна пунктирная строчка-ниточка домов, такую ни на одной карте не нанесут. Идёшь и не замечаешь, что домов всё меньше, что отовсюду, с любого места уже видно близкое кладбище.

В самом центре, на неудобном для машин повороте, с низкой черёмухой, стоит ещё красивый дом Клавдии Ивановны, нашей учительницы. Хлебнула она горя от той самой единственной гражданской, потому что отца её прозвали бандитом.

Странная это была война. Всё людям было в дикость. На красных комиссаров, с чужим выговором, в кожанках, так и смотрели, как на живых чертей, как на восставших откуда-то демонов, появившихся то ли из-под земли, то ли стадо свиней обратно из моря вышло... А то безумие, что творилось – грабёж, убийство, насильство – старые-то люди иначе как конец света и не пересказывали: навалился зверь, и пьёт кровь, как собака.

Сопротивлялись по-разному. Советская власть в нашем селе установилась совсем не так, как писали эти, победители. Принимали её нудно, голосованием. Только в середине тридцатых и проголосовали за неё, когда батюшку расстреляли, матушку его, ещё многих других. Только так и прошло у них это дело, когда кровь повысосали. А так люди всё время шарахались от них, от демонов и агитаторов.

Алексей, отец Клавдии Ивановны, которого записали потом в белобандиты, сопротивлялся по-другому. Не молча. Женился он тогда как раз. В самом начале революции. И мог бы жить себе, как все, спокойненько, да только не выдержал. Пришёл домой после всех этих листовок и разговоров, и дрожал весь. Молчал и дрожал всем телом, от неправды. Не мог любить её, голубку свою, Катерину, просто лежал, сцепив зубы, и весь трясся, как в лихорадке. У нас многие от неправды болеют телом, и сердцем. Она уже думала – болезнь, малярия или падучая так начинается.

А Алексей взял успокоился, пошептался с дружками. Набрали они человек двенадцать, взяли ружья свои охотничьи, да и пошли к красноштанным разбираться, что это за враньё, когда кричат про мир, про долгожданный конец войне, а войны-то никогда и не было, орут про землю, а земли кругом – бери сколько хочешь, пищат – власть народу, а как же царь тогда?

Ну и прознали красные про то, что Лёшка идёт к ним разобраться да поговорить. И как были, побросали пьянку, удрали в другое село, даже пушку свою оставили. Триста человек вроде как их было – ходили по сёлам, пили самогонку, дома потрошили да девок портили по стогам. Не все, конечно, но некоторые, с попутчиками особенно, которые худо-бедно одну коровёнку еле держали по лености и ныли, про тяжёлую жизнь. А что им ещё, бездельникам, да болтунам было надо? Поговорят, поорут, головы задурят – и по своим поросячьим делам.

Словом всегда у нас и добивались своего. Крепким словом, настоящим, утвердительным. Или наглым враньём.

Пошёл Лёшка со своими догонять их, а они разведку выставили, и опять дёру. Так и бегали. Вот тебе и война гражданская. Лёшка власть почувствовал, приодел своих уже получше, порядок навёл. Признавать-то его признавали по сёлам, но только у него людей-то не прибавлялось. Сколько сразу пошло, столько и было, двенадцать против трёхсот. Мало кому хотелось умирать неизвестно за что, за правду против вранья. Отсидеться захотели, хотели жить спокойно. И носили донесения, кто куда двинулся. Даже когда он один ездил – боялись.

Каждую субботу ездил домой, без провожатых, в баню, а в воскресенье – в церкву. А после службы уже к своим, на войну, туда, где они стояли. Вот такой был бандит. Знали ведь, что он один, и без охранников, а не трогали, боялись, трусили. За новую жизнь-то, неизвестную, мало кому хотелось рисковать. Отобрать толпой лошадь или корову, да сожрать что чужое, на то и хватало ума. А под пули сильно не хотелось.

Клавдию-то Ивановну Алексей и соорудил однажды вот так же. Приехал, помолился, помылся, посмотрел на свою нецелованную нелюбленную жёнку, да и отпустило

его, встало всё на места. Бывает и так – пока мужик не поймёт, что да как на этом свете, пока не попробует что сладкое, а что горькое, что правда, а что враньё, пока не полюбит белый свет, как он есть, пока не пострадает – так и не сможет бабу по-настоящему полюбить. И наоборот, пока не саданёт его по сердцу до крови любовь к кому-нибудь, так и кругом ничего не сможет полюбить, будет маяться зря, мучить других. И Клавдия-то наша Ивановна, получилась от такой любви, военной. Это по глазам видно было всегда, только мы ещё не замечали этого.

Вскоре с юга пошла другая сила, как туча, как саранча, и красные-то осмелели, так что пришлось Алексею по ним пару раз из пушки даже пальнуть. А потом отходить он стал, на Север, пока не дошёл кругом до Архангельска. И, говорят, уплыл куда-то, в Англию или в Америку. Не слышно было о нём больше ничего.

А Катерина родила Клавку, дочь бандита, и ни разу его худым словом не помянула никогда. Жила совсем одна, как немая и глухая. Ходила только на службу каждое воскресенье, пока церковь открыта была. Да, наверное, и встречала там его, и видела его. Не там, так потом, во сне. Не бросил её, дал росток, от которого дальше пошли веточки зелёные.

Написал раз кто-то в районке про те времена, про отца Клавдии Ивановны, когда она уже учительницей стала. Пришла она в класс. Мы молчим, не знаем, что сказать. Страшно хоть как-то обидеть человека, а тут через газету такое, на весь район. Ждём, может, заплачет, или злость сорвёт на ком-то – мы поймём.

А она села, стала смотреть на нас долго. Потом сказала:

– Вырастете, никогда так не делайте.

Мы и сами растерялись – а нам что сейчас-то делать? Помню, встала Верка, наша вожатая, «совесть класса», подошла к Клавдии Ивановне и сказала:

– Да, Клавдия Ивановна. Мы обещаем. Мы так не будем.

И села на место. И урок дальше пошёл: Тарас Бульба, сын, предательство, любовь молодой красавицы. Всё как всегда, и по-другому.

* * *

Верке тогда сильно попало за её «да». Изгнали со всех командирских постов, придирались потом до конца школы. А она всё равно выросла такая – и прямая, и безотказная. Самая красивая была, а стала простой дояркой, родила свою Пида Нинку непутёвую. Идёт мимо дома на повороте, всегда остановится, пару слов скажет Клавдии Ивановне, и дальше топает. Ни разу не осудила никого, ни пьяного, ни дурного, и отказывать не научилась, всем уступала, не спорила – до старости слово держала. Даже если отказать надо, всё равно сначала скажет «да», а потом уж повернёт куда нужно.

Мужики от этого её «да» сильно пострадали.

– Любишь меня? – Да. – Пойдёшь за меня? – Да. – А не обманешь? – Да.

Всё да. Даже ухватиться не за что. Так и мазали, как сквозь воздух, не могли поймать Верку-то, уцепиться за что-нибудь.

Однажды поехала она в город, на мясокомбинат, телят сдавать. Ну и повезло, без очереди её приняли, и освободилась быстро. Времени ещё осталось до отъезда. Шофёр пошёл искать какие-то запчасти, а её высадил у автостанции. Походила она туда-сюда, поглазела, слышит – музыка. Ну и пошла на неё. Сидит парень в военной форме,

в очках чёрных, играет на трофейном аккордеоне. Перед ним коробочка для денег и фуражка рядом. Вот стояла она, стояла, слушала. Долго слушала, как он играет. Потом, когда все разошлись, он ещё посидел сколько-то молча, а она стояла, притаилась, смотрела на него. Слышит он, вроде нет никого, стал собираться, деньги ссыпал, аккордеон уложил в футляр, закинул за плечо, да и пошёл. Прямо на неё. А она стоит от страха, как столб. Ну и наткнулся он на Верку. Чуть не упал. Упал бы, если б она его не поймала за руку. Кто там кого поймал – не поймёшь.

Так и увёл он её к себе, на окраину, в каморку какую-то, молча. И она, корова, молча прёт, не знает, что делать. Хочет чего-то сказать, и боится.

Зашли к нему, он вещи отложил, стал обед свой разогревать, поставил две тарелки, накормил её. И сидят. Нинка говорит: «Спасибо».

А он вроде как и не слышит, только сидит. И уйти надо, и жалко что-то ей его стало. Протянула руку, погладила по щеке. Ну и он протянул. Так всё и произошло у них, безмолвно, ни да, ни нет. Верка помнит, что только плакали оба, как дети.

Потом оделась она и убежала. И дорогу не запомнила.

И понесла вот так Нинку.

Как родила и встала, ездила ещё в город. Останавливалась специально на автостанции, но его уже не было. Спрашивала, где он, и вроде сказали ей, что уехал куда-то в Воркуту, там легче прожить, денег больше. А где он жил – так и не смогла вспомнить, ни туда дорогу не помнит, ни обратно, всё как во сне было, как в сказке, про однодневного мотылька.

Вот так и прожила. Больше у неё ничего и не было. Может, и хотела б Верка чтоб было, только попадались все какие-то разговорчивые да зрячие, куда бы подлезть и как бы залапать. Так и осталась со своей слепой любовью на всю жизнь.

* * *

Старые люди ушли. Их так называют не по возрасту. Они были из той, старой жизни. Которая была совсем другой. Нынешние пожилые уже не те, хотя помнят про тех, старых. Они бы встали сейчас из своих могил и надавали бы нам по шее. За нерождённых детей. За обветшавшие дома, за то, чо почти нет новых улиц, свежих, приготовленных для стройки, брёвен, крепких, с раннего утра снующих по дворам, мужиков, отправляющихся куда-то по делам. За нелюбовь, за нелюбимых, живущих с нелюбимыми. Вот они-то сказали бы нам, покачав головой, что то, что мы ещё любим кого-то – чудо, потому что понятия не имеем об их любви, из которой мы родились. Из которой мы должны были выйти красивыми, всегда молодыми, любящими друг друга как молнии – а не такой умирающей нынешней толпой.

От них остались деревянные, интересно загнутые инструменты, старые охотничьи лыжи, разобранные и уже ненужные ткацкие станки, разная ветхая берестяная утварь, зарастающие глубокие ямы за огородом, для того, чтоб замачивать лён. Теперь этого уже не делают – идут в магазин, берут в качестве одежды, не задумываясь, всякую всячину. А по ней раньше можно было прочитать всё, как баба жила. Сарафан был, как жизнь в картинках – можно было одним взглядом прочесть, когда вышла замуж, сколько детей, сколько мальчиков, девочек, сколько коров, да всякое разное, кроме узоров, ещё наносили. Шитое золотом, как у других, как у всех, и единственное, и неповтори-

мое, как жизнь, платье. Вот, что было у старых. И ещё работа. И ещё дети. И любовь, другая, нам не понять, потому что она была горячая-горячая, а теперь охладела во многих.

У прабабушки моей был такой сарафан. И одиннадцать детей. И каждой в приданое дала по корове. И жизнь чистая, светлая, тихая. В сто два года, уже перед самой смертью, не сидела она дома, выходила с граблями во двор, ворошила сено, и улыбалась молча мне, солнцу, прохожим. Что она могла сказать мне, беззаботно скакавшей в мужском пиджаке с чужого плеча? Что бы я смогла понять про ту её жизнь? Что я приобрела и чего лишилась, когда у меня уже не стало никакого такого платья, с вышитой своей жизнью? Я и не расспрашивала её ни о чём. Жалею сейчас, потому что сейчас-то, может, и смогла бы понять, а тогда всё равно бы не поняла ничего.

Раскапывают археологи рядом с селом какие-то бусинки, крючки огромные на рыбу – видать, ловили тысячи лет назад по-другому, не так, как сейчас. Какие-то украшения, пряжки, звериный стиль – говорят. Достанешь прабабушкино платье, посмотришь, и вздохнёшь – от нас что останется, что раскопают такого, что мы сделали своими руками и как-то рассказали про свою жизнь? Ничего. Зубные пластмассовые щётки, да перегоревшие электрические пробки? Ни в чём мы не рассказали о своей жизни, о своём счастье. Ни в одном предмете не рассмотрели свою жизнь, только в скотину-телевизор пялились, и горело всё наше прошлое синим огнём.

Оскудели, измельчали – вот что такое мы по сравнению с ними, со старыми людьми. Не они старые, мы старые по сравнению с ними. От них осталась любовь – мы, ещё какой-то слабый отпечаток на ещё зелёном полотне земли. Только вышиты мы не золотом на этом прекрасном фоне, мы бегаем как бессмысленная толпа овец без пастуха, и почти ничем не выделяемся, каждый в одной и той же бессмысленной бесцветной одёжке.

* * *

Как цепочка, за любовью всё тянется, одно к другому прикладывается. Оборви это звено, и всё посыплется, как бусинки. За ней вера и верность рядом, бок о бок. Потеряли веру, потеряли и верность, живут как во сне, только чтоб не пил сильно, или уж пил бы, так под присмотром. Осунулись, постарели ещё молодыми, силы свои потратили на что-то серое, бестолковое, это когда без любви, а она что-то всё реже выглядывает, как солнце спряталось за тучами. Ослабели мужики к любви, к настоящей, вот и заволокло всё тучами, проиграли войну. Инвалидная команда, любовь и калеку делает человеком, и слепого зрячим, и безрукого безногого орлом, а нелюбовь и целого уродует, в этом вся наша нынешняя убогость. Обрежь эту жилочку в человеке, всё остальное само порвётся, будет как кукла тряпичная, лежать в углу, вместо любви и уважения, подсчитывать всё одно – водка да деньги, сколько их можно на неё перевести.

* * *

Мой-то победил в этой своей войне, всё же бросил пить, буянить, кричать про любовь в угаре. Хоть и перед концом жизни, а победил. И сейчас я всё переживаю – угасал он от рака лёгких, а я не всё сделала для него. Мыла, переворачивала, протирала

пищу, а он всё только смотрел и не жаловался, и от наркотиков отказывался наотрез. Угасал тихо, а я теперь каждый день вспоминаю, всё ли сделала, вспоминаю, что не всё мы успели.

Однажды попали на реке перед грозой на яму. А там огромная щука у него клюнула, и живца унесла. Он меня посадил ещё живцов ловить, а сам этой щукой занялся, хитрющей. Выплывет она, схватит рыбку, утянет в глубину, а он ждёт – когда она заглотит, а щука-то и выплюнет, или откусит ровно между тройников. Штук двадцать тогда ельцов мы перевели на неё, и она всё время выходила из глубины, так страшно, и скрывалась. А потом гроза началась, и после грозы она уже не показывалась. Он мне и сказал, что мы её ещё успеем поймать, что она от нас не уйдёт – мы ещё вернёмся. Вот только когда, думаю я теперь?

Вернётся, всё вернётся, но когда и куда, и к кому. И кто выдержит это возвращение, а кто и нет?

Алёна Ельцова

Ельцова Елена Власовна *чужис 1979 вося январ 19 лунö Кулöмдін сиктын. Велöдчис Кулöмдінса шöр школаын (1986–94), Сыктывкарса Искусство гимназияын (1994–96), Сыктывкарса университетлöн финн-йöгра факультетын (1996–2001). 2001–2003 воясö велöдчис Москваын А.М. Горький нима Литературнöй институтын, а сесся коми наука шöринса аспирантураын (2005–09). 2009 воын дорйис Тима Вень творчество йылысь диссертация. 2005 восянь уджалö Кыв, литература да история институтын, туялö коми литература. Олö Сыктывкарын. Гижö комиöн кывбуръяс. Алёна Ельцовалöн нёль асшöр кывбур чукöр. Кывбуръяссö вуджöдлісны роч, финн, эст, англия, венгер, мари, узбек кывъяс вылö.*
Гижысь котырын 1998-öд восянь.

«Ачым коля паметьöн…»

(кывбуръяс)

* * *

Асъядор чöв олысь рöмыдас сэн
Öшиньö кодікö ышловзяс мен…

Тулыс пö воöма, воöма тулыс –
Зёльмунас йизьылöм увъяса пуыс.

Тöлыс пö мöдöдчö войвывлань бöр –
Шувгöмöн шыасяс лöзалысь вöр.

Тулысöй, тулысöй, таланьö лок нин:
Лымсö вай сывды да сьöлöмöс кокньöд.

Шыяссьыд, югыдсьыд бордъясяс мед –
Сылас мед,
мелілун, тулысöй, сет.

Кöсйыся тэныд ме – шудаöн лоа,
Сöмын тэ во-а,
сöмын тэ во-а…

* * *

Выліті, выліті кымöръяс кывтöны,
Лöзалö енэж от.
Ылiас сэтöні, ылiас кытöнкö
Виччысьö найöс код?

Нинöм, дзик нинöмтор воча оз шыавны –
Енэжыс – чöв.
Лэбöны – мунöны – сылöны кымöръяс,
Быттьöкö эз и вöв.

Войся мöвпалöм

Гöгöр ставыс лöня узьö-вöталö –
Бöрö коли нокöн тырöм лун.
Сöмын лэбач чукöр – войся мöвпъясöй –
Пальöдöны менсьым кокньыд ун.

Надзöникöн лолö найö йиджöны –
Козьналöны сылы ассьыс röм.
Асылöдзыс вир-яйöй оз личавлы,
Кытчöдз войся мöвпалöмöй эм.

Войнад ставыс мöд ногöн дзик тыдалö –
Озджык сiдзи, кыдзи вöзйö лун.
Войын лолöй енэжöдзыс кыпавлö,
Лоö кокньыд, быттьö сылысь ру.

Асъядорыс сöмын сьöлöм личалас…
Верман кö тэ, паметь, дырджык видз
Сiйöс, мый мен пемыд кадыс вичмöдлö –
Войся мöвплысь чуймöдана мич.

Медводдза муслун

Мекöд тшöтшъя, 1990-öд воясся,
кывбур гижысь нывъяслы –
Виктория Кармановалы,
Алёна Мальцевалы,
Анастасия Шомысовалы

Юрсиöс шыльöдö töврулöн ки,
Меліа инмöдчö вом дорö шонді.
Сьöлöмöй, мыйысь тэ морöсын ёнтан, –
Казьтылан вежöрöс шызьöдысь ним?

Мый нö тэ, радейтöм, збыль али вöт?
Лысва, код лунсьöмöс шондіысь косьмö…
Войыслы ме ассьым муслунöс восьта,
Сэсся мед некод сы йылысь оз тöд.
Шоныд да дженьыдик кунöра зэр –
Волö да кытчöкö тöдлытöг сылö.
…Оз, сэсся некор нин менö оз ылöд
Юр вежöр кольмöдысь тулыслöн кöр…

Паськöдас йöлöга, кывлас му выв
Тöврулы сетчана, кокньыдик кывъяс.
Вöр весьтті,
ва весьтті
разалас-кывтас
Медводдза муслунлöн раминик кыв…

* * *

Серöн-серöн, визьöн-визьöн
Лым чир енэж шöрысь киссьö.
Ньöжйö водö муыс вылö –
Сэсся сылö.

Сöмын кольö менам лолö
Сылöн дженьыд югыд олöм,
Коді, быттьö дзолядырöй,
Лöня югнитіс дай быри.

Дыр на паметь менам видзас
Бöръя лымлысь сöстöм мичсö,
Дыр на кора лунысь-лунö
Лымсö, коді важöн муніс,

Кодöс сывдіс тувсов муыс,
Кодöс юис ойдöм юыс.
Кодöс, аддзывла кö вöтöн,
Ог нин тöд ме,
ог нин тöд ме…

* * *

Ыркалöм сынöдыс
садьмöдас ойбыртöм лолöс:
Чечча да пемдыштöм ывлаас
керкаысь пета.
Войыслы ме

ассьым сьӧлӧмӧс козьнала-сета –
Бырас мед, лэбовтас кытчӧкӧ сьӧлӧмысь полӧм.
Енэжсӧ сайӧдысь кымӧръяс пырыс ме письта,
Сӧдзӧдча,
Вылӧджык кача –
Да кодзула енэжсӧ аддза.
Бордъясӧс шевкнита,
лэбзьыны верма ме ачым.
Судзӧда енэжсьыс кодзувсӧ –
дзирдалысь чут.
Лэдз менӧ ас дінсьыд,
Му вылас менӧ эн кут.

Пелысь роз

Воӧм пелысь – сьӧлӧм ыджда розъя…
А. Лужиков

Эг и тӧдлы – пышйис гожӧм кытчӧкӧ,
Ар нин матын, оз тай корӧм ков…
Асывсяньыс ӧшиньӧд ме мыччася –
Нинӧм сэсся сьӧлӧмлы оз ков.
Мича корсӧ пелысь муӧ гылӧдӧ,
Киас кутӧ гӧрд тусьяслысь роз:
Лэбачьясӧс дінас кориг-ылӧдліг,
Сотчӧ сійӧ ылі бипур моз…
Пасьтася да пелысь дінас котӧртла –
Ки тыр вота кургов кӧра тусь,
Шоныд, гожся войсӧ-лунсӧ кодрала,
Медым дзикӧдз сьӧлӧмӧн эг усь.
Ӧшинь костӧ пелысь розсӧ пукта да –
Дыр мысти мед,
тӧлыс воас кор,
Быттьӧ ӧгыр, лолӧс шонтас-югзьӧдас
Алӧй розлӧн чусалысь битор.
Сэсся кузь да пемыд тӧвся войясӧ
Ловъя биӧн ӧшинь вылын мед
Быттьӧ ылі кодзув, пелысь розъянӧй
Гортӧ локтан туйтӧ индас тэд.
Дыр на медым сійӧ сотчас-ломалас,
Мед жӧ пемыд вояс оз кус, оз…
Шонтас-сывдас тэнсьыд йирмӧг олӧмтӧ
Морӧс пытшкӧс сотысь – сьӧлӧм роз.

Югыдлöз му

Ылі лöзов муас пö пемыдыс оз овлы –
Меным сійö муöдзыс воöдчыны колö.
Югыдлöзас сэтöні лолöй, быттьö лэбач,
Бöрлань оз и бергöдчыв –
шенышт час да лэбас.
Колис мый и лоö на – ставыс менам вунö:
Помтöм-дортöм лöз пиас юр выв тырöн суна,
Сöмын видза паметьын медся дона йöзöс.
Коркö сэсся кад воас –
дзикöдз сыла лöзас:
Ачым коля паметьöн менам быдмöм пилы:
Лöзов бордъя сынöдöн –
сылöн сьöлöм билы.

* * *

Тöвся рытыс югыд тöлыся,
Лым то усьö, то оз усь…
Бурыс, лёкыс – ставыс вöлі нин,
Лолам коли синва тусь.

Кыкöн пикöд лымсö видзöдам,
Лолын, керкаын и – лöнь.
Кутшöм сійö менам ичöт на –
Кöсйö судзны югöр вöнь.

Дзоля мортлы мыйкö вашкöдö
Гусьöникöн менам лов.
Аттьö тэныд ставсьыс, олöмöй,
Нинöм сэсся мен оз ков.

Медым сöмын Тöлысь кисьталас
Эзысь бисö быдса вой,
Да мед надзöникöн висьтавны
Пилы помтöм олöм мойд.

Коркö тадз жö, уна во сайын,
Дзик жö ме моз, лöнь да рам,
Пемыд öшинь дорын вашкöдчис
Мекöд гусьöникöн мам…

…Олöм, быдсяма тэ овлывлан:
Коркö еджыд, коркö-й сьöд.
Сöмын бурлунтö да шонытдö
Дзоля сьöлöмыслы сет…

Сьöда-еджыда

Сьöда-еджыда тöлыслöн рöмыс:
Узьö лым улын едждöдöм му.
Небыд, сьöдiник гынкöмтö кöмав –
Пет да лым вывтi кытчöкö мун.

Вывтi водз тöлын пемдылö ывла –
Юртö чатöртан – енвевтыс сьöд.
А ме кытыськö важöн нин кывлi,
Быттьö тöв – тайö вöр-валöн вöт.

Шевкнит паськыда лымъеджыд бордтö,
Мусьыс орöдчы, норлунтö чöвт.
Сьöда-еджыда енэжыс дорöд
Лэбиг, кодзувсö сьöлöмнад кöвт.

Арся серпас

Со и помасис гожöм. Кыдзкö тöдлытöг, кывлытöг ни аддзывтöг, небыдик кока рыжöй кань моз пырöма да тапикасьö пуяс костöд ар. Мöдам öти татшöм арся асылö дзоля пикöд вöрö: босьтам морт öти наберушкаöн да ыркыд лысваа эжатi каям тшакла матiса раскö.

Кутшöм гажа арся вöрыд! Асъя шондiыс небыдика шонтö войбыдöн ыркалöм ывласö. Вöсни стеклö кодь югыд да сöдз сынöдыс пöртмасьö сентябрыслöн зарни сора югыдлöз рöмöн. Татшöм здукъясас кажитчö, быттьö ставнас вöрыс и муыс ворсöвералö.

Пуяс арын мичасьыс-мичаöсь. Найö вежöмаöсь нин гожся турунвиж паськöмнысö, но абу на пöрччöмаöсь-гылöдöмаöсь найöс муö. Виж кыдз пу, гöрда-вижа пипу, сiмгöрд пелысь лöня шарöдчöны ыркыд тöв йылын мича корнаныс – виччысьöны муö регыдъя гылалöмнысö. Ньöти вежсьытöг сулалöны сöмын пашкыр тугана шыльыд пожöмъяс, дзор нитшка козъяс.

Войся зэр бöрын вöрö петалöма быдсяма тшакыс: танi и гöрд юра топыд молодечгобъяс, и арся шонди водзын лöсталысь выя юра маслеяс, и посни кизьяс моз сер-сермунöм мича гöгрöс ягсеръяс, и кöнсюрö гежöдика-гежöдика мыччасьысь кыз кока еджыд гоб…

Пиöй менам нимкодясьö, котралö пуяс увтi, корсялö тшак. Сöмын и кылан быд здук: «Мамö, видзöд, видзöд! А тайö нö кутшöм тшак?» Аддзöма тшак чукöр да öктö, дозъяс пукталö. Тайö рыжик – коз пу улын чукöрöн быдмыны радейтысь тшак. Воам гортö тыра наберушкаясöн, тшаксö весалам да пуам тшака шыд. Ок и чöскыд кöра сöмын на вотöм рыжика шыдыд!

Мойдö моз волан арся вöрад. Сюрас-ö нöшта кытыськö татшöм мичыс? Ставыс тайö кольö вежöрад вобыд кежлö мöд локтан арöдз. Видза колян, зарни ар!

Олег Уляшев

Уляшев Олег Иванович – *коми гижысь, драматург. Чужис 1964 вося июнь 21 лунö Кулöмдін районса Вöльдін сиктын. 1988 воын помаліс Сыктывкарса государственöй университет, филология факультет. Уджалö Коми наука шöринлöн Кыв, литература да история институтын, туялö фольклор. Тшöкыда йöзöдö гижöдъяссö «Арт», «Войвыв кодзув» журналъясын. Кывбуръясыс да висьтъясыс петалісны торъя книгаясöн. 1989-1998 воясö Олег Ивановичлысь пьесаяссö пуктісны Коми республикаса государственнöй фольклор театрын.*

Аддзысьлöм

(Висьтъяс)

Ковбой

Васька Стибловлöн локтöм йылысь сиктын кывлісны воöмöн тшöтш. Челядь-гавезлы Ыджыд лун кодь сылöн воöмыс.

— Кывлін, Ковбой пö локтöма?

— Збыль?

— Ылöдчыны, буракö, ог кут.

— Ковмас талун клубö ветлыны: мый нин Питирас олöны?..

— Бара на мыйкö висьталас.

Школаö пыригöн Васька шулöма, куим лун пö школаас ветла да моракö муна. Куим лун нюжаліс сизим воöдз. Нёльöд классын куим во пукалöм бöрын, Васька муніс школаысь. Мамыслöн мотик кöсйысьöм ни батьыслöн паськыд тасмаыс эз вермыны песовтны детинаöс. Вежон дзебсясис Пастук Веня дорын, сэсся мам-батьыс корсисны да небзьöдчисны. Во гöгöр вöзйисны Васькаöс совхозö уджавны, но начальство пыксис. Васькалы, öти-кö, дас квайтыс эз на тыр, а мöд-кö, оран голяа, сартас кодь ки-кока, сійö öдвакö шогмис кутшöмкö сьöкыд удж вылö.

Ещö на эськö мытарствуйтіс Васька, эз кö босьт сійöс отсасьны Пастук Веня. Тöлысь мысти медводдза удждон вылас ньöбис паськыд доръяса шляпа, кутшöмöс тай индеецъяс йылысь киноясь вылад новлöны еджыд йöзыс. Быд рыт тшапа лэптöм ныра рöдтывліс Васька сикт кузя аслас Земляника вöв вылын конюшнялань. Тыртöм ноп моз бутъяліс öтарö-мöдарö. Шляпаыс кымыныськö и лэччывліс тшöкаöдзыс. Но аслыс Васька кажитчис зэв нин пелькöн да вынйöраöн. Теш туйö сетöм Ковбой нимсö примитіс да тöдтöм йöзкöд паныдасигöн чургöдліс кос йöн кодь кисö: «Ковбой».

Олöмыс крута вежсис дас сизим арöсын. Гожöмнас локтісны стройотрядöн Питерса студентъяс. А кöн студентъяс, сэн и студенткаяс, гитара да гаж. Овмöдісны дась нянь сёйысьясöс эновтöм Малань керка пöлö. Казяліс пампасъясын ёсьтöм видзöдласнас Васька на пиысь веж юрсиа нылöс. Сьöлöмыс вöрзис.

Тöлысь джын бротьяліс Ковбой аслас мерлина вылын студентъяслöн öшинь увті. Терпенньöыс быри. Зэвтіс сэсся öти гажа рытö чинöм, но дöмастöм школьнöй гач. Пасьталіс батьыслысь гöрд дöрöм. Ыджыдджык эськö: воротниксьыс голяыс чурвидзö сийöсын додь вож моз, но видзöдчан водзын бергöдчис да ёна нин мичаöн аслыс кажитчис. Шогмана. Оз нин нылыд сэсся бокö видзöдлы. Не на бара киссьöм пидзöса джынса роталь-студентъясыд. Мыськис кисö Васька, весиг пеляс кötöдöм чуньнас гудйысьыштіс. Балябöж вылас шляпасö öшöдыштіс да муніс веж юрсиа нывлысь юрсö кольмöдны, сьöлöмсö косьтыны.

Локтіс. Виччысьыштіс кильчö вылын, оз-ö пет нылыс, оз-ö кыв том зонлысь сьöлöм тіпкöмсö? Весьшöрö. Керкаын бриньöдчисны гитараöн, вензисны, сералісны. Петысь ни пырысь некод эз ло. Ковмис Васькалы аслыс пырны. Ныв-зон пукалісны кröватьяс вылын. Джоджын, вольсыштöм газет вылын сулаліс водка доз, жервидзисны кансер банкаяс да сідз-тадз туплясисны шöралöм-чеплялöм нянь кöрышъяс. «О-о! Абориген локтіс!» Мый сэтшöмыс аборигеныс Васька эз тöд, но сьöрсьыс вайöм сулеясö питшöгсьыс перйис да пуксис веж юрсиа нывлы воча.

Мый водзöсö вöлöма, сиктсаяс тöдмалісны Васькасянь нин. Стöкан джын бöрын Васька корöма нылöс ывлаö да дыр жуйявтöг воссьöма. Ныв, дерт, абу петитчöма: кор на ещö татшöм прамöй мортыс сюрас, – кöсйысьöма петны Васька сайö, сійö кö пемыд сиктсö вежас Питерса югыд олöм вылö. Сідз али мöд ног сёрниыс вöлі, но Ковбой совхозысь вежон мысти уволитчис да муніс студентъяскöд. Сэксянь Ковбой волывліс гортас сöмын гожöмъяснас. Воан луннас жö довгывліс клубö, пуксьывліс кильчö перилö вылö да куритчис. Виччысис.

Дыр виччысьны эз ковмывлы. Том йöз да челядь йылöм гögöртлісны. Киасьлісны Ковбойкöд. Кодкö, дерт, и шыöдчысь сюрліс: «Но, мый нин олöмыс Питирас?» И Ковбой заводитліс помасьлытöм висьтъяс. Воддза волігъясас нин сиктса пемыд йöз тöдмалісны, мый Ковбой гötрасьöма Ленинградса студенткаыскöд. Тестьыс отсалöма пырны Университетö, козьналöма том зятьыслы дача да «Вольва». Мый олöны Ковбой гозъя аминь бура, кургöны лун-лун, Наталья Ивановна пö (бур гötырыс) асывъяснас пöсь кофе вольпасьöдзыс вайö-тотшсьöдö.

Кодкö паметя йöз пиысь эськö шуліс жö: веж юрсиа нывсö пö эз öмöй Катяöн шуны? Но Ковбой сы вылö сэтшöма бугжыльтчывліс: «От, вля, пö, неужели менам гötырлысь нимсö тэ бурджыка тöдан?» Ковмис бур паметялы лöньны, нурбыльтіс сöмын: «Гашкö, пö, и Наташа вöлі да...» – «Но вот и чöв ов, эн сюйсьы, он кö тöд».

И талун локтіс Ковбой клубö. Еджыд дöрöма, сьöд регата, одеколонас, тыдалö, суныштлöма. Клубсьыс дуксö вежонöн он вötлы, кötь öшинь-öдзöс ставнас восьты.

Дерт, пыралас кö татшöм важиник клубшояд. Пукаліс, куритчис, виччысис. Локтісны, киасисны Ковбойкöд: «Но мый? Кыдз олан? Мый вöчлан? Мый нин Питирас керсьö?» Ковбой перйис «Мальборо» пачка. Тэрмасьтöг пестысис, чöсмасьöмöн кыскис тшынсö, нырöдыс лэдзис вöсньыдик руöн. Дышпырысь видзöдліс юалысьяс вылö. Шпыньмуніс. «Питерыд? Питерыд сулалö. Смольнöй сулалö и. Быд асыв öшиньöд видзöдла: местаас абу? А мый мор сыкöд и лоас? Да кöть и пöрö, выльысь лэптасны». Коставліс Ковбой, путнитіс чигарканас да содтіс: «Пока ме ловъя». – «А тэ нö стрöитель али мый?» – юаліс кутшöмкö няйт чужöма кöмтöм кока детинка. «Хха! Но тэ и лöсыштін! Ме – стрöитель?!» Ковбой довкйöдлыштіс юрнас: но и но, пö, эмöсь жö татшöм пес поткöдлан черъясыс. «Хха! Ме кодь стрöительыд этша. Став Питерыс менам то кöні!» Ковбой шамыртіс лежнöг йыв ыджда кабырсö, матыстіс детиналы ныр улас. Детина саймовтчис йöз мыш сайö.

Да-а. Код нö думыштны вермис, мый Ковбой коркö та ыджда мортöдз волас? Помалöма Университетсö. Öні кыз деньга ки пырыс сысъялö-лэдзö. Питерсö ставнас кутö. Телохранительяс, бабаяс... Ментъяс радöсь отсавны, да оз на быдöнöс сибöд. Дзик нин пö эськö дышöдöма да. Кöть и ньöбас эськö кык судтаа дача сяма керка чужан сиктас да овмöдчас татчö. Но öд бара жö, став ладыс дзугсяс Питерас. Да и оз лэдзны муннысö. Аддзасны быдлаысь. Компаньёнъясыслöн киыс кузь.

«Да, Ковбой, сьöкыд олöмыд, – шпыньмуніс орччöн сулалысь Опонь Коля. – Кыдз сöмын татшöм олöмтö гöтырыд терпитö». – «Менö? Кыдз ме сійöс та дырасö терпита, шу». – «Мый нö, оз кывзысь? Али кофетö вольпасяд оз нин вай?» Ковбой эз казяв Колялысь шпыннялöмсö: «Дзикöдз этшсö воштöма. Коркö гортö локті да, этатшöм абача сэні». Ковбой довкнитіс юрнас Опонь Колялань. «Но, ме скöрми сэки. Ак, меся, скöтина, ме тэнö велöда дорын узьлыны. А абачаыс ме вылö вувтіс. Но, ме сійöс и жбоньöді. Вля! Мый ки улö сюрис, сійöн и лöсйи. Öшиньöд шыбиті. Жаль, мöд судтасянь». – «А сэсся мый вöлі», – тэрмöдлö кодкö челядь пиысь. «Мый... мый... Локтісны аскинас куимöн. Пистолетаöсь... Ок и лыйсьыштім. Ставсö тотшкöді. Но менсьым шкапъясöс, и пылесосöс, и холодильникöс рузьöдлісны. Ставсö ковмис выльысь ньöбавны». – «А гöтыртö мый вöчин таысь?» – «Галинаöс сітанас чужъялі, нахрен мен сэтшöм гöтырыс. Ме сайö быдöн мунас, шутьöкт сöмын. Тöдöны öд, коді ме». – «А коді нö сійö Галинаыс?» – «Но, он, дерт, тöд: студенткаыс тай тані вöлі, гöтырöй». – «Эз али мый Наташа вöв?» – «Ачыд тэ Наташа. Сэсся аслам гöтырлысь нимсö, дерт, ог тöд», – дöзмис Ковбой. Чöв олыштіс. Печиктіс гожся рöмыдас чигаркасö: «Но ладнö. Мунны колö. Куим вой узьтöм».

Ковбой вошис битöм керкаяс сайö. Клуб игнасис. Йöз вочасöн разöдчисны. Кильчö вылö колис морт куим-ö-нёль. «Да-а, – ышловзис кодкö челядь пöвстысь. – Олöны йöзыс. Став Питирсö киад кутны...» Опонь Коля чеччыштіс кильчö перилö вылысь, шпыньмуніс, лэдзис детиналысь бейсболкасö ныр вылöдзыс: «Йöй на тэ, Ваньчик. Ковбойыс Питерсö весиг телевизор пыр на эз аддзывлы. Мун гортад, ковбой, коктö мыськы, ывлаась да вод узьны». – «А кытысь нö ставсö тöдö: Смольнöйяссö?» – «Смольнöйтö и ме тöда… Лесозаводын олö, важ керкапöлын. Гöтыр пыддиыс Пушка каньöс видзö».

Опонь Коль чеччыштіс пос помö, гораа сульсис кильчö бокö да мöдöдчис гортланьыс.

Пöдруга

Володь локтіс карö шойччыны.

Сійö тай нэмыс сідз: кодлы мый оз тырмы. Карса сиктö мунö, сиктсаöс карö кыскö. Öтилы колö чöв-лöнь да пожöм сир дук, мöдлы – зык-шум да паськыд гаж, да мед некутшöм тöдса аскинас эз шу: «Вот пö тай, яндысьтöм син, бара тöрыт потшöсысь вит прасла кисьтöмыд да стынöс юрнад пöрöдöмыд. Абу али мый яндзим?»

Яндзим. Кыдз нö абу яндзим? Кöть му пырыс мунан, лэдзас кö муыс. Сійöн Володь и локтіс. Босьтіс дыр нин чöжöм да гöтырысь дзеблалöм сьöмсö, пуксис пöпутка вылö, и карын нин тшолкöдö ки вомлöс сода каблукъяснас жуялöм асфальт кузя. Выль тюпеняс тöлысь водз каблукъяс содтіс. Пельпом и рожа эськö шогмö, кöть öні телевизорö, но тушанас гырысьджык чой-вок удзöдöмаöсь, абу удайччöма. Весиг вокыс, двöйни пöв сылöн, ыджыдджык кык сантиметрöн. Армияö ветліс и быдсöн, а Володьöс эз босьтны: быдмышт пö, да кöть десантö босьтам. Но и забеднö вöлі сэки. Локтіс гортас, батьыс юасьö: «Но мый, босьтöны?» Володь муртса кöм пöвнас эз лый сылы (самöй пöрччысьö вöлі): «Босьтасны кытчöкö: количество йывсьыс думайтöмыд, а качествосö вунöдöмыд да!» Сэксянь и кутісны шуны сійöс первой кол-во Володьöн, сэсся Колволодьöн.

Да. А карад нывъясыд, ачыд тöдан, бур вердаса вöв мам кодьöсь, дзоля вылад оз и видзöдлыны. Чиганитчöны. Но мед. Зато Володь кö кöтны босьтчас, йöзыс чуралöны, оз бара Петросян ков.

Оліс карын Володьлöн друг, Иван. Кыз зырымсянь öтлаын быдмывлісны. Öти парта перечиннöй пуртöн вöлавлісны. Öтлаын школа сад йöрын доз юлісны, мед выпускнöй вылын эз жугыль босьт. Öткодь лöзъяс налы орчча сиктъясын ныласигöн тэчлісны. Сэсся олöмыс разöдіс: öтиыс дас во нин карын, мöдыс – сиктö кольччис. Гежöдика гожöмъяснас аддзысьлöны, важсö казьтывлöны, выльнас ошйысьöны. Кöть ошйысьнысö торъя нинöмöн. Некодыслöн двореч ни джуджыд мышка креслö абу. Сöмын дзоля удждонысь йирысь гöтыръяс да лов-мöд челядьöн, кодъяслы сійö жö удждоныс муртса тырмö рушку тыртыштны да сітан сайöдыштны.

Но паныдасясны да ёна öта-мöдсö лыбзьöдласны. Иван ошйысьö дачаöн да голякылысь «Запорожецнас». Володь – кыйöм-виöмöн да пыж-моторнас. А мый сэсся мужикъяслы колö? Кöть торйöдчасны да вежалыштасны öта-мöдыслы, а юигас кыкнанныс озырöсь да пелькöсь: чиганлы вöв пыдди карнан вузалöны, ки пöвнас керкаяс разьöны да тшупöны. Век нин кокньöдыштлö лов вылад. Да и казьтывлантор кольö.

Ньöбис Володь лавкаысь еджыд доз да пиво гоз. Весиг та понда автобусö эз пуксьы, подöн муніс кар джынсö. Кузь каблукъяснад асфальт дітшкöдöмысь кокчöръяс лыжалісны. Лифтö пыригöн нин думыштіс, мый Иван вермас не веськавны гортас гожъя луннад. Иван вöлі гортас. «О-о! Володь, друг!» – «Иван! Сё во...!» Тапкöдчыштісны, сувйыштісны öта-мöдöс бокъясас да, Иван нуöдіс Володьöс веськыда кухняас.

Пызан вылын – восьса коньяк доз. Улас – ещö доз-мöд тыртöм. Помъясöн тырöм клеёнка вылын – чегъялöм нянь тупöсь, гырыся вундалöм калбас, кык чусмöм стöкан да чабралöм газетъяс. Иванлöн чужöмыс пызанвывса газетъяс кодьыс жö нямрасьöм. Тöдчö: сьöлöмсяньыс нин юöма. Володьлы весиг юасьны эз ков, кыдз другыс олö. «Медся бура!» – равöстіс эськö Иван.

Пуксисны. Иван перйис выль стöкан, кисьтіс аслыс да Володьлы джынйöн. «Но, юам!» –

«Гöтырыд нö?» – «Курорталö челядькöд». – «А-а, сійöн и красуйтчан?» – «Хе-хе, мöд лун на. Войдöрлун колльöді. Рытнас гажтöм лоис да, суседöс кори. Тöрыт сыкöд жö пукалім».

Бырöдісны коньяктö. Володь лэптіс ассьыс вайöмсö. Иван öтарö нимкодясис: «Но, молодеч! Кöть волынысö гöгöрвоöмыд». – «Да ме важöн нин кöсъя вöлі. Вай, меся, шыбита ставсö да ветла Иван дорö. Гöтырлы сідз и шуа век: меся, турун пуктытöдз Иван дорö ветла». – «Важöн нин колö вöлі. Дача вылö нуöдла. Овмöсöс петкöдла. Эн на öд аддзывлы?» – «Дась волöмöн видзöдла нин колкозтö».

Ветлісны содтысьны. Володьлöн кыввор воссьыны кутіс. «Ок эськö, Вань, бура пукалам, но бабаястöгыд гажтöм». – «Володь! Бабаястö? Кöть дасöс вайöда. Да вайöдöм оз ков: чукöста кö, керкаын бергöдчыны некöн лоö». – «Тайö тэ, Иван, содтыштін жö эськö да». – «Неуна, дерт, содтышті. Мый миянлы сы мындасьыс? Кыкыс тырмас». Володьлы эз вöв окота петны некытчö керкаысь, и бабаяс эз торъя ковны, но сылöн шмоньсорöн шуöм кывъясыс ыззьöдісны Иванöс: «Друг мортлы, да мед баба эг корсь? Лок, ветлам». – «Кытчö?» – «Öтилаö».

Петісны ывлаö. Иван мунігмозыс ньöбис коньяк, розаяс. «Карсаыд тöдчö, – думыштіс Володь. – Мен кö, матере дай розаясыс, сы пыдди эськö ещö доз босьтім». Иван пыртіс Володьöс кутшöмкö вит судтаа керкаö. Вель дыр звöнитчис сьöд клеёнкаöн эжöм öдзöсö. Некод шы эз сет. «Хм. Абу гортас. Ветлам мöдлаö». Но и мöдлаас абу жö вöлöм туйсö лöз нойöн вольсалöма. Иван зумыштчис. Володь кутіс нуöдчыны: «Ладнö, абуöсь кö и абуöсь. Мунам, тэ дорын пукалыштам». Иванлöн быттьö ылöдлöма другсö лоис, да пыксис: «Заводитім да корсям нин».

Сöмын рытгорув мудз да пöшти палялöм (кöть и содтысьыштлісны пöлысь-мöдысь) другъяс воисны öткöн сулалысь пу керка дорö. «Тані менам важ пöдруга олö, – шешмуніс Иван. – Пукалыштам, юыштам, да ме муна, ог кут гартласьны». Звöнокö кузя личкис, бергöдчис Володьлань: «Сöмын эн повзьы, абу дзик тыр сюсь бабаыс». Дзуркнитіс öдзöс. Кодкö петіс посводзö. «Коді сэн?» – «Ме, Иван». – «Ваня», – пыдісянь лолыштісны öдзöс сайын эскытöг. «Ме, ме», – серöктыштіс Иван. Тэрмасьöмöн сяркнитіс ключ. Иван киняувті Володь аддзис неыджыд тушаа пелькиник нылöс. Тшук Володьысь ыджыдджык. «Ванечка!» – уськöдчис нылыс Иванлы сьывъяс. «Энлы, энлы, – серöктыштіс Иван. – Ме абу öтнам. То менам дзолядырся друг, Володь». Мынтöдчис нывлöн азым киясысь да содтіс: «Öтлаын сиктса бус куртлім. А помнитан, Володь, Домна... Но-о! Кыкнан кок вылас тай чотö вöлі... Коркö чипöс саяс кыйöдчöма: тшалакöн сизьдыштіс балябöжö, чипанъяссö котрöдлöмысь». – «Помнита, – нюмсермуніс и Володь, – сылысь войнас сэсся изйöн öшиньяссö пасьйим». – «Дерт, йöйöсь вöлім. Мый дон öтка пöчöыслы öшинь тэчöмыс сувтіс». – «Да-а, Митипер-суседыс эз öти лун сылысь винасö сысъяв».

Тайö сёрни-басниöн пырисны керкаö. Ныв, стöчджыка кö, ар 25-яса нывбаба, нуöдіс кухняö да лöньöдыштіс другъясöс: «Ш-ш-ш, Ванюшöс садьмöданныд». Иван серöктіс: «Ванюш?» «Да. Бать сертиыс нимті, – нывлöн синъясыс кыдзкö жугыля и долыда öтпырйö югнитісны. – Тэ кöть тöдмöдін миянöс, Иван». «Ме жö шулі нин: тайö – Володь». «Марина», – нывбаба нюжöдіс тшöтшыд чуньяса гöгрöс кисö. «Володь». И Марина пыр жö вунöдіс Володь йылысь, бергöдчис Иванлань: «Мый сэтшöм дыр эн волы? Кыдз нин олан?» – «Кыдз аддзан: красуйтча». Марина ышловзис да бара нюммуныштіс шкаплань стопкаясла бергöдчигмоз. «Кымын арöс пиыдлы?» – юаліс Володь, мед кыдзкö тыртны сёрниын лоöм костсö. «Вит кö-а?» – юалана видзöдліс Марина вылö Иван. «Нёль». Сёрни сэсся эз и артмы. Володь эськö босьтчывліс сяркöдны анек-

дотъяс. Но сералісны сідз-тадз, эз сьölömсянь. Марина синсö эз лэдзлы Иван вылысь. Иван мыйлакö педзис.

Асъядор Марина муніс мужикъяслы джоджö вольсасьны. Иван мигнитіс Володьлы, довкнитіс юрнас жырлань: «Но мый пö, шогмö-оз?» Володь кыпödыштліс пельпомъяссö: «Тэнад делö». Мариналöн вольсассис. Пырис кухняö: «Иван, ме тіянлы вольсалі». Володь вылö бара эз видзödлы, но сылы эз нин парскы. Радейтö нылыс, век на лача кутö. А Иванлы вölöмаödзöс восьтылöм кодь. Эк-ма, олöм! И друг Володь гögörвоис: муса сылы Маринаыс. Жаль и муса. И яндзим лои Иван понда.

Иван лэччысис ёна код улö да водіс. Марина пукаліс. Виччысис Володьлысь водöм. А гашкö, и мунömсö. «Быттьö öшкасьны вайödіс. Абу лöсьыд», – думыштіс Володь, но чеччöм пыдди небыдика кутыштіс Маринаöс пельпомödыс. Мödыс эз петитчы, нёровтчис сы дорö. Тіралö. Мужикъясысь тшыгъялöма, тыдалö. Кузя окыштчисны. Вывті кузя. Володьлöн сьölömыс чеччис. Пödіс лолыс. Нывбабалöн яйыс сыркъяліс. Сылöн сьölöм зутшкömысь пельяс чуналісны.

Мырдönмоз орödчис Маринаысь Володь, вешйыштіс öшиньлань, видзödліс югдысь ывлаö, пестіс куритчан. Куритчан чеччаліс тіралысь чуньяс костын. Марина чöла сувтіс орччöн. Володь чунь соттödз кыскыштіс чигаркасö, кусödіс пöим дозйö да вölисти бергödчис сылань: «Но мый, мödödча, наверно...» – «Кольччы. Кытчö войнас?..» – «Ог. Менам велавсьöма гортын узьлыны...» – «Ачыд тödан...» – «Ме доз джынсö босьта. Висьтав Иванысли, кор садьмас». Малыштіс кагаöс моз Маринаöс юрödыс, петіс.

Велавтögыд ödва аддзис автопавильонлань петан туйсö. Пуксис павильондорса лабичö. Юыштіс штоп голяпомысь. Шевкнитіс лабич мышкö киясcö.

Асыввысянь кыпödчис шонді. Сявкнитіс югörъяссö зарни ордымъясöн кык керка костті. Ордымъяс пölöн кузя нюжödчисны вуджörъяс. Сильöбтіс медводдза лэбач.

Володь читкыртчыштіс шонділань да нюммуніс.

Луныс пестысис мича.

Аддзысьлöм

Лена виччысис мужикыскöд автобус. Автобусыс дыр эз лок, да нывбаба вешйыштіс дзörъялыштны орчча ларёкъяс дорö. Вась кольччис. Лена шливкнитіс синнас тöваръяс кузя. Нинöм торъя бурсö эз аддзы да мödödчис бöр.

Друг водзвылас быйкнитіс мужик. Киясcö паськödöма. Жеръялö паськыд вомнас. Öтка-öтка пиньяс чурвидзöны: кодкö аслас, кодкö кöрт. Нывбаба вешйыштіс öтарö, мödарö, но мужик бара потшис туйсö. Кöсйис нин горödны Васьлы, но мужик шыасис: «Эн ömöй тöд, Лена?!» Нывбаба сюся видзödліс сы вылö.

Читкыр синъясыс быттьö тödсаöсь. Чукрасьöм дöрöм-гачыс важöн нин абу исыштлöма васö, а тшötьöсь чужömыс – коса йыв. Вылыс льöбйыс вöйöма кисьöм пиньяс весьтас. Чужömыс нёптовтчöма. Син гуранъяс улын – нопъяс. Чуньяс – лöз «чунькытшъясаöсь». Видзödнысö ар нелямын.

«Эн тöд? – бара юаліс мужичöй. – Ме жö Сергей». Нюмыс вошліс, сэсся лои мыжа мортлöн кодь. Быттьö ылödömаöсь. Леналы тöд вылас уси пелькиник вöраса, быд кывйысь пель йылödзыс гördödысь зонка: «Сергей?! Тэ ömöй?» Эз веритсьы Леналы. Ёна нин торъяліс сійö зонсьыс тайö мужикыс. «Но, тödін жö сэсся», – личаліс серамöн мödыс.

Во дас сайын, велӧдчигас на юкис Лена ӧти комната кык нывкӧд. Сергей на дорӧ тшӧкыда пыравліс. Эз торъя код вылӧ кӧ видзӧдась, а сідз, кад коллявны. Пуксьывліс пельӧсӧ, триньӧдчис гитараӧн. Коркӧ и дозйӧн воліс, но ачыс уна эз юлы.

Нывъяс велалісны сы дорӧ, лыддисны ас мортӧн. Дерт, юалісны кӧ, кытысь зонмыс, вочавидзны нывъяс эськӧ эз вермыны. Кор да кыдз тӧдмасисны, кор медводдзаысь пуксис комната пельӧсӧ гитараӧн, эз нин помнитны. Волывлӧ и волывлӧ. Оз матькы, кок улын оз гартлась, некод дорӧ оз пысась. Да и лавкаӧ эм кодӧс ыстывлыны, кор аслыд дыш пасьтасьны. Висьтавліс: уджалӧ кӧнкӧ, олӧ висьысь мамкӧд, гӧтрасьны-котрасьны том на. А мый сэсся нывъяслы колӧ тӧдны том морт йылысь?

Ӧтчыд сӧмын асьсӧ тешкодя петкӧдліс. Дыр сы бӧрын нывъяс серавлісны-казьтывлісны. Пырис коркӧ Сергей на дорӧ. Гажа неуна. Вайис магнетофон да кык гӧрд доз. Дозъяс – пызан вылӧ, маг – ӧшинь вылӧ: «Гуляйтам, нывъяс. Талун менам праздник». Горасьыс-гораа включитіс магсӧ, тумбочкаысь лэптіс стӧканъяс, абутӧм буссӧ на пытшкысь пӧльыштіс, кисьталіс. А нывъяс книга-тетрадьӧ сатшкысьӧмаӧсь. Экзамен матыстчӧ. Лена чеччис, чинтіс эралысь агрегатсӧ. Сергей бӧр горзьӧдіс. Лена бара чинтіс. Зон дузмуніс: «Музыкаыс оз кажитчы?!» Нывъяс весиг ыкӧстны эз удитны: шургис-шыбитіс магсӧ ӧшинь сайӧ. Недыр пукалыштіс чӧв. Жаль, буракӧ, лоӧма. Лэччывліс да катӧдіс бӧр. Дыр зунясис-вӧчис. Видліс: уджалӧ, кӧть корпусыс пасьмунӧма. Босьтіс киняулас и муніс. Кольӧм винасӧ юисны экзамен бӧрын. Сергейтӧг. Сійӧ сэсся эз нин волы. Лӧгасис, а гашкӧ и, яндзим лои.

Лена сулаліс. Эз тӧд, мый йылысь сёрнитнысӧ. И Сергей чӧв оліс. Лена шыасис водзджык: «Но, кыдз олан?» Аслыс эз лӧсьыд ло, быттьӧ ковтӧмтор шуис. Сергей шешмуніс пиньтӧм вомнас: «Ачыд аддзан: ставсьыс бура». – «Гӧтыра?– «Том на, мам оз лэдз, – бара шешмуніс мӧдыс да кутшӧмкӧ гуся лачаӧн юаліс. – А тэ? Верӧс сайын?» – «Да. То мужикӧй сулалӧ». – «Эсійӧ?» – синбӧжаліс Сергей. «Да». – «Челядь, кӧнкӧ, эм?» – «Пи. Нёль арӧса». Сергей серӧктыштіс: «Абу бара менӧ виччысьӧмыд...» – «Мый нӧ сэки нинӧм эн шу? Пышйин», – нюмъёвтіс Лена бокӧ видзӧдӧмӧн. Чӧв усины бара.

Котӧрӧн матыстчис Вась: «Он ӧмӧй аддзы?! Автобусыс регыд вӧрзяс...» Босьтіс ки пӧлӧдыс, гогнитіс Сергейлань юрнас: «А талы мый колӧ?» – «Тайӧ...» – «Но мунам. Некор», – орӧдіс Вась да кыскыштіс гӧтырсӧ. Лена довкнитыштіс Сергейлы да вӧтчис Вась бӧрся. Тӧвру Сергейӧдз шыбитіс Васьлысь кывъяссӧ: «Мый нӧ бичыс доз вылӧ корис али мый?»

Автобус ӧшиньӧд мыччысьліс ещӧ ӧтчыд Леналӧн мыгӧрыс. Сійӧс сайӧдіс мужикыслӧн руд курткаыс. Сергей карскӧбтіс, кракольӧн сьӧлыштіс кок улас да сӧдзӧдіс: «Быч-чара...»

Орччӧн мунысь дядьӧ бергӧдчывліс сылань зумыша. Гӧгӧрвоис: эз сылы шуны, да муніс аслас туйӧд.

Пышъялысь

Вась Миколай вӧрысь локтӧмсянь коймӧд лун ветлӧдліс зумыш. Киас некутшӧм удж эз ӧшйы. Весиг гӧтырӧн ломтӧм жар пывсяныс эз отсав: Миколай дышпырысь шлуп-шлапкерис корӧсьӧн, эз весиг мыссьы, киськасис да петіс пӧварняӧ. Дыр пукаліс юрсӧ лэдзӧмӧн. Мыш кузяыс йирмӧг визлавны кутіс да, вӧлисти гӧгӧрвоис пась-

тасьны. Гортас кайис пывсянсьыс. Юрсисö эз сынышт ни кичышкöдсö пельпом вывсьыс тувйö эз öшöд, сідз и пуксис пызан сайö: «Вай послебаннöйсö». Гöтыр, кыв ни джын, вайис еджыд доз. Мöдöс на Миколай корис да юис. Чöла, стöкан бöрся стöкан. Петіс ывлаö куритчыны. Гöтыр видзöдіс мужикыслöн син гöгöрса лöзъяс вылас, но нинöм эз юась: письтас коркö да, ачыс висьтасяс. Комын во öтлаад олігöн сёрни оз ков, сідз гöгöрвоан. Вась Миколай матö кызь вит во прöмысловикöн. Вöрад быдторйыс овлö. Тшöкыдджыка волывліс мудз, да пывсян бöрын варовмывліс, небзьывліс. Воліс и скöрöн, кор мыйкö эз артмывлы. Но татшöмнас гежöда Маколайсö бабаыс аддзывліс.

Тöлысь эз волы гортас Вась Миколай, тöв кежлö лöсьöдчис. Неыджыд Косьтан ю пöлöн сылöн сулаліс куим керка. Колö вöлі быд керкаö разöдны припасъяс: шыдöс, сукар, пуля-порок, кос яй да картупель. Сэсся горув керка дорас выль пывсян лэптіс. Лым пиад собалöмъяс бöрад добра! – пывсяныд. Ещö öтчыд шуис Миколай кайлыны вылыс керкаöдз, нуны öттор-мöдтор. Шонді петтöдз на чеччис, пузьöдіс тшай, паньыштіс тöрытъя юква коляс, чукöстіс понсö, нопъясис да петіс туйö.

Вирсов бура тöдіс вöрсö. Унаысь таладорын вöравліс, чери кыйны катліс Косьтан да Вуква юяс кузя. Весиг вит во Кöзяин вылö уджалöм абу вуштöма паметьсьыс тöдса пасъяссö да ордымъяссö. Йöйталіс, дерт. Эз ков тадзи вöчнысö. Но öні сёр нин. Мый лоны – лои. Сöмын ментъяслы оз ков сетчыны. Öні ловйöн кö сюран, став лöгсö сы вылö койыштасны, ассьыныс узьтöм войяссö, и зыртöм кокъяссö, и полöмсö казьтыштасны. Колö жö вöлі тайö старукасö тотшкыны. И босьтнысö öд пöрысь вижляыслöн нинöм эз вöв. Вина чекушка да тубрасын кызь шайт. Но, тыдалö, вöляыс да винаыс юрсö кольмöдісны. Гортöдзыс кö воис, гашкö и, сайкалыштіс. Гöтрасис эськö чигъя баба вылö. Но сконъясис. Гортас воис пышъялысьöн нин. Весиг мамсö эз аддзывлы, чуланысь босьтіс централка, перйис батьыс дзебасысь мелко, нопйö чöвтіс вит пачка патрон, пара нянь тупöсь, мешöк сакар, тувкнитіс дзоля воксö морöсас: «Тэ менö эн аддзывлы. Гöгöрвоин?» Мöдыс сöмын довкнитіс юрнас. Та дыра кежлö и воліс гортас Вирсов.

Воысь дыр нин дзебсясьö вöрын. Ментъяс эськö вöтлысьöны, но пармаыд паськыд. Öтчыд сöмын бöж вылас пуксьывлісны. Куимöн вöліны. Понъяöсь. Автоматъясаöсь. Муртса эз сюр сэки. Лэччис Вуква дорö. Мöдлапöлас вуграсис мужик. Джинсыа, прöстöй дöрöма. Дерт, абу татчöс мужикъяс кодь, но код тöдас, гашкö и, карса гöсьт отпускалö. Матыстчис Вирсов береглань, кöсйис нянь корыштны, но кустъяс пиысь ещö кыкöн петісны, понйöн. Казялöмаöсь. Горöдчисны. Вирсов шыбитчис вöрö. Гутшнитіс автомат. Выліті мунісны пуляясыс. «Повзьöдлöны на», – такöдыштіс асьсö Вирсов. Кайис яг нöрыс вылö да видзöдліс бöрлань. Пуяс костті лöсьыда тыдаліс, кыдз ментъяс вуджисны юсö, видз вылын шыбитчисны кыв-мöдöн да торйöдчисны. Шöрсаыс усьнитіс понсö. Вирсовлöн кöдзавліс морöспань улыс: «Понйыс кö суас, труба». Пон кайис ыджыда чеччалöмöн, дзик кöин кодь, сöмын гöныс пемыдджык. Вирсов уськöдчис нитш вылö, тэрмасьöмöн кыйис мелко стволнас пон мыгöрсö да небыдика личкыштіс спусковöй крючок вылас. Татшнитіс винтовка, сьöла моз шпоркнитіс пуля. Пон сангысис нырнас муö да куим-ö-нёльысь лявöстіс. «Эк! Раниті буракö сöмын. Но мед. Талöн ме бöрся вöтлыссис». Душ-мöдысь сяркнитіс на бöрас, но понтöг та пасьта вöрсьыд öти морттö öдвакö аддзан…

Тöвбыд Вирсов ветлöдліс вöр керкаясöд. Сёян тырмис. Вöралысьяслöн запасъяс вылын не öти мортлы позьö овны. Сюрліс лыйны и пöтка, весиг кодсюрöлы керкаас

на кольліс сёянсьыс вештысигмоз. Дерт, вермис кыйсьысь шöрö веськавны, но коді сійöс öні тöдас? Тош быдтіс, босьталіс öтилаысь да мöдлаысь шоныд паськöм, лызь. Оз кö земляк паныдась, век нин позяс ылалöм вöралысьöн висьтасьны. Сідз тöлыс и колис. Тулысланьыс кокньöдыштіс. Воис гожöм. Корсьöмысь, дерт, эз эновтчыны, но дышпырысь нин, кöнкö, корсьöны. Гожöм шöрланьыс Вирсов овмöдчис Сизим козъяö, век нин йöз син водзысь бокын. Вöчис землянка, гöгöрыс кодйис траншея да ячейкаяс. Армияыд тай мыйсюрö сетöма жö. Видлы öні босьтны!

Мöд луннас Вась Миколай воис вылыс керкаöдз рытгорув. Кодкö неважöн на волöма. Бипур бокын тушонка банкаяс тупляcьöны. Поварняысь бур моздор пес сотöмаöсь. «Роч, буракö, водзöстö абу гöгöрвоöма керавны». Керкаö пырис да, юрсиыс сувтіс: кодкö петкöдöма став припассö. Мешöк кос нянь, кос яй, кос картупель… Вась Миколай видзöдліс тыртöм джаджйö, пуксис лабич вылö да сьöдасьмöныс матькис. «Эмöсь жö кузь киа йöзыд. Да öд öнія кадö кос нянь он жö гусяв, сё едреналять?! Дзикöдз яндзимсö йöзыс воштöмаöсь!» Тшамъяыс кушмöма жö, но вöчны нинöм. Ломтіс пач, пуис шыд, сёйис, вердіс понсö да водіс узьны. Войнас садьмöдіс понлöн лёкысь увтöмыс. «Мый нö жангö!» – горöдыштіс керкасянь да петіс ывлаö.

Пон сулаліс керкасянь метра кызь ылнаын да камгис-увтіс вöрö, корсюрö эрышталöмöн. «Ош ли, морт ли», – бергöдчис Миколайлöн юрас. Котöрöн пыравліс керкаас, кыкнан стволас сюйис пуляа патрон, горöдіс пон увтанінлань: «Код машкадилö ветлö?!» Вöрсянь воча горöдісны: «Дыр узян, кöзяин!» «Мый он чукöстчы? Лыйи кö нö?» Миколай öлöдіс понсö. Пон лöнис, но дыр на мурöсталіс воысь морт вылö. Миколай лöдсаліс пачсö, шонтіс тшай да шыд. Эз юась нинöм воысь мортлысь, сöмын сюся синмаліс. Ковмас кö, висьтасяс. Морт висьтасьны эз тэрмась. Шуис сöмын, мый коксö мургыльтіс. Тошка. Няйтыс чужöм вылас тшупöда. Паськöмыс, буракö, вылас сісьмыны заводитöма. Абу кыйсьысь кодь. Вошöм мортöн он жö шу. Татшöм сувтса синматö кöть изъялöмöн ваö шыбит, шегсьыс пыдö оз вöй.

Шуйга кокыс вель ыджыда пыктöма. Миколай шонтіс ва, кыскыштіс кок лапасö воöм мортлысь, да майтöга ваöн зыралöм бöрын зэлыда тöбис важ дöрömöн. Гöсьт сёйис бурпöт да нюжöдчис нар вылö. Ёна мудзöма, весиг шкорöбтывлö. Зато Миколайлы эз узьсьы. Сійö дыр пукаліс пызан сайын, куритчис. «Вежаягысь кö Вирсовыс и эм-а. Во гöгöр кыйны оз вермыны. А сійö со мый вöчö, керкаяс ректö. Кöртавны колö да лэччöдны. Да öд ылын. Матайтчан». Узьысь мыйкö нурбыльтіс ун йывсьыс, шеныштіс кинас. Киыс öшöдчис нар вывсянь. Килутшас вит чут. Сой лыясыс вöсниöсь, ки мышкас лöзалöны сöнъясыс. Челядь. Он и чайт, мый татшöм киясöн позьö лёк вöчны. Но пöдтіс жальсö Миколай.

Асывводзнас садьмис Вирсов, кияссö песлалöмысь. Дыр эз вермы нинöм гöгöрвоны. Узьлытöм войяс да кык сутки чöж кокнас маитчöм бöрад ылöдлöма онялысь керкаыд, небзьöдöма лы-сьöмсö, ланьтöдöма полöмсö. Кöсйис мынтöдчыны Вирсов, но сёр нин. «Ок тэ, сука! – сöмын и артмис сылöн, – ме тэ дорö морт дорö моз, а тэ…!?» – «Морт дорö моз кö локтін, керкасö эн ректы». – «Ме ректі? Сöмын локті да!» – «Чеччы, эн тшöкöлдывайт». – «Ог. Тадз и кута куйлыны». – «Чеччы. Пезьгöда да, морт оз тöдлы». Ковмис Вирсовлы чеччыны. «Кöн пиштшальыд?» – «Ме ружьетöм» – «Эн ылöдлы. Висьталісны, кык стволöн пö ветлан». Ковмис петкöдлыны.

Миколай босьтіс вужля улö сюйыштöм мелко да двустволка, тасаліс керкасö, нопъясис да мöдöдчис горув керкалань. Кöрталöм кияснад да доймысь кокнад он öддзы. Ковмис лэччыны горув керкаöдз матö нёль сутки. Кадысь кадö Миколай разьлывліс

Вирсовлысь кияссö, мед вирыс оз сувт. Кык вой узисны ноддя бокын мыш на мыш, öти вой – шöр керкаын. Кодкö и сэн удитöма пакöститны: теш туйö сёянысь кольöма сöмын сов чуман. «Тайö, шу, абу жö тэнад уджыс?» – «Тэнад чöстуйö, меся, эг на волы да, курва!» – «Час, волам да, сэн петкöдласны, коді курваыс». Вирсов сöмын герчнитіс пиньнас.

Горув керка дорысь Вась Миколай виччысьтöг суис куим оперöс. Асывнас кöсйöны нин, вöлöм, водзö мунны. Миколайöс недыр юасисны, кыдз-мый пышъялысьöс кутöма, сэсся öти на пиысь, капитанöн висьтасис, тапкöдыштіс пельпомас: «Кыйсьысь вылö и звер локтö». Выль пывсянын бурпöт пывсьöм бöрын небзьöм-личöдчöм оперъяс кöзяинкöд сёр войöдз пукалісны пызан сайын, юисны сук тшай. Дзебасысь Вась Миколай перйис водкатор. Сюрис доз и гöсьтъяслöн. Ёнджыкасö Миколайкöд капитан сёрнитіс, ёртъясыс чöвджыкöсь вöлісны. «Но, öні виччысь, Николай Васильевич, медаль либö орден. Лазъяд кöть öні розьсö вöч. Ошъясыд асьныс кутасны чöстуй вылад лапаяссö лэптöмöн петны». – «Узьысьтö кöртавны – абу ыджыд геройство», – яндысьыштöмöн нурбыльтіс Миколай. Эз быттьö лöсьыд вöв Вирсов водзын. Выль кытш вöчигöн, кöзяин кисьтіс кружка пыдöсö водка да сетіс пышъялысьлы. «Эн сет, аслыным этша, а жуликöс юкталан», – öлöдіс капитан. «Мед пывсян бöрас юыштас. Сэсся, гашкö, мый дыра оз видлы». Вирсов юис, исыштіс кабырсö да сöдзöдіс: «Мый? Сöвесьтыд йирö? Пета да, аддзысьлам на». Миколайлы парскисны пышъялысьлöн кывъясыс: «Мортлы моз вина кисьті, а ещö и грöзитчö. Аттьö шу, мый керкаясöс ректöмсьыд плешкад пуляöн эг дзенгы». – «Кутшöм керкаяс ректіс?» – «Вылыс керкаясысь став тöвся припассö петкöдöма кушöдз». – «Вöр керкаяссьыд шуан?» – «Да. Арбыд катлі, верма ли, ог ли». – «Сійöс öд ми петкöдлім». Миколай гöгöрвöтöма видзöдліс оперъяс вылö: «Кыдзи ті?» – «А сідзи. Мед этайö жуликыс эз тшöгöдчы». – «Ті?.. Ме арбыд катлі... Вермытöм кокöн...» – некыдз на эз вермы гöгöрвоны Миколай. «Хе-хе-хе, тэ öд пара йöра уськöдан да, бара на припасыд лоö», – не кадö шмонитіс гажмыштöм капитан. Вась Миколай кыпöдчывліс, сэсся сьöкыда бöр пуксис лабич вылö да лöня шуис: «Петöй керкасьыс, мед дукныд тані эз вöв». – «Пывсян бöрын öд он жö ывлаö вöтлы», – век на шмоньвыв вуджöдны зілис капитан. Вась Миколай шуркнитіс пызан вылысь вина кружкасö капитанлы чужöмас да равöстіс: «Шеть татысь, мися!!!»

Капитан вувтіс Миколай вылö. Оперъяс уськöдчисны дорйысьны. А Вирсов пукаліс нар вылын, пыді пельöсын да вак-вакöн сераліс. А мый ещö колис сылы вöчны?

Дарья Филитова

Филитова Дарья Андреевна, *поэт. Родилась 17 октября 2000 года, с 2006 года проживает в городе Усинске. Творческой деятельностью занимается с 2012 года. В этом же году стала участницей литературного объединения «Северная Лира». Была отмечена в республиканском конкурсе "Новые Имена"; получила премию главы города "Успех" в номинации "Проба Пера"; печаталась в альманахах "Белый Бор" и «Перекличка», журнале «Литературная гостиная»; регулярно печатается в литературной газете «Морошка», периодически в газетах «Наш Новый Север» и «Усинская Новь»; была участницей республиканского литературного семинара в 2015 году и участницей республиканского литературного марафона в 2016 году; участвует в различных интернет-конкурсах.*

«Все тропинки ведут домой...»

Она писала странные песни
И танцевала странные танцы.
Чудаковатая, если честно!
Могла часами учить испанский,
Читать взахлёб старинные книги…
И просто так могла рассмеяться.
Она любила от солнца блики,
Что на стекле оконном искрятся.
Ещё хотелось иметь ей крылья,
Дом, раскрашенный в яркие краски.
Она чихала от всякой пыли
И долгие годы верила в сказки…
…Теперь в совершенстве знаешь испанский,
Но равнодушна к оконным бликам.
Уже не любишь смешные танцы
И приключенья в старинных книгах.
Предел мечтаний – безликий офис
И строгий взгляд на лице неброском.
А в папках – файлы с пометкой «опись»…
В какой момент ты стала взрослой?..

Цветок

Однажды прекрасной весенней порою
Цветок, что питался холодной водою
И рос на окошке четвёртого дома,
Был скинут с балкона.
В окошке ругались, визжали, кричали,
Потом грохотали… И вдруг замолчали.
Цветок, кучей грязного снега спасённый,
Лежал удивлённый.
Но поднят был мимо бредущим ребёнком,
Который помчался и быстро, и громко
В квартиру четыре четвёртого дома –
Квартиру погрома. Потом были ахи, и ойки, и охи,
«Большое спасибо!» и прочие вздохи.
Ребёнку отдали за помощь за эту
Большую конфету.
Вприпрыжку помчался ребёнок обратно,
Ему за поступок свой было приятно.
Цветок же, опять на окно возвращённый,
Стоял удивлённый.
Он думал о людях, конечно же, славных,
Но часто смешных, непохожих и странных…
И думал о том, что растенья людей,
Конечно, умней!

* * *

Рассвет. Колышется лес навесом.
Дорога тянется, как змея.
Я бестолковый поэт-повеса.
Привет, мой север, встречай меня!
Горят верхушки смолистых сосен,
И небо – будто морской прибой.
Всегда бывает: кого не спросишь,
А все тропинки ведут домой.
И оживаешь, и ждёшь, и веришь,
И вид знакомый волнует кровь –
На свете нет ничего роднее,
Не место это – приют, любовь.
Мелькают тени – седые горы,
Огни заправок, домов, квартир...
Случайный кофе. Случайный город.
Случайный, странный, прекрасный мир.

Мой домишко

Мой домишко, пропахший травами,
Кривоват, но какой уж есть.
Его брёвна не скажешь – старые,
Но вот лет им – не перечесть.
Дым над домиком коромыслами,
Зыбким жаром пылает печь.
А забор-то ну всеми смыслами
Норовит всё на землю лечь.
Окружённый тайгою синею,
С низким небом ведущий пляс,
Мой домишко с полами пыльными
В моём сердце совсем увяз.
Не нужны мне дворцы точённые,
Не нужны мне особняки.
Мне бы солнышко золочённое,
Серебристой кусок реки,
Мне бы ёлок вокруг с берёзами,
Мне б родной до костей простор
Со свободой и снами-грёзами,
Что приплыли с далёких гор…
Я взойду на крылечко красное,
Справа – веничек и совок.
Всё ненужное, всё напрасное
Выметаю я за порог.
Нестерпимо запахло клевером,
Зверобоем – от всяких бед.
И домишка под небом северным
Мне милее на свете нет.

Кошка

Кошка пахнет батареей.
Значит, дали отопленье.
Я мечтаю: «Поскорей бы
Привалило мне везенье!»
Я мечтаю, чтоб в оконце
Залетела счастья крошка...
А пока что вместо солнца
Батареей пахнет кошка.

* * *

Ночь в небосвод из своей коробки
Звёздную кинет горсть –
Вновь постучит в мои двери громко
Мой полуночный гость.

Быстро и цепко окинет взглядом,
В угол поставит трость...
Сядет поближе, со мною рядом
Мой необычный гость.

Ритмы, стихи, и слова, и песни –
Нужно, но как-то вскользь.
Скоро исчезнет, к утру исчезнет
Мой синеглазый гость.

Взгляд его ясный меня встревожил,
Будто пронзил насквозь.
Тоже без этих ночей не можешь,
Мой ненаглядный гость?

Вновь охватило меня сомненье –
Вместе мы или врозь?
Станешь ли ты моим вдохновеньем,
Мой долгожданный гость?

Тайга

В сердце отпечаталась тайга
Будто на кусочке мокрой глины,
Веточками сосен обвила,
Радостной тоской внутри заныла
Там, где в синем мареве, вдали,
Лес соприкоснулся с облаками...
Будто ты на краешке земли
Обнимаешь этот мир руками.
Кажутся бессвязными слова
В этом месте, где душа беспечна.
В сердце отпечаталась тайга.
Глубоко и прочно.
И навечно.

* * *

Лиса-лисица,
Тебе не спится?
Огненные пряди
В твоём взгляде,
Как зарницы.
Снег кружится,
На землю ложится.
Лишь ты – как всполох
Сквозь зимний ворох
Того, что мнится.
Над снегом – звёзды,
Под ним – морозы
И травы дремлют
И греют землю.
А ты... замёрзла?
Уже темнеет.
Скорей, скорее
Ныряй мне в сердце,
Чтоб в нём согреться.
Теперь теплее?

* * *

В маленькой медной турке бормочет кофе,
Вечер клубится, шарится за окном.
Чудятся мне тоскливые ветра вздохи…
Или же я забыла закрыть балкон?
Тихо на кухне. И темновато, впрочем.
Но на плите конфорка ещё горит.
Только в такие моменты я – «одиночка»,
«Книжная девочка», та, что при свете спит.
А на стене причудливо пляшут тени,
Не разглядеть их темно-слепой узор.
Медленно-медленно тянется в кухне время,
Дремлет в буфете звякающий фарфор…
Странно смотреть на то, что обычно скрыто.
Вечер честнее – как пред собой солгать?
Днём – мир обнять, понять, осветить улыбкой,
Вечером – снова в душу свою сбегать.

* * *

Под осенним одеялом
Спит котёнок рыжий-рыжий.
И колышется устало
Ветер под покатой крышей.
А коту тепло, уютно,
Светит солнце в рыжем взгляде.
В нём последние минуты
Догорают лета пряди.
И, зарывшись в листья клёна
И посапывая слабо,
Спит осенний тот котёнок,
Нос свой закрывая лапой...

* * *

Мы не всегда уходим вместе.
И не всегда одной дорогой.
Зови – дыханьем, криком, песней,
Но – оставайся у порога.
Пусть будет горько в той разлуке!
И никуда нельзя ведь деться:
Разлуки ледяные руки
На части рвут живое сердце.
Живи – под солнцем или снегом.
Сдержи печаль. Уход – не точка.
Горит фиалковое небо
В груди горячим огонёчком,
Воспоминаньем и предвестьем,
Даря надежду, веру, смелость…
Мы не всегда уходим вместе,
Как бы того нам ни хотелось.

АРТ-АРХИВ

К 100-летию Русской революции

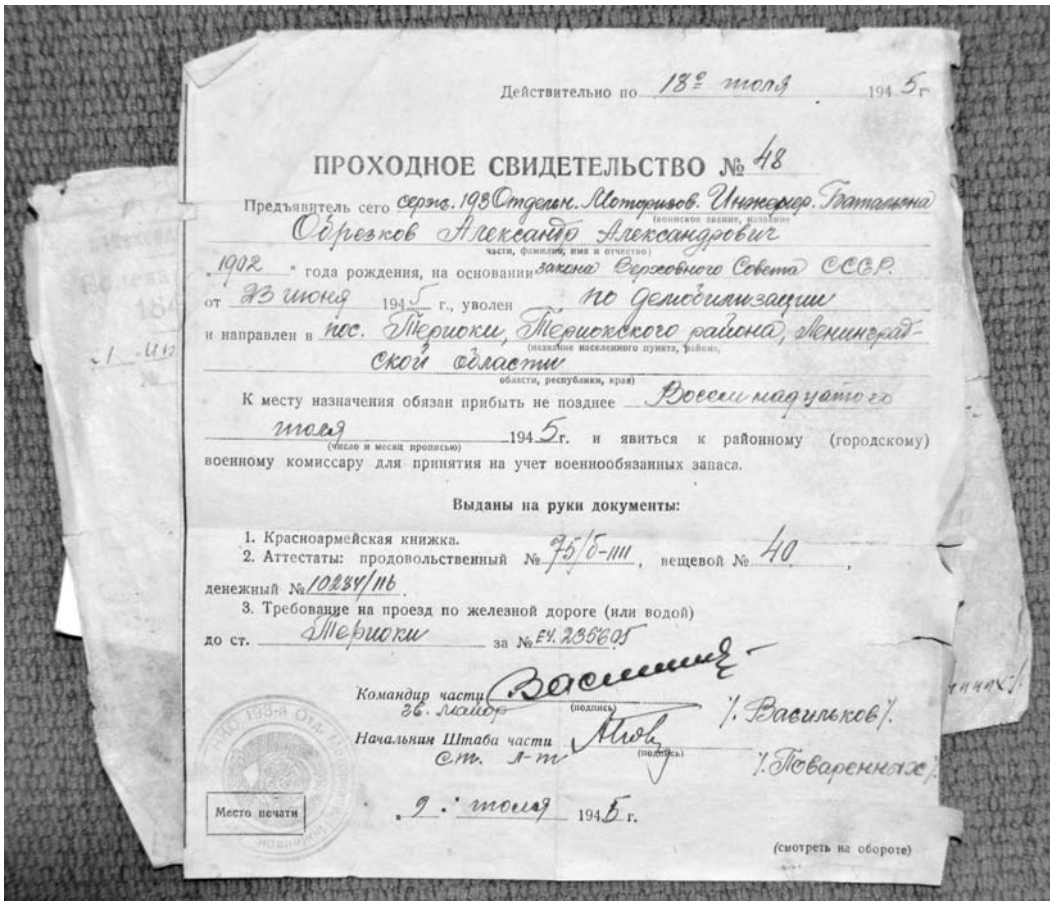
Дневники революции

Встретились шашки подобьем креста,
Оба дрались за родные места,
И кто-то, невидимый всем, с высоты –
То пирамидки ронял, то кресты...

Дмитрий Фролов

Пожалуй, никакое другое событие в истории России не оценивается столь неоднозначно, как Русская революция 1917 года. В идеологии Советского Союза она называлась Великой Октябрьской социалистической, её значение приравнивалось к мифологическим событиям сотворения мира, начала новых времён. Культ революции поддерживался серией рассказов о вождях революции, о героях гражданской войны, ежегодными торжественными манифестациями в день революции – 7 ноября по новому стилю. В постсоветской России, с начала девяностых, революцию стали называть не иначе, как «государственным переворотом», и сразу же возник вечный русский вопрос: «Кто виноват?». На этот вопрос уже на сегодняшний день дано не меньше ответов, чем написано книг о революции в Советском Союзе. Так что же такое революция – трагедия русского народа, неудачный социальный эксперимент или же воля самого народа? В чём смысл революции? Вот что пишет знаменитый русский философ с зырянскими корнями Василий Налимов – видевший революцию воочию: «Революция – это порыв народной страсти, безудержной, раскованной, жестокой. Революция – это жажда нового, ещё никогда не бывалого. В революции романтика разрушения: вера в то, что дух разрушения становится духом созидающим. Но разрушению ветхого, всегда есть сопротивление. И смыслы – смыслы нового, ожесточаясь, начали жаждать крови...». Порыв народной страсти... Революцию не объяснить желанием кучки заговорщиков сместить власть. Эта самая «жажда нового» охватила народы всех уголков необъятной Российской империи – и сегодня в нашей стране нет семьи, в которой кто-либо из предков не участвовал бы в революции – на той или другой стороне. Что ими двигало? Есть объяснения историков – это попытка объективного взгляда на события, изложение фактов, статистические данные, интерпретация. Интерпретация может быть разной – в зависимости от той точки зрения, которой придерживается автор. Но всегда есть желание взглянуть на историю глазами людей того времени.

Мы представляем читателю дневниковые записи двух совершенно разных человек – семнадцатилетнего коми юноши Саши Обрезкова (он называет себя Шуриком) и профессионального русского революционера Николая Зыкова, сосланного в 1907 году в ижемское с. Мохча и здесь встретившего революцию 1917 года. По-разному сложились судьбы двух этих совершенно разных, но похожих по внутреннему складу и по своим убеждениям людей. Саша Обрезков прожил долгую и, наверно, нелёгкую жизнь. Он воевал на стороне красных в гражданскую, участвовал в коллективизации, воевал в Отечественной войне, работал председателем колхоза «Красный боец» в д. Макарыб на Удоре. Дневник его был найден случайно. Год тому назад, житель пос. Краснозатонский Олег Черноус приехал в Макарыб навестить родственников. Помогая дяде разбирать старый, полусгнивший амбар, он наткнулся на деревянную коробку, в которой лежало несколько тетрадей. Одна из них, самая верхняя, оказалась целой, остальные уже превратились в труху. Там же были и документы на имя Александра Александровича Обрезкова – автора этих записей. Записи описывают события 1919 года с 17 сентября по 22 ноября. Неизвестно, на чём первоначально они



Действительно по 18-е июля 1945 г.

ПРОХОДНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО № 48

Предъявитель сего серж. 198 Отдельн. Моторизов. Инженер. Батальона (воинское звание, наименование части, фамилия, имя и отчество) Обрезков Александр Александрович

1902 года рождения, на основании закона Верховного Совета СССР

от 23 июня 1945 г., уволен по демобилизации

и направлен в пос. Шерюки, Шерюкского района, Ленинградской области (название населенного пункта, района, области, республики, края)

К месту назначения обязан прибыть не позднее восемнадцатого июля 1945 г. (число и месяц прописью) и явиться к районному (городскому) военному комиссару для принятия на учет военнообязанных запаса.

Выданы на руки документы:

1. Красноармейская книжка.
2. Аттестаты: продовольственный № 75/б-III, вещевой № 40, денежный № 10234/пб.
3. Требование на проезд по железной дороге (или водой) до ст. Шерюки за № Е4. 235605

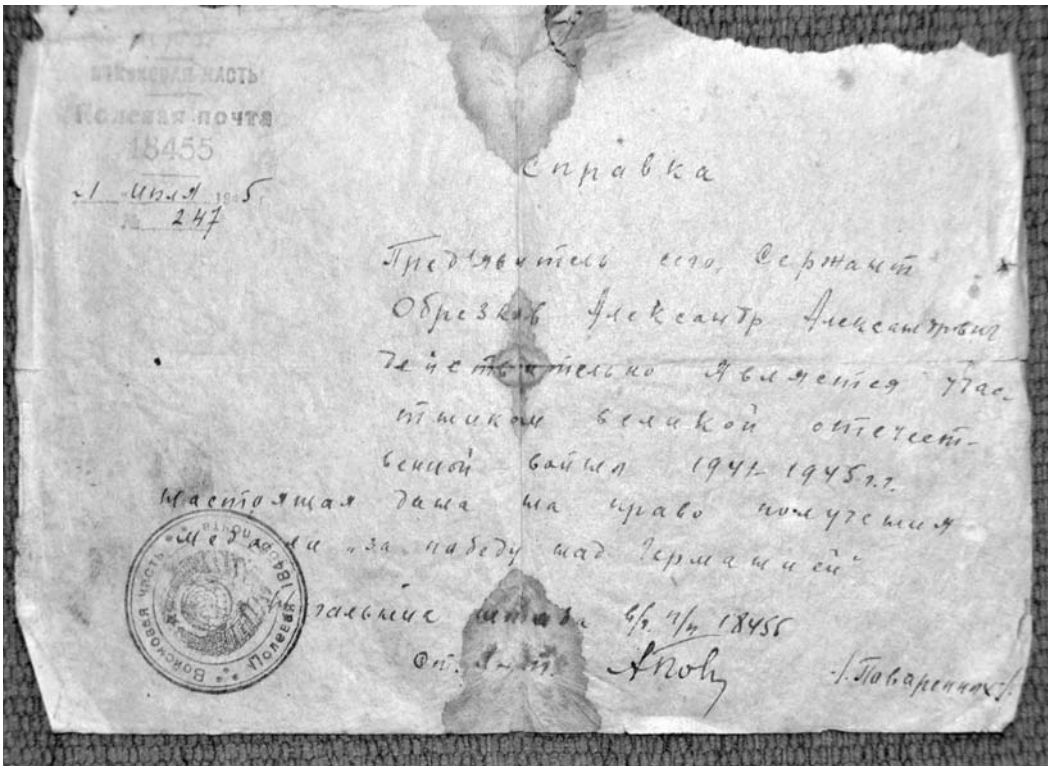
Командир части гв. майор (подпись) /Васильков/

Начальник Штаба части ст. л-т (подпись) /Товаренков/

Место печати

9 июля 1945 г.

(смотреть на обороте)


Войсковая часть
Полевая почта
18455
21 июля 1945 г.
№ 247

Справка

Предъявитель его, Сержант Обрезков Александр Александрович действительно является участником великой отечественной войны 1941-1945 г.г.

Настоящая дана на право получения медали „За победу над Германией"

Начальник штаба в/ч п/п 18455

Оп. 1945 г.

Поваренков

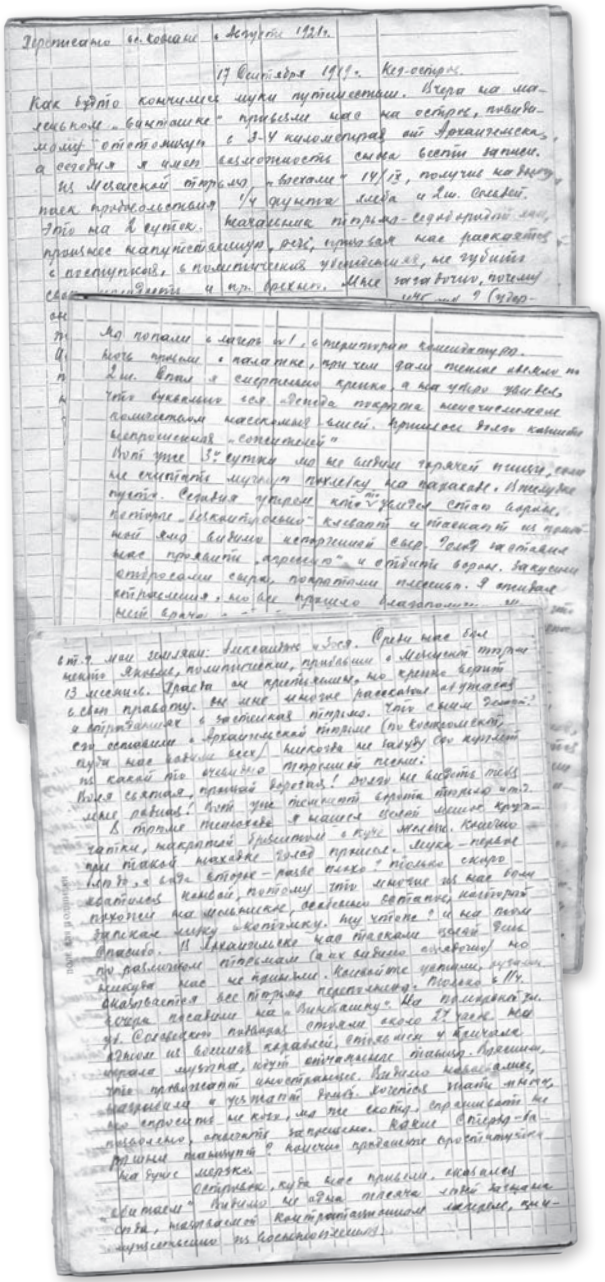
Войсковая часть Полевая почта 18455

велись, но на первой странице дневника пометка: «Переписано в с. Кослан в августе 1921 года», т.е. уже после окончания боевых действий. По-видимому, были и другие дневниковые записи А. Обрезкова, описывавшие и другие события его жизни, но, к сожалению, они не сохранились. Судьба Николая Зыкова сложилась трагично – его убили во время продразвёрстки не желавшие отдавать свой хлеб ижемские крестьяне. Но дневник его сохранился и вовремя – в 1935 году был передан в Архив.

Конечно, революция – это трагедия, трагедия кровавого раскола, разъединившего страну, разрушившего семьи, – весь прежний, тысячелетний уклад жизни. История учит, что, когда рушатся империи – начинаются войны. Почему же люди так стараются их разрушить?

Павел Лимеров.

Дневник белогвардейца, который хотел стать красным*



Переписано в с. Кослане в августе 1921 г.

17 сентября 1919 г.
Кег-остров.

Как будто кончились муки путешествия. Вчера на маленьком «винташке» привезли нас на остров, по-видимому, отстоящий в 3-4 километрах от Архангельска, а сегодня я имел возможность снова вести записи.

Из Мезенской тюрьмы «выехали» 14/IX, получив на дорогу паёк продовольствия 1/4 фунта хлеба и 2 ш. сельдей. Это на 2 суток. Начальник тюрьмы – седобородый хам, произнёс напутственную «речь», призывая нас раскаяться в поступках, в политических убеждениях, не губить свою молодость и пр. брехню. Мне загадочно, почему он выдал мне на руки мои деньги 475 руб.? (удержал за разбитое стекло 25 руб.)

История со стеклом: 12/IX я первый раз в жизни очутился в тюрьме вместе с 6-ю удорцами. Тюремный надзиратель, оставляя нас в камере, предупредила, что до утренней прогулки выпущены на отправление нужд не будете, указав на «парашу» (высохшая кадка), и познакомила с правилами «внутр. распорядка». Я не захотел пользоваться «парашей» и разбил стекло в окне ударом ноги, через которые пользовались… Результат – штраф 25 руб., и лишили прогулки.

Морем ехали отлично. Погода стояла солнечная, тихая. Я был согласен бесконечно долго, долго смотреть и любоваться

*Из личного архива О. Черноуса.

г. Архангельск

на бесконечную морскую гладь, где нарушали покой только одинокие чайки и гул паровой машины, но восхищаться красотой моря нам почти не давали, а силой толкали в трюм. Этап состоял из 14 человек, в т.ч. мои земляки: Александров и Зося. Среди нас был некто Яковлев, политический, прибывший с Мезенской тюрьмы 13 месяцев назад. Правда, он крестьянин, но крепко верит в свою правоту. Он мне многое рассказал об ужасах и страданиях в застенках тюрьмы. Что с ним делают? Его оставили в Архангельской тюрьме (по Костромской, куда нас водили всех). Никогда не забуду его куплет из какой-то, очевидно, тюремной песни:

«Воля святая, прощай, дорогая! Долго не видеть тебя мне, родная! Вот уж темнеют ворота тюрьмы и т.д.».

В трюме теплохода я нашёл целый мешок крупчатки, накрытый брезентом в куче железа. Конечно, при такой находке голод прошёл. Мука – первое блюдо, а вода второе – разве плохо? Только скоро хватился конвой, потому что многие из нас были похожи на мельников, особенно Остапов, который запихал муку в котомку. Ну что ж? И на том спасибо. В Архангельске нас таскали целый день по различным тюрьмам (а их, видимо, порядочно), но никуда нас не приняли. Конвойные устали, ругались. Оказывается, все тюрьмы переполнены. Только в 11 ч. вечера посадили на «Винташку». На Поморской ул. уб. Соловецкого подворья стояли около 2-х часов. На одном из военных кораблей, стоявшем у причала, играла музыка, идут отчаянные танцы. Выяснили, что провожают иностранцев. Видимо, навоевались, награбили и уезжают домой. Хочется знать многое, но спросить не у кого, мы же скоты, спрашивать не позволено, отвечать запрещено. Какие стервы-барышни танцуют? Конечно, продажные проститутки. На душе мерзко.

Островок, куда нас привели, оказался «обитаем». Видимо, не одна тысяча людей загнана сюда, в так называемый контратационный лагерь, преимущественно из военнопленных.

Мы попали в лагерь №1, в территорию комендатуры. Ночь провели в палатке, при чём дали тёплое одеяло по 2 ш. Спал я смертельно крепко, а на утро увидел, что буквально вся одежда покрыта неисчислимым количеством насекомых – вшей. Пришлось долго казнить непрошеных «сожителей».

Вот уже 3-и сутки мы не видим горячей пищи, если не считать мучную похлёбку на пароходе. В желудке пусто. Сегодня утром кто-то увидел стаю воронья, которые «безконтрольно» клевают и таскают из помойной ямы, видимо, испорченный сыр. Голод заставил нас проявить «агрессию» и отбить ворон. Закусили отбросами сыра, покрытыми плесенью. Я ожидал отравления, но всё прошло благополучно. Жаль, что нет врача, а то бы ему пришлось удивляться крепости мужицкого организма.

Что ожидает нас дальше?

18/IX

Вчера вечером много раз заходили в палатку шпики, переодетые и подлаженные под заключённых, уговаривают на побег, указывают дорогу. Всё обходится в порядке. Распознал шпиков Д.Ф. и на своём коми языке предупредил всю коми группу быть скромными, не давать воли языкам. Сегодня впервые после ареста (6/VIII) наелся вволю. Случилось так, что Александров «снюхался» с деньщиком Коменданта и пригласил меня и Зосю таскать воду и мыть полы. Деньщик за труд нам предоставил стол с объедками офицеров. Мало того, полакомились английским ромом. На душе гадко, но какой же выход?

Сегодня по любопытству я заглянул в столярную мастерскую. Оказывается, охрана

с. Глотово.

лагерей состоит из местных ополченцев. Караульный похож по физиономии скорее на праведного Иова, чем на солдата, поинтересовался мною; спросил, сколько мне лет, почему попал и т. п. Я сказал ему, что 12/IX «отпраздновали» мои именины в Мезенской тюрьме, исполнилось 17 лет, а почему попал – пустил пыль в глаза. Видимо, дядя оказался сердобольным, дал мне 200 гр. коробку хорошего английского табаку и буханку хлеба. Кто он? Конечно, сперва, мещанин, но взял. Я не поклонник теории Льва Толстого. Голод не тётка.

Так живём, Шурик!

19/IX

Сегодня встретил заключённых глотовцев Ульянова А.М. и Высоких А. Т. Они рассказали, что братяша Григорий уехал воевать на Удору с каким-то Орловым. Григорий на Двине то ли сдался со всей ротой в плен, то ли попал. Неужели он оказался предателем? Думаю, скорее он перейдёт к красным со всей командой. Целый день среди коми толковали об этом.

Между прочим, в нашей коми группе я не вижу ни одного преданного идейно Советской власти человека. Это группы дезертиров, не хотящих войны, аполитичных мужиков, тоскующих по хозяйству, сохе и бороне, оказавшихся в лагере вовсе не потому, что они преданы Советской власти.

Сегодня встретил политически грамотного товарища И. военнопленного красного командира. Пытались познакомиться.

Нас определили на работу в мастерскую. Кормят так, что сдохнуть нельзя. Мой кузен-ополченец дал мне почитать газету «Русское Слово». В сводке командования указывается, что Советская власть оказалась в кольце, хвастливо заявляют о близком конце войны, о повсеместном уничтожении красной чумы большевизма. Я твёрдо верю, что это хвастливая брехня. Такого же мнения т. И. В палатке на эту тему пошли горячие споры. Петчины и Остаповы каркают как вороны о конце войны, в надежде вернуться в хозяйство к бабам. Я долго и крепко убеждал, стыдил, но, очевидно, толку мало. Эти серые мужики, неучёные холопы не хотят да и не могут понять цели войны, не верят в светлое будущее, во имя чего ведётся гражданская война. Холуй Петчин обозвал меня молокососом, чуть не дал в морду. На душе тяжко. Долго беседовал с т. И., который оказался политически развитым товарищем.

21/IX

Сегодня опять получил через «кузена» газету. Почитали с т. И. Он оказался прекрасным географом и во многом помог мне понять разобраться в театрах военных действий. Он вселил уверенность безусловной и неизбежной победы над белой армией.

Работа моя лёгкая, – подноска материалов из сушилки. Сегодня Ульянова и Высоких увезли неизвестно куда за отказ ехать на фронт. Прощались через простенки проволочной изгороди. Неужели расстреляют? Палачам-извергам законы не существуют, можно считать, что они погибнут смертью героев. При прощании у меня навернулись слёзы, авось всё пройдёт благополучно, ведь это только предположение.

Вечером нас выстроили в полуподвальном помещении в шеренгу, по всем правилам устава строевой службы. Сосчитали, оказалось 47 человек. Вдруг выводят примерно взвод «настоящих» белогвардейских солдат, одетых в английские френчи и ботинки. По команде командира роты нас повернули лицом к лицу и дали команду стоять вольно. Недоумеваем, для чего это делается? расправа? Оказалось, что они задумали «агитнуть». Какой-то гнусавый подполковник закатил речь: посмотрите друг на друга, на что вы похожи? Он нас обозвал оборванцами, нищими, отщепенцами, шайкой бродяг, богоотступников и т.п., обывательской руганью. Напротив, начал хвалить чистоту и опрятность «своих» солдат. Наконец он торжественно объявляет, что по «милости» Верховного командования нас допустили в ряды «доблестной» народной армии на защиту отечества от чумы большевизма и варварства и т.д.

Я внутренне смеялся этой глупой затее. Очевидно, тупица подполковник хотел вызвать в нас отвращение к советской власти и восхищение богатством и роскошью белой армии, но получилось абсолютно наоборот. Это дикое нравоучение, издевательство. Мне бы тоже хотелось выступить подобной бранью, бранью базарной бабы и обозвать его: шеромыжник, болван, неучёный холоп, чёртов сын, неумытое сало. Ну вот, кажется, я видел и слышал «подлинного» представителя дворянской России, России сытой, вымытой, варварской.

Подожди, подлец, ты мне ответь на один вопрос: за какие интересы ты воюешь? Расскажи программу белобандитов. Теперь мы как будто уже не скоты. Спать не хочется. Состояние возбуждённое. Что же дальше? Живём, Шура! Скоро будем там…

А.

28/IX

Сегодня утром повели в баню и переодели. И так: я очутился в рядах «благочестивого воинства», воинства бандитов, кровопийцев, братоубийцев, способных грабить, убивать, насиловать бедный трудовой народ, защищающих интересы капиталистов, богачей, кулаков.

Вот тебе ответ, слюнявый и гнусавый подполковник, на вчерашнюю слабоумную речь. Так думают все, кто происходит из трудового крестьянства, видевшие на опыте жизнь при советской власти.

Сегодня встретил т. Иванова, он оказался санитаром. Получил назначение – писарь первой роты. Командиром роты оказался красивый офицер, Просеков Ес. Н., киевлянин, пробравшийся на Север через Англию. Зовёт меня Советским Секретарём с иронией и нахальством, видя перед собой 17-летнего наивного мальчика. Посмотрим, офицерик, который из нас окажется «наивнее». Он долго расспрашивал меня о биографии и убедился, что я сын кулака. Так лучше.

30/IX

Сегодня встретил Глотовских мобилизованных, в т.ч. братяшу Мардоню. Кого только не взяли! Тут хромые, безрукие, безпалые, полуслепые, глухие инвалиды. Очевидно, мобилизовали всех мужчин до 45 лет. Узнал, что дома преследуют старушку-

мать. Неужели и ей придётся отведать тюрьму и нагайку? Видимо, так и случится. Там звероподобные Мартюшевы, Марковы и пр. сволочь способны замучить на смерть старых и малых. Звери в жертвах не разбираются. Но пусть знают сволочи: если они пальцем потрогают, я жёстко отплачу, а час расплаты близится.

Через нах узнал, что дядя Андрей сидит в тюрьме Архангельске, а жена и дети в г. Мезени. Варвары арестовали 5 лет. Мишу! Это ли не звери?

Долго толковал с Мардоней, упрекнул его в дезертирстве из Кр. Армии, дал понять об ответственности после окончания войны. Обещал искупить вину при первой возможности сдаться красным. Посмотрим – увидим. Хочется писать Маме, но что толку? Разве дойдёт? Нет, уж лучше молчать.

На проводах Мардини видели, как отчалил последний пароход с Союзными войсками. Скатертью дорога. Говорят, что перед уходом взорвали очень много боеприпасов и продовольствия. Почему уходят? Никто не знает. Вечером осторожно спрашивал у Ком. роты, но он меня выругал. Пожалуй, сделал глупо. Ничего, узнаем.

2/X

Сегодня днём получил первую «оплеуху» от Комбата. (Тот самый гнусавый полковник). Поднимаясь на II этаж, я увидел, что сзади поднимается этот противный гад. Я не счёл нужным отворить ему двери казармы и отдать ему честь, за что получил гостинцы – тумак в затылок. Видя расправу надо мной, дневальный Александров растерялся и не мог дать команду «встать». За это он получил несколько ударов в лицо. Я в это время поднимал руку на палача, но удержал знакомый т. Иванов, так хотелось ездить святым кулаком по рылу подлеца! Вечером по этому поводу зашли крупные разговоры среди бойцов. Вырешили завтра все на тактических занятиях поговорить с Просековым, а Комбату ни разу не отвечать на приветствия и не выполнять его приказы.

3/X

Сегодня днём чуть не лишился дневника, спасла случайность. Видимо, придётся прекратить записи до поры времени. Сегодня вечерком шли церемониальные похороны одного убитого офицера, которого привезли с железнодор. фронта. Удачно и организованно посмеялись над Комбатом. Он подлец, очевидно, сознательно попал нам навстречу при возвращении с похорон и гнусавил приветствие: «Здорово, хлопцы». Не нашлось в нашей роте ни одного, кто бы издал хоть бы звука. Со стыдом, багровея от злобы, прошёл мимо. Просеков, очевидно, тоже не особенно уважает, т.к. впоследствии в такт с бойцами смеялся и покачивал головой. В последствии в тайной канцелярии я слышал на эту тему разговор Просекова с командиром 3 роты, последний возмущался недисциплинированностью бойцов, наличием большевистской заразы и т.п. Просеков разводил руками: ничего не поделаешь, т.к. бойцы набраны из Совдеповских военнопленных, и применять агрессию в условиях нынешних будет безумием.

Становится ясным, что скоро нас погонят на фронт.

5/X

Сегодня у Шуры Дорониной встретил симпатичную девушку Клаву. Сознаю, привязанность к девушке даёт мне возможность забывать обо всём остальном. Условились встречаться часто. Я имею возможность получать увольнительную ежедневно, а она тем более, студентка Женской гимназии.

7/X

Вчера читал вырезку из «Известий ЦИК» от 24/IV-18г. с текстом речи Ленина в Московском Совете раб. ар. и красн. депутатов. О всём для меня непонятном разъяснил т. Иванов. Я восхищаюсь его развитием и умом. Откуда ему эти вырезки и брошюры? Конечно, у него связи. Буду читать упорно, настойчиво. Вырезок храню в кошельке. Только что вернулся от Клавы. Сидели долго, беседовали на разные темы. Выясняется, что она презирает белогвардейских бандитов, но в то же время боится ужасов большевизма. По-видимому, в Гимназии им морочат голову меньшевики и эсеры. Постараюсь исправить вывихи в мозгу у Клавы.

9/X

Время идёт скучно. Судя по газетам, всё крепче суживается кольцо окружения Красной армии. Газеты каркают о близкой гибели Петрограда. Я собственно не верю хвастливой брехне Северной РОСТ: т. Иванов крепко верит в безусловную победу Красной армии, близкой гибели власти белых, т.к. Антанта уже удрала, а без иноземных штыков бандитам каюк. Обманутые солдаты белой армии начинают сознавать свои ошибки и массами, при первой возможности, переходят на сторону Красной армии, убивать офицерство. Читаю роман Чернышевского «Что делать?». Т. Иванов советует эту книгу, книгу, написанную великим демократом России.

с. Кослан.

10/X

Сегодня на родине престольный праздник. В памяти восстанавливаются подробности празднования: пьянки, сопровождаемые дракой. Для молодёжи праздники знаменательны встречами с девушками – полюбовными сценами. Помнится осень

прошлого года – моё первое знакомство с Паней Ведерниковой. Как глупо было я втюрился в неё, но когда узнал её распущенность – плюнул, мало того, жестоко над ней подшутил. Вечером был у Клавы. Такая милая, умная девушка. Вечер прошёл незаметно быстро.

Как же живут дома мои старушки?

11/X

Сегодня я встретил земляков – белогвардейских вояк, калек, инвалидов. Из Макарыбы Политов Мих. Прок. Из Кучмозерья Павлов Ник. Митр. Один хромой, другой безпалый. Вот эти калеки составляют хоз. роту Архангельского гарнизона.

12/X

В беседе т. Иванов передал о результатах хозяйничанья иностранных войск. Оказывается, французы и англичане вывезли из Архангельска огромное количество лесоматериалов, льна и другого сырья и товаров. Теперь понятно, что они воевали и помогали правительству Чайковского до тех пор, пока можно было и можно что грабить, а теперь, поскольку успели награбить и увезти всё – оне смылись, их миссия закончена. Эх ты, Россия не мытая, бедная и убогая, почему ты родишь таких, таких уродов-предателей, кому не дорога родина, терзают и продают свою родину. Долго ли эти мерзавцы могут продолжать сумасбродствовать? Полагаю, Ленин и его партия скоро наденут им смирительные рубашки. Надо работать, работать. В меру своих сил разъяснять бойцам цель войны, открывать им глаза.

15/X

Время проходит серо и уныло. В душе растёт жгучая ненависть и презрение к окружающему офицерству. Сердце сжимается от боли, когда слышишь их бахвальства и хвастовство в разврате и пьянстве. Оказывается, в Архангельске они открыли публичный дом и там они удовлетворяют скотские страсти. Этих называют цветом и славой армии, а по-моему, это кучка негодяев, выходцев с буржуйской семьи.

Вчера долго беседовали с Клавой. Кажется, мы взаимно полюбили друг друга, т.к. я испытываю настоящее страдание, если не могу видеть её вечером. По её признанию, такие же чувства испытывает она. Может быть, это глупо, но разве мы повинны?

16/X

Сегодня встретил заключённых односельчан: дядю Андрея Аф-ча и Доронина Андр. Прок. Удалось обменяться только несколькими словами на своём языке. Узнал, что Попова Афанасия расстреляли, из Глотовцев сидят очень многие. Мою маму арестовали и сидит в гор. Мезени. Значит, сбылось, о чём я боялся. Испугались старухи-калеки и

г. Мезень.

её спрятали в тюрьму. На сердце тяжко больно от этой дикой расправы над стариками, старушками и детьми. Хочется вцепиться зубами в горло тому, по чьей вине происходят эти страдания и муки народа, но кому вцепиться? Что я могу сделать? Клянусь мстить жёстко и беспощадно всем тем, кто в этой гражданской войне помогал белогвардейцам, безразлично сознательно он это делал или бессознательно. В голове зреют мысли: как вырваться скорее из этого кошмара к красным? Вечером побеседовал с т. Ивановым, разделился с ним о своих душевных переживаниях. Он узнал от меня, где учился, и долго восхищался моим способностям, жалел, почему я не на учёбе. Конечно, мне стыдно от похвалы и вовсе я не так способен. Наоборот, я знаю очень мало, особенно в политике. Очень мало удаётся читать полезной и нужной литературы.

21/X

Вчера в первые жизни сходили с Клавой в кинематограф. Картинка заграничная и мало понятная, но самое искусство приводит меня в восхищение. После кино она провожала меня до казармы и крепко смеялась над тем, что на меня произвело такое хорошее впечатление кино. Она не может понять, что в первый раз увидел кино. Обещала доставать билеты почаще. Расстались с большим трудом – два раза провожали друг друга, а потом она вспугнула меня сроком увольнительной, и я побежал без оглядки, не сказав «до свиданья».

22/X

За последние дни газеты каркают о близкой гибели Советской власти во всех концах России. Вчера прочитали возвание правителя всея Руси – адмирала Колчака, который утверждает, что кольцо окружения Красной армии всё суживается, Юденич стучится в ворота Петрограда, близится час освобождения России от ига большевизма. Просеков на занятии усердно показывал по карте линию фронта, стараясь вызвать у бойцов уверенность в победе, придать настроение, но ничего радостного у бойцов не было заметно. У меня в маленьком мозгу бурлит. Неужели погибнет советская власть – свобода, счастье трудящихся, во имя которого так много пролито крови? Сознание не хочет верить, и не может быть такого исхода гражданской войны. У меня свежо в памяти, и не забуду жестокой эксплуатации богатеев-кулаков надо мной в моей деревне. Ещё в 1917 году я работал Каль-чхе (?) с 5 ч. утра до 9 вечера за 1 фунт дохлой крупы на жатве. 1916 г. Я целую зиму ходил с прохвостом сборщиком имени Христа гнусавым Евтег-Педем за плату 5 руб. После передела земли муж той же Калихи безнаказанно отобрал мою надельную землю, поставил сено, и я не мог найти управы, потому что он богач, а я бобыль. Я остался неучем только потому, что бобыль и питался милостыней, а сыновья купца Мартышева – тугоумы. Они болваны, учатся, наслаждаются за счёт прибылей отцов, грабежа крестьян. Только революция, Советская власть дала трудовому народу свободу, равенство, а впереди счастливое будущее, и эту свободу у нас хотят отнять кучка негодяев-капиталистов, кулаков, офицеришек. Никогда этому не бывать. Таких бедных, как я, миллионы, а богатеев – десятки. Пусть первые обмануты, забиты, не верят в свои силы и могущество, но таких мало. Большинство рабочих и крестьян после Октябрьской революции на опыте увидело и узнало правильную политику Советской власти, защиту интересов крестьян. Правильно утверждает тов. Иванов, что бойцы Красной армии умрут смертью храбрых героев, но никогда не станут на колени. В эти дни, грозные дни, для трудового народа я по мере своих сил тоже веду беседу, убеждаю своих друзей. Я часто ставлю перед ними вопрос: «Во имя чего вы будете воевать в рядах белых? И наоборот, во имя чего борются красноармейцы?» Чувствую, большинство сознательных при первой возможности перейдут на сторону красных. Боюсь, чтобы не выдали Александров и Зося.

Живём, Шурик!

23/IX

Получил ещё одну печальную весть: капитан Орлов со своей оголтелой бандой через Удору вторгся в Коми край и занял чуть ли не Устьсысольск. Газеты пишут, будто население банду Орлова встречает хлебом-солью как освободителей. Конечно, это бесстыдная ложь. Верю, что с хлебом-солью встречают купцы, попы и кулаки, а трудовое крестьянство, кроме ненависти и презрения, ничем не выражает свои чувства. Полагать и думать надо, сколько преданных, чистых товарищей будут загублены этой бандой. Там же участвует Гриша. В душе гадко. Неужели он коммунист, б. военрук пошёл грабить и убивать своих сородичей – Коми народ? Очень может быть с его ограниченным умом. Если это так, пусть пеняет на себя. Таким предателям и изменникам

пощады не будет. Очень жаль, что я не могу таким способом сказать ему слова совета и предупреждения.

Бедняжка Гриша! Ему сейчас 33 года, из которых он прослужил в армии 8 лет, на войне получил все 4 степени Георгия. Я уважал и любил его за храбрость и отвагу. Помню, как я восхищался его подвигами в 1915–16 гг. будучи на школьной скамье, хотел быть таким же бесстрашным патриотом. Горько и тяжко, что он сбился с пути и найдёт себе могилу, бесславный конец где-нибудь в коми селе от меткой пули коми охотника. Но, может быть, я напрасно так волнуюсь? Может быть, он давно перешёл со своим отрядом на сторону красных? Пусть бы было так.

Вечером толковал на эту тему с Александровым. Я думал у него найти сочувствие страданиям коми народа, но грубо ошибся. Он, оказывается, аполитичный человек, относится безразлично. Довольно крепко поссорились, кажется, в пылу гнева я обозвал его болваном.

Клава приглашала по телефону, но я сослался на головную боль.

А.

25/X

Сегодня т. Иванов передал, что дела на фронтах у белых круто ухудшились. Петроград красные отстояли. Это очень приятно и радостно. Только что вернулся от Клавы. Она сперва надулась на меня за два вечера, но помирились, простила за всё после первого поцелуя. Чёрт его знает: почему любви всё покоряется. Это такое наслаждение или дурман, что забываешь всё на свете. Кажется, ты живешь только с одной с ней и начихать на всё остальное. Стоит ли было мне так крепко связывать себя? Может быть, мы оба допустили глупую ошибку? Скоро я уеду, может быть, мы больше никогда не встретимся и будем тосковать друг о друге? Конечно, вероятнее всего такой исход, но скверного и осудительного я ничего не вижу.

Клава дала читать Анну Каренину Толстого. Очень советовала и хвалила.

28/X

Думается про судьбы Мамы и бабушки. Недавно написал старушке письмо, но получат ли? Неизвестно. Я понимаю, как они мучаются за мою судьбу.

Прочитал с жадностью Анну Каренину. Какое чудесное произведение! Какое ясное изложение мысли! И этого старика-писателя при смерти проклинали во всех церквьях России (так мне сказал т. Иванов и подтвердил Просеков). Идиоты-правители России. Глумлялись над смертью великого учёного, мыслителя и просветителя человечества. Гордиться надо, что Россия дала такие величины науки для всего мира и человечества. Это произведение не уступает его книгам «Война и мир» и «Воскресение». Мне только не нравится, почему он не пишет из жизни рабочих и крестьян, а высшего аристократического общества.

Прочитал книжку, встаёт вопрос, кто виноват в падении Анны? Дурак ли Каренин, который для жены не уделял досуга или сама Каренина, бросившая своего сына из-за любви к Вронскому? Мне кажется, виновата Анна и только она. Клава говорит, что виноват Каренин, который не понял по своей чёрствости и жестокости потребность

женской души, и это толкнуло Анну на путь измены мужу и всей трагедии. В этом, похоже, есть доля правды. Чёрт её знает, кто виноват? Если бы была Советская власть, Анна также была бы занята общественными делами, а не праздно шаталась и вела себя в роскоши. Но и в этом случае она могла изменить мужу. По-моему, виновата Анна.

Вчера Клава достала откуда-то рому. Немножко подвыпили, поспорили. Она начитанная девушка, и мне придётся сдаться. По обыкновению долго провожали друг друга.

29/X-19г.

Хвастливый тон газет о ходе наступательной операции на фронтах гражданской войны постепенно начинает уменьшаться. Вчера писали, что Юденич был вынужден отступить, что белые оставили Воронеж. Словом, ясно – красная армия теснит и давит на всём фронте. Долго толковали с тов. Ивановым. По-видимому, за ним поставлена слежка. Хотя он санитар, но обратил на себя внимание как запевалый. Какой у него замечательный голос!

Он заметил мои отношения с Клавой и вполне одобрил моё поведение. Советовал бросить запись в дневник.

7/ XI-19г.

Сегодня замечательная дата: исполнилось два года существования власти рабочих и крестьян.

Два года ведётся кровопролитная гражданская война за счастье, свободу трудового народа. История запишет сотни и тысячи имён павших в борьбе в неравном бою с остервенелыми врагами внутренними и иноземными. Память о них – героях народных – будет жить в сердцах народа тысячи лет.

Помню и вспоминаю, как мы праздновали первую годовщину Октября в Глотове. С высоко поднятой головой, с гордостью, со многими флагами провели демонстрацию по улице села с песней «Отречёмся от старого мира» и Марсельезой. Такого торжества никогда наше село не испытывало.

Хочется здесь, в Архангельске, так же продемонстрировать свои симпатии и чувства, но увы! Это равносильно получить себе пулю в лоб.

Вечер провели у Клавы. У неё были гости – подруги. Декламировали, шутили, веселились. Вечер прошёл незаметно быстро.

9/XI

Сегодня были на учении в «поход». Устал как собака. Кажется, скоро отправят на фронт, а там к своим. Такая жизнь – хуже каторги. Хотя и невольник, но всё же я в рядах палачей и убийц. Это сознание меня мучит, сосёт.

А.

15/XI

Наконец-то есть приказ о сформировании батальона и отправки на фронт в 3 северный полк. Хочется кричать и смеяться, как ребёнку. Ведь я получу возможность быть у своих! Спешно идёт нашивка петлиц с обозначениями 3 ССП. Жаль, что придётся расстаться с уважаемым и любимым т. Ивановым, не менее тяжело будет расстатся с Клавой. Она, бедняжка, зауныла. Как только сказал, что выезжаем, у неё брызнули слёзы. Видно, девушка втюрилась серьёзно и основательно.

Обещал до выезда свидаться каждый день. Пытался читать «Мёртвые души» Гоголя, но не хочется. В голове зреют тысячи мыслей, планов.

16/XI

Выезжаем 20-го. Наш командир 3-й роты назначен начальником эшелона. Сегодня прочитали приказ по роте.

Получил письмо у Мардония. Странно, что он получил чин подпрапорщика? Неужели он не перейдёт к красным? Написал язвительное письмо.

20/X

Пишу в поезде. Сегодня необыкновенный для меня день. В 12 ч. дня собрали батальон на плац для молебна. Выступал епископ Архангельский, который произнёс напутственную речь примерно такого содержания: «Христолюбивое воинство! Вы пойдёте сражаться с извергами-большевиками, не щадите свою жизнь за веру православную. Именем Христа вы пойдёте в битву и будете непобедимыми».

Следом за ним выступил Главнокомандующий Северным Фронтом генерал Миллер. Человек – зверь. Усы большие, глаза воровские, выглядит разбойником с большой дороги. Речь его мне показалась похожей на прощальную речь человека, уходящего в могилу. Мой дед, умирая, примерно так же говорил о нравоучениях.

В 2 часа дня мы сели в поезд. Бедная Клавочка, она провожала – убивалась. На наше счастье по записке Просекова мы вместе сходили в Спиртоводочный завод и получили для поручика 4 бутылки водки. Расстались со слезами. Это целая трагедия – об этом тяжко вспоминать. Я в первый раз жизни сел в поезд и попал в международный вагон (как говорит Просеков). Ну что ж? Конечно, не плохо, к тому же он угостил водкой. Живём, Шура! Близко к цели!

22/X

Ну вот и приехали. Высадили нас на станцию Плисецкую. Всё разрешено, развалено. Получили приказ ехать на отдых с частями 3 полка (оказывается, там осталась по численности только одна рота) по р. Иксе, в с. Шексно. Чувствую себя превосходно.

Подготовил к публикации Олег Черноус.

Леонид Кызъюров

Кызъюров Леонид Аркадьевич, *1958 г.р., г. Сыктывкар, в 1981 г. окончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета им. 50-летия СССР. 1994–1997 – работа в Центральном государственном архиве Республики Коми. 1998–2004 – директор Коми республиканского государственного архива общественно-политических движений и формирований. С 2005 – работал в Национальном архиве Республики Коми. В настоящее время – заведующий отделом публикации и использования документов. Автор более 150 публикаций.*

К 100-летию Великой русской революции

Национальный архив Республики Коми

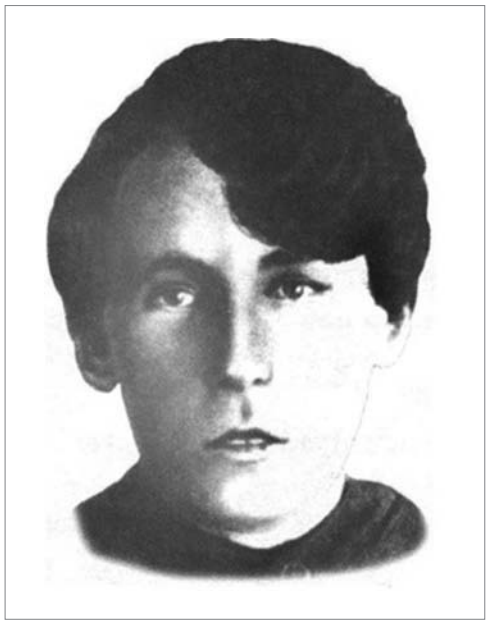
Дневник Николая Зыкова.* 1918 год

1917 год навсегда вошёл в историю России, как событие, свернувшее её с традиционного устоявшегося пути политического и социального развития. Две революции, или как сейчас часто говорят, переворота – Февральский и Октябрьский – раскололи страну, армию и общество. Оценка событий того времени современниками и участниками всегда вызывала значительный интерес исследователей.

Представляемый дневник активного участника социально-политических преобразований в далёкой северной глубинке России Н.И. Зыкова раскрывает некоторые стороны восприятия постреволюционных изменений конкретным человеком, находящимся очень далеко от «главных точек кипения».

Автор дневника, Николай Иванович Зыков, родился в 1888 году в дер. Елизаровской Истобенской волости Орловского уезда Вятской губернии, позже семья Зыковых переехала в Пермь. В 1905 г. Н. Зыков бросает учёбу в реальном училище, чтобы

* В публикации использованы фотографии Ижемского историко-краеведческого музея.



Николай Зыков.

заняться революционной деятельностью. Весной 1906 года посещает маёвки, устраиваемые Пермским комитетом РСДРП, на которых выступал известный большевик Я. М. Свердлов, а летом овладевает навыками стрельбы из револьвера. Осенью 1906 года Н. Зыков устраивается в Управление Главных железнодорожных мастерских чертёжником и активно участвует в агитационно-массовой работе комитета партии в связи с выборами во Вторую Государственную Думу, помогает печатать листовки на гектографе, распространять их, активно участвует в собраниях и митингах. В 1907 году Зыков стал членом боевой группы РСДРП.

В ноябре 1907 г. Николай Зыков, его брат Владимир и ещё десятки человек были арестованы, причём у Н. Зыкова было изъято оружие, а также литература «тенденциозного и революционного содержания». Особое совещание Министерства внутренних дел «за принадлежность к революционной организации» выслало Николая Зыкова под гласный надзор полиции в г. Кемь Архангельской губернии сроком на три года, а после попытки побега из ссылки его отправили в с. Мохча Печорского уезда.

После окончания срока ссылки Зыков остался в с. Мохча, обзавёлся семьёй, занялся мелочной торговлей. Повторный путь в «политику» для него начинается в марте 1917 г. после получения известий о Февральской революции.

Осенью 1917 года в Печорском уезде избираются волостные земские управы. В Мохченской волости было избрано 49 человек, среди них и Н.И. Зыков. После известия об Октябрьской революции Печорское уездное земское собрание приняло решение не подчиняться власти большевиков. Но в 1918 году на всей территории Коми края уже началась активная борьба за установление Советской власти в уездных центрах и волостях. Зыков, при поддержке бывших солдат, начинает работу по разгону земства и установлению Советской власти. Уже 27 февраля 1918 г. на общем собрании граждан волости Зыков выступил с докладом «О целях и задачах партии большевиков и необходимости установления Советской власти в волости». Был избран волостной Совет в количестве 30 человек, в большинстве в нём были бывшие солдаты и крестьяне-бедняки. Это был первый Совет в Печорском уезде. Председателем его исполкома стал Н.И. Зыков. В целях укрепления Советской власти в волости и противодействия её врагам Зыков требует от Архангельского Совета помощи: «для торжества народного дела в уезде необходимо прислать организаторов и оружия человек на сто... Буржуазия многочисленна и упорна. Необходимы хорошие вожжи».

К весне 1918 г. в волости резко обострилась продовольственная проблема, хлеб с низовьев Печоры не поступил. Зыков решил духовенство не трогать, а произвес-

ти изъятие продовольственных товаров у кулаков и купцов. Этим он подписал себе смертный приговор. 27 мая 1918 года противники Зыкова устроили по пути его обычного следования три засады. Всего было привлечено 15 человек. В результате Н. Зыков был сначала тяжело ранен, а затем добит прикладами.

Дневник Зыкова в настоящее время находится в архивохранилище № 2 Национального архива Республики Коми, среди документов фонда П-520, Историко-партийная комиссия при Коми обкоме ВКП(б). Он представляет из себя десять небольших школьных тетрадей общим объёмом сто семьдесят три рукописных листа. Дневник поступил в архив в 1935 г. Установлено, что Н.И. Зыков начал вести дневниковые записи не позднее 1913 года, но значительная часть дневниковых тетрадей не сохранилась. В частности, полностью отсутствуют записи за 1914–1917 гг. В дневнике описан повседневный быт северного крестьянства, имеются этнографические зарисовки, отражена социально-экономическая и политическая жизнь Крайнего Севера. Особый интерес представляют записи 1918 года, т.е. времени, когда до Севера дошла волна создания Советов и процесс установления советской власти. Последняя сохранившаяся дневниковая запись относится к 18 мая 1918 г., всего за несколько дней до смерти автора дневника.

Из дневников Н.И. Зыкова за 1918 год

ЯНВАРЬ

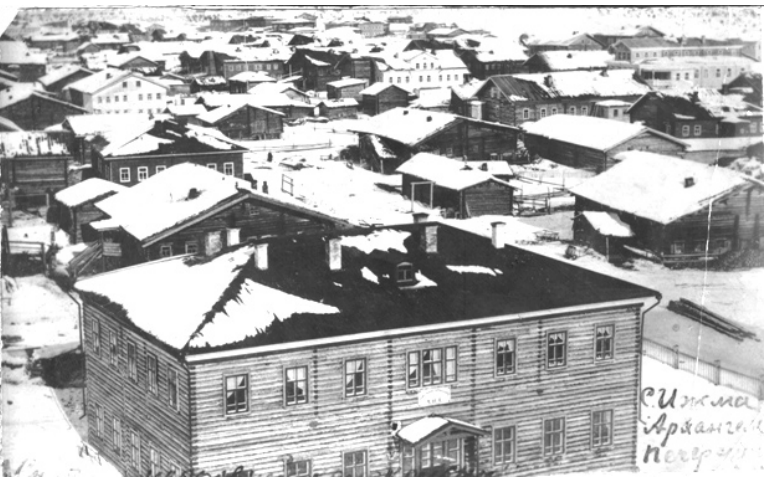
19 января

Прочитал отчёт о первом дне заседаний Учр<едительного> Собрания. И окончательно отрёкся от сочувствия Церетели*, Черновым** и другим, которые не понимают, что нельзя в боевые дни управлять баллотировкой, моральным воздействием, резолюциями и т. д., а необходимы – штыки, штыки и ещё штыки. Раз в Мохче туго без оружия, ясно, что плохо без него и в Питере. И горе тем, кто не хочет этого понять: его сочтут изменником. Учр<едительное> Собрание распущено. Оно не доросло до боевого настроения масс. И не стоит с ним терять время. Каледин и Корнилов*** перестали говорить речи; пора и «нам» заговорить короче и яснее, иначе передушат как цыплят, с бесконечными спорами. Пишут газеты, что начался голод в России. А я думаю: к лучшему всё это. «Сытое брюхо к учению глухо». Зыряне сыты, вот и трусят. Через месяц-два начнут просыпаться, через 3 – восстанут. Не будет ли только поздно<…>

* Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – политический деятель России и Грузии, министр Временного правительства.

** Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – политический деятель России, эсер, председатель Учредительного собрания.

*** Каледин Алексей Максимович (1861–1918) – генерал, один из руководителей Белого движения.
Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал, один из руководителей Белого движения.



Вид на с. Ижма Печорского уезда с колокольни на нижнюю часть села. Нач. XX в.

22 января

<…> Утро провёл в Управе. Бывшие товарищи перестали меня замечать. Не мешает запомнить, когда поднимется настоящий революционный вал в волости. Недовольство незаметно, народ затаил обиды. Но корни целы, возбуждение не может улечься. И с первыми тёплыми днями неизбежны беспорядки. Я жду только 10-15 решительных мужиков. Если восстание начнётся – медлить я не стану, оглядываться по сторонам – тоже. Быстрота и натиск, немедленное очищение пути и строжайшая дисциплина. Иначе летом воцарится здесь ад. Приходится (забавно это, но верно!) искать товарищей не из крикунов, а из тех мужиков, которые живут справно. Их очень трудно поднять, но раз встанут они – дело пойдёт полным ходом<…>

Принёс из Управы пачку № № «Газеты врем<енного> рабочего и крест<ьянского> правительства». Брошены были газеты под стол в канцелярии и даже не вынуты из обёрток, хотя это – самые свежие газеты – от 22–31 декабря <…> Читаю и скрежещу зубами. Там, в Питере, рушат всё старое гнильё. <…> Придёт ли час расплаты с теми, которые запрятали заживо в гроб всю губернию? Вечером хотел пойти в Управу. Да разболелся живот, и пришлось два часа валяться на постели, корчась от боли. Ужасаюсь бездельному своему житью, силюсь найти выход и не могу <…>

«Что день грядущий мне готовит?». Чёрт его знает. В Августе немного сочувствовал я Корнилову с его железной дисциплиной, теперь я – большевик. Час тому назад мысленно был десятником красной Гвардии Петрограда <…>. Почему-то декреты совета Нар<одных> комиссаров кажутся чем-то неземным. Но не допускаю и мысли о победе реакции: за 3 1/2 года войны народ отыграется за счёт буржуев непременно. И горе тем, кто этого не хочет понять!

23 января

<…>В начале революции хотел ехать в Россию, принять начало в революции. А потом решил, что ничего интересного на мою долю уже не осталось. И вот теперь интересное, оказывается, всё ещё впереди. По всем городам идёт борьба труда с капиталом, Петроград в железных руках рабочих, предполагаются крупные социальные перемены, люди никогда не были так нужны, как теперь. <…>

<…> Беседовал сегодня с попом – гласным. Вполне приличный малый. И хочет уходить из гласных. «Людей нет – вот в чём горе этого края», – говорит он <...>

<…>Печорский край – болото, здесь мне не место. А я до сих пор воображал, что я тут акклиматизировался вполне. Народ этот состоит из трёх слоёв: кулаки – богачи,

ровные мужики (полукулаки) и беднота. Спекулянт и «себе на уме» сидит в каждом зырянине<…> Я вот не велел давать хлеба нахалам, нахватавшим его до переворота. И отлично знаю, что за это наживу 200 лишних врагов. За то, что, со слов бывшего пр<едседате>ля Комитета, написал на собрании 2 Ноября, что (при соблюдении нормы) хлеба хватит до августа. И вот родилась сплетня: Зыков сообщил в Арх<ангель>ск, что у нас хлеба хватит, вот и не прислали. Да хотя бы и так было. Почему же вы, сволочи, хотите есть до отвалу, когда вся Россия голодает? Почему норма, 20 ф. в месяц, кажется вам чем-то таким же обидным, как для кулаков – реквизиция излишков?<…>

25 января

<…> Переворот в России превращается в социальный. На носу – голод. Кто знает – что будет в 1918 году <…>

27 января

Нашёл в «Газ<ете> Кр<естьянского> Пр<авительст>ва» прекраснейший декрет, самый разумный из всех, даже м. б. полезнейший, чем отобрание земли. Это декрет о государственном издательстве, в целях просвещения народа. Будут употреблены все усилия, чтобы книга стала доступной народу. Да здравствует пролетарская революция! Немного претит только введение новой азбуки – без ъ, ь, і и т. далее. Но это – буржуазный пережиток, старая привычка, не больше. Не глупее меня, люди придумали эту реформу: сколько труда убивалось учениками на яти! <...>

Большевики закрывают газеты правых эсеров, арестуют редакторов. Савинков* и другие орлы объявлены контрреволюционерами. Издали не видать – достойны ли они этого. Можно предполагать, что партии, это – щепки во время весеннего половодья. Народ – масса в 180 миллионов. А в партиях – тысячи. Немудрено, что большевики, давшие землю мужикам – самая сильная партия. Не всё ли равно – близок или нет социализм; но пока большевики стараются убить старое зло – успех им обеспечен. Хватит ли только силы – справиться с людским свинством, с массою паразитов и их прислужников?

30 января

<...> В полдень пошёл от скуки в Управу. Но не нашёл там никого. У зырян праздник – трёх святителей** –

Храм в с. Мохча Коми АССР.

* Савинков Борис Викторович – политический деятель России, один из лидеров партии эсеров.
** Праздник трёх святителей – день памяти святых Ионы, Питирима и Герасима, Пермских святителей, праздновался только у коми-зырян.

Крестный ход в с. Мохча. Проход с хоругвями по центральной улице села, 1910-е гг.

и село точно вымерло. А на дверях Управы предписание эпидемического врача: «Больные сыпным тифом не должны собороваться, умерших же от этой болезни надлежит хоронить в закрытых гробах». Невольно стало мне жутко. Кого вырвет опять смерть? Над кем занесла она отвратительную свою руку?

31 января

<...> Вчера в первый раз довелось мне увидеть – насколько буржуазен мужик. Один хозяйчик, стиснув зубы и поведя глазами на своих оппонентов, коротко бросал аксиомы: «Своё у меня зерно, ни у кого не украдено, сам и есть буду, и не признаю никаких норм, если работал над ним, сам и съем» <...>

Вернулся из Кулима в 8 часов вечера. День провёл прекрасно. Едва успел раздеться, приехавши на сход, как изба наполнилась народом. Никаких споров, никакой волынки не было, даже старики наперебой утверждали, что дела подошли ко краю, что придётся взяться за ружья и начать громить мироедов <...> В Щельяюре продают мешок муки по 100 рублей, а кулаки здешние – дрянной ячмень по 12-13… Хлеба в уезде масса, но нет порядка. Весною голод неизбежен. Начнут воровать скотину с лугов. Пойдёт открытый грабёж <...>

ФЕВРАЛЬ

2 февраля

<...> В 1917 году, собираясь на призыв, готов был продать за 100 рублей все 4 пары охотничьих сапог <...> Весною продал за 8 рублей голенища и был рад, потому что сапоги в 1912 году были куплены за 7 рублей. Теперь не продам за 100 рублей и одной пары. А голенищ жаль до слёз, за 8-то рублей даже телячью кожу сырую не купить. Осенью 1916 года купил за 16 рублей новые валенки. Этою осенью готов был их продать за 25 рублей, но никто не купил… Коровы дошли до 300 рублей; сажень дров до 15; фунт масла до – 7 рублей; восьмушка чаю 3 рубля; табаку – 5. Куда же дальше идти? И на долго ли хватит моего «состояния»?

<...>До сих пор проклинал я 11 лет, проведённых на школьной скамье. Для торгаша эти годы, конечно, утрата; не нужны за прилавком развитие и способность мыс-

лить «о вещах высоких». Но не будь я до 18 лет интеллигентом, не будь я им в душе и теперь – какою свиньёй был бы я после той встрёпки, которую дала мне жизнь с 1907 года! Теперь книга – лучший друг человека – спасёт и карман мой и душу. Да здравствует культура!

После чаю взял № «Свободного Журнала» за 1914 год и прочёл, лёжа на кровати, несколько страниц. Интересное явление: чтение неописуемо очищает человека. Никогда не приходило мне в голову – спросить: почему из людей истинно интеллигентных почти не бывает самоубийц (кроме больных и потрясённых горем, когда смерть помогает избавиться от мучений), а среди верхоглядов их очень много? <...> Между прочим, любовь к чтению (не всё ли равно – научных ли книг, газет ли или романов с приключениями?) помогла мне прожить последние годы лучше, чем без чтения<...>

3 февраля

<...> «Кому на Руси жить хорошо?». Тому, кто может слушаться только своей воли. Будь то миллионер или нищий – всё равно. Гляжу я в окно и вижу: несут в церковь бабу – покойницу. Поднимают в гору у церкви тихо-тихо. А попы уже в ограде. На дворе страшная стужа. Поп оборачивается, хотел бы поторопить процессию, но это немыслимо. А на кого так завидуют, как на попов. Нет, г. г., я с вами не поменялся бы ролью! Торговля – самое паскудное ремесло. Но если иметь живую душу, право, можно жить и торговлей, не испытывая укоров совести <...> Но где оно идейное то, не вижу я его нигде. Уж не выдумка ли, вроде богов, все эти высокие побуждения. Служение долгу и т. п. штуки. В «революции» Мохченской я участвовал от скуки. И чуть не сложил голову. Сложи – и попал бы в герои<...>

Похоронная процессия после отпевания покойника в церкви с. Ижма. Зима, 1900-е гг.

<...>Приехали трое солдат (из Кедвы родом, едут в гости домой) проезжих. Но надоело слушать – как они хвалятся удавить старосту, если не даст лошадей и т. п. вздор. С такой «революционностью» недалеко уедешь, бедная Россия<...>

4 февраля

С нетерпением жду сегодняшнего земского собрания. Ровно месяц прошёл с того дня, как я порвал с земством. А что оно за этот месяц сделало, ровно ничего. Строю планы мести попу – доносчику. У него подруга больна тифом, а он шляется повсюду.

Как комиссар волости, потребую, чтобы он удалился, не разносил заразы. Вот будет шикарно-то. Чёрт бы его побрал! В избе холодище. Писать неудобно. Буду ли я когда-нибудь в тёплой квартире?

<...>Давным-давно написал статью о большевиках. Листы уже истрепались от таскания на собрание. А прочесть так и не удалось: не понять зырянской толпе красоты большевистского порыва. «Не мечите бисера перед свиньями».

Собрание открылось в половине 3-го, а просидел я до 10 и ушёл, не дождавшись конца. Было до зевоты скучно<...>

В газете известие: убиты арестованные 25 октября быв<шие> министры Шингарев и Кокошкин. Прочёл, и неловко мне стало: отменили казнь для злодеев, а убивают арестованных. Революция русская! Неужели пойдёшь по стопам французской и проложишь дорогу новому Бонапарту?

В Петрограде большевики укрепились. Повсюду по городам, – тоже. Но откуда взять властей по глухим местам, когда даже для Керенского их не было, хотя ему годилась всякая сволочь? Интересно – откуда, например, взять хороших служак в Печорском краю?

5 февраля

<...>Читал отчёт о суде над Пуришкевичем*, организовавшим заговор против революции. Приговор очень мягкий. И рядом – убийство Шингарева. Революция! Зачем не можешь ты направить свою энергию более разумно? Или это – так же немыслимо, как управление льдинами во время ледохода? <...>

Чаепитие в семье богатых ижемцев в праздник, нач. 1900-х гг.

<...>Забавно, что в 1913 году отчаянно не верил в близость победы труда не только над капиталом, но и над царём, хотя осел этот надоел и капиталу, т. ч. свергнуть его было легче, чем ныне – капитал<...> Жизнь не баловала меня. Но появилась вера в людей. Откуда? Я верю, что капиталу туго придётся, только боюсь – хватит ли сил у труда<...>

7 февраля

<...>9 часов. Хотел пойти в управу, да так и не собрался. Занялся газетами, и вечер пролетел незаметно. Настроение хорошее: местные порядки идут по-старому, но я уже перестаю ими волноваться; а успехи пролетарской революции

* Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель России, монархист.

невольно радуют. По жизни и в душе я – буржуазен. Но с детства ненавидел богачей и их житьё. Не замечающее, что жизнь народа – сплошное мучение. Меня страшила грандиозность здания капиталистического общества, где человек – песчинка, капля в море. Но недаром поётся в рабочей песне: «Всё, чем их держатся троны – дело рабочей руки». Восставший пролетариат сумеет взять на вожжи всех пузаков и дармоедов, а здание разрушать не придётся: те же служаки, сбросив мундиры, будут работать на народ, как работали на верхи народа<...>

Жители одного из посёлков на р. Усе с членами экспедиции. Фотография, сделанная участником Печорско-Обдорской экспедиции. Лето 1913 г.

8 февраля

Из газет, рядом с победами Советской войны, пестрят известия о засилье «старой» (Керенского) власти. И я удивлён. Но не глупо ли это удивление: раз Оренбург, Ростов и т. д. приходится брать артиллерией, разве удивительно, что по мирным губерниям разная дрянь пытается под флагом меньшевизма и т. п. краснобайства провести усталый народ за нос? А Петроград занят крупными делами: борьбой с Калединым и т. п., устройством новой власти в центре и т. д. Ведь и Ленин с Троцким – люди. Мыслимо ли от них требовать, чтобы они могли за 3 месяца всё наладить для 180 миллионов? Интересно отметить – как сильно действует яд буржуазной печати: когда читал я лишь «Р<усское> Слово», чернившее Ленина, я не раз возмущался, говоря – «неужели некому его убить?». Теперь возмущён покушением на него и готов быть палачом убийцы, рука не дрогнет. И это не измена убеждениям, ибо они у меня те же, что и 15 лет назад, когда я, не зная о партиях, уже ненавидел произвол и буржуев. Нет, это простая доверчивость и близорукость: Ленин казался мне полубольным крикуном, вроде максималистов 1906 года, кричавших, что социализм возможен в те годы. Теперь я вижу, что большевики работают не только «по-моему» (т.е. берут буржуев на вожжи), но и лучше моего, они хотят жить вовсе без буржуев. Смогут ли, нет ли – вопрос. Но идут впереди революционной толпы, рискуя гибелью ежечасно. Земной им за это поклон и вечная слава! А всем врагам проклятие и лютая смерть! (Жаль, что тигров пытаются унимать шумом, огнём костров, холостыми выстрелами и т. д. Террор был бы куда лучше) <...>

11 февраля

<...>Меня неприятно поразило, когда увидал, что большевистские газеты не советуют принимать в советы торговцев и кулаков. Почему? – думал я. Неужели какой-нибудь учителишка, пьяница и шаромыжник лучше торговца? <...>

Учителя и учащиеся Ижемской церковно-приходской школы, на фоне здания школы, построенного в 1889 г. на средства купца А.Е. Филиппова (Зиня) (сидит в первом ряду). Рядом с ним учитель Филиппов В.И., священнослужители, 1900 г.

12 февраля

<...>пришёл я к такому неоспоримому выводу: революция наша – справедлива, как революция 1905 года, но она искусственна, за нею пошло мало народа<...>

14 февраля

<...>10 часов ночи. Только что вернулся из школы, с собрания. День был, на редкость, боевой и, на редкость же, удачный. Я добился своего во всех отношениях. На память запишу по порядку.

<...>Прихожу в Земство, а там – чуть не бой. Гласные, с прохвостом – попом во главе, кричат, что сегодня их день, посторонним же – не место. Я, с места в карьер, поднялся на стул и давай чесать. Коротко говоря, потребовал бросить просьбы, собраться в школе и решить дело наотрез. В школе и пробились ровно 10 часов подряд. Управу свалили очень торжественно. Даже гласные подтвердили, что следует сместить. Я, не хвастаясь, спас положение и направил дело в русло. Прохвост-поп предложил в начале заседания меня удалить, но за это чуть всех гласных, вместе с попом, за бороды не вытаскали из школы. Положение повисло на волоске. Выйди я на 10 минут, и всё разлетелось бы к чёрту. Солдаты ревели: «Долой земство, вывести их всех», народ гремел как гром<...> Поспорили, и всё устроилось. Прохвостов прогнали, шум в волости утих, посадили приличных людей. Остался один пр<едседате>ль, да и то потому, что не нашлось людей: все начали отказываться, и пришлось его снова посадить на место, с предупреждением, что будет он ходить на коротких вожжах<...>

15 февраля

Ходил в амбар за мукой. И поразился, видя – как приветливо встречает меня народ, торжествуя перемену воровской Управы<...>

16 февраля

<...>Кулаки похваляются, что выбили мои окна. Уверяют, что ждали меня с револьверами. Отлично. Если так – судьба ещё столкнёт нас, и тогда мы посмотрим – кто из нас лучше стреляет. Если удастся получить Маузер, я вам покажу – как бить ночью стёкла, долго будете помнить<...>

17 февраля

<...>Вечером. Весь день просидел за выдачей пайков семьям солдат. Выдали 75 семействам. Между прочим, убедился я, что не мне служить в Управе. Народ в массе своей – скотина. Трудно с ним ладить. На слово не верят, над бумагами смеются. Как с ними быть? <...>

20 февраля

<...>Вдруг ужаснулся перспективам весны: в Устьцильме масса хлеба, в Щельяюре – тоже; а у нас будет чисто, придётся громить их, сволочей. И я уже разрабатываю план набега: на 5-6 пароходах нагрянем в гости и потребуем «продать добровольно». Если не продадут – предложим мирному населению убраться подальше и грянем в атаку. Г.г. Архангельские воротилы! Неужели вы этого хотите, чёрт бы вас побрал!

<...> «Интеллигенция» обеспечена и молчит, буржуи открыто орут – «наш хлеб, мы и едим». Отлично! Что-то запоёте вы весною, когда для собраний будет у народа 24 часа свободных, когда не надо будет через десятских созывать народ, когда не надо будет помещений, керосина и т. п. чепухи. Только бы дожить до этой весны!

Днём. Вплотную подошёл ужас: немцы наступают на Петроград, внутри – каша, появился призрак царизма – городовые на улицах Минска, расстрелы рабочих за то лишь, что руки в мозолях<...> Буду верить, что народ победит. А если нет? Успокаивает то, что против немцев – все, так что новое пр<авительст>во найдёт солдат. Если же всеобщее свинство окажется фактом, если народ согнёт шею – останется лишь умереть. Пишу спокойно<...>

Закусил, почитал «Газету Раб<очего> и Кр<естьянского> Пр<авительст>ва» и успокоился: не хочется верить, что так глупо попались немцам, что зря распустили армию и т. д. Думаю, что не выгорит немецкое наступление, не выйдет ничего и из буржуазных попыток – подавить народ силой. Знаю, что крепко сидит в человеке свинство. Но миллионы рабочих знают, что поражение смерти подобно. Неужели поддадутся?

<...>Зашёл в Управу. Публика там была пёстрая: кто рад грядущей гибели большевиков (?!), кто ликует, что попадут зыряне под крыло Англии, кое-кто чуть-чуть озабочен призраком голода. Вот и всё<...>

Революция только теперь вышла из кавычек: юнкера и офицеры казнят народ, выбирая тех, у кого руки в мозолях; красная гвардия лупит белоручек. Не сегодня-завтра воскреснет и смертная казнь. Что-то будет! а долго так не протянется: в ту ли, в другую ли сторону, но в 1918 году должно склониться окончательно.

Читаю «Газету раб<очего> Пр<авительст>ва» от 26 января, а башку сверлит вопрос: «что теперь на фронте, что в Петрограде?» У нас ещё есть армия: солдаты 1910–11г. г. не распущены по домам. Но если кого противопоставить немецкому натиску? И каково будут биться те, кто уже полгода убеждён, что война кончена? Почему-то я, прежде смертельно ненавидящий немцев (не любил я их и до войны), не веривший, что без разгрома совершат они революцию, вдруг начал им верить. Кажется мне, что двинули их в бой насильно, что не выйдет толку из этого удара<...>. Мировая революция – прелестная вещь. Но возможна ли она теперь? И не зря ли вконец обозлили союзников прежде времени? Конечно, раздавить нас они не дадут (им не

* Советы крестьянских депутатов.

выгодно), но потрепать дозволят. Говорят, что генералы наши ведут сотни тысяч казаков и сброда на усмирение народа. Чего вы хотите, г. г.? Чтобы захлебнулась Россия в русской крови?

21 февраля

<...>Революция наша начинает переходить во что-то очень некрасивое: бывшие главнокомандующие, плакавшие от радости перед солдатами, после свержения Николая и при виде общего энтузиазма армии, ныне ведут банду хулиганов – усмирять народ; бывшие герои (без кавычек) – предводители войск в дни первой революции, покушаются на Ленина и попадают в тюрьмы; тут же примешаны Пуришкевичи, румынские и польские помещики и т. д. и т. п. Неужели, как у французов, изойдёт кровью наша революция? Неужели люди хотят получить непременно всё или ничего, чем хоть что-нибудь? Читаю газеты и с грустью вижу, что ошибок очень и очень много<...>.

23 февраля

<...>Я с самого начала этой революции говорил, что политическая революция – сказка, что надо бить по карману, бить по цепям кабалы. А вы священную частную собственность и теперь бережёте. <...>Жду не дождусь перехода власти в руки советов, их нет, но они будут и здесь<...>.

Днём. Мохченская революция пришла скорее, чем я предполагал. Приехали из Ижмы 2 товарища и привезли телеграммы, полученные в Устьцильме. Там коротко и ясно требуют Арх<ангель>ские товарищи, чтобы повсюду организовались советы кредепов*, облагали буржуазию без всякой пощады, организовали красную гвардию. При-

Художник Ф.Е. Канев.

шли 5-6 солдат новоприбывших. И я разошёлся. Решил, что дальше ждать – преступно. Будь, что будет, а я выступлю без промедления. Пусть в Минеге – царский режим. У нас будет другое. Пошли в Управу, и я изрезал портрет Александра 2-го, оставив на нём подпись:

«Изрезал Мохченский Народный Комиссар Николай Зыков. 23 Февраля 1918 года. Царей в России не будет никогда. Да здравствует социализм !». Сегодня соберём кое-кого из ребят. А в воскресенье выберем совет кр<естьянских> депутатов Мохченской волости.

<...>Да здравствует Печорский Назарет – наша скромная Мохча – первая ласточка социалистической весны в Печорском крае<...>.

<...>Написал на большом листе воззвание гражданам. И снова готов поверить, что дела пойдут. Мальчишки – горлодёры, может быть, и скоро устанут. Но разве в них сила волости? С чего же унывать, ещё не начавши дела?

24 февраля

Ужасает отсутствие работников. На 50 тысяч населения нет 50 развитых людей, готовых идти с народом. Разве это мыслимо? Бакуринское общество – царство буржуев<...>. Ну кто из них образует Совкрест?* Некому. Кто образует Совкресты по глухим, забытым сёлам Печорского края, когда даже бессильное то Земство не могли наладить. Думаю, думаю, иногда, и прихожу к убеждению, что диктатура пролетариата не только желательна, нет, она – вода для пожара, сжигающего народ. Хватит ли только сил у пролетариата<...>.

25 февраля

Из Арх<ангель>ска в Устьцильме получена телеграмма с предложением – вербовать добровольцев в Красную Армию и еженедельно сообщать о ходе работ по вербовке. Воображаю себе этот «ход работы»: наверно, ни одного солдата не удастся из этого бардака выманить. Вспомнят, да поздно, что зря всех распустили. Свобода-то свободой, а в военно-революционное время кислятине места не надо бы давать: поставь армию в хорошие условия, объясни цели и веди куда угодно. А разве мыслимо верить, что пойдут добровольно все, кто мог бы без слёз пойти по призыву? Ребяческие надежды! И дорого заплатит за них революция<...>.

Читал сегодня анархистскую газету и пришёл в ужас, начинается обращение (напечатано афишными буквами на 1 странице) с матросов и кончается жуликами, громилами и нищими. Всем предлагается занимать дворцы, забирать, что понравится в магазинах, жить – кому как вздумается. Неужели это не сумасшедшие пишут? Надо бы эту газету дать почитать буржуям. М<ожет> б<ыть>, тогда они не назвали бы нас разбойниками<...>.

<...>Размечтался о том – как много хорошего может сделать совет для здешнего края: улучшение лугов, травосеяние, опытный огород, мастерские, помощь промышленникам, общественная торговля. Да всего и не перечтёшь<...>.

<...>Я собирался стать во главе мстящей толпы голодных. Теперь попробую стать главою организованной общины<...>.

9 часов. Наконец-то, освободился! Собрание долго не могло открыться. Я пошёл в разгар реакции<...>. Председателем меня почему-то не выбрали, а выбрали секретарём. Ужасно мне было это обидно. Но, м<ожет> б<ыть>, просто потому так вышло, что я хорошо пишу. Как бы то ни было, собрание провёл я один: прочёл свой доклад о большевиках, объяснил – в чём разница между Земством и советом, провёл и выборы в Совет (30 чел.) и в дружину Красной Гвардии (21 чел.) <...>. Мужички были весьма довольны, что дело, наконец-то, направляется. Выбранные полны желания работать; красная гвардия потирает руки<...>.

26 февраля

<...>Утром составил телеграммы в Устьцильму, Арх<ангель>ск и Петроград. Через 3-4 дня Мохча войдёт полноправным членом в Российскую Республику Советов.

Работать некому. Прочитал список членов Ревкома и ужаснулся: все – молодёжь, все солдаты. Не сойдёт ли с ума «народ», когда примемся мы за дело? <...>.

<...>Пришли в Управу, и я объявил, что власть переходит в руки Исполкома. Затем пошли в школу и там произвели выборы. Я, конечно, попал в пр<еседате>ли Исполкома<...>. Теперь попал я, кажется, наконец-то, на своё место<...>. Как бы то ни было, завтра устраиваем праздник революции, поднимем над управой красный флаг и возьмём управление в свои руки. Завтра кончится первый период Мохченской революции, период надежд. Начнётся народоправство. Будет ли оно лучше Комитета и Земства?

Сегодня один буржуйский сынок едва не задавил меня лошадью, наехавши сзади. Я едва сдержался, чтобы не убить собаку. Был он пьян, как сапожник, и нарочно лез на скандал. Я пока ограничился только тем, что приказал ему не гонять по Мохче, пригрозив тюрьмой. И он подчинился. А ночью, наверное, опять зазвенят мои стёкла<...>.

27 февраля

Годовщина революции. Целый год бьётся в судорогах Россия. Что за ними: гибель или спасение? И сколько лет придётся страдать трудовому народу из-за того, что не хотят дармоеды добровольно расстаться со своим сладким житьём? <...>.

<...>Около часа по полудни двинулись по селу с пением революционных песен. Впереди несли плакат (сукно с управского стола!) с надписью: «Вся власть советам трудового народа». За ним шла рядами наша бравая красная гвардия, причём внушительно покачивались 8 ружей и между ними 2 винтовки со штыками. Сзади шло море мальчишек, Совет почти в полном составе и сотня народа. Обошли почти всё село и напелись досыта<...>. После обхода села полез я на решётку Управского забора и сказал несколько слов по поводу происшедшего 24–25 Октября переворота, по поводу перехода власти в руки народа<...>. Сегодня один черносотенец оскорбил нашего красногвардейца (моего первого товарища), и тот надавал ему прикладом. А я подтвердил, что слабости быть не должно: за оскорбление бей прикладом, за нападение – коли штыком насмерть<...>.

28 февраля

<...>Ночью сел я поесть. Вдруг опять заорали ни улице пьяные гонщики и принялись гонять мимо моих окон. Сердце заныло: стрельба из револьверов по дому, ведь это же –

смертная игра<...>. Я решил узнать таинственных стрелков<...> взял двухстволку и пошёл с ребятами – узнать окончательно, кто такие эти стрелки, столько ночей не дающие семье моей покоя. Подходим к Управе. Там <...> кричал во весь голос, проклиная меня, отец того мужика, на которого я думал, что он бьёт окна<...>. Подошёл старик к нам, а в руках и у него дубина. Принялся он меня ругать<...>. Не успел я ничего возразить, как подошёл и сын. И опять новая дубина у него в руках. <...>Вижу я, что отец с сыном на меня наступают. Поднял ружьё и кричу, что у меня в руках двустволка, что я уложу их обоих, если вздумают на меня броситься<...>. Отступил я уже шагов на 20, а отец с сыном всё подходят в плотную. Еще двё-три раза крикнул я, чтобы не подходили, предложил прочим свидетелям разойтись, чтобы их не зацепило, а толку всё нет. Вдруг летит роковая рослая лошадь с большими санями и прямо на меня. Перед этим же хулиган – сын божился, что не знает – кто с ним был. А седок выскакивает из саней и бросается ко мне. Промедли я 2 секунды и лежал бы теперь на дороге. Но я понял, что это смерть моя пришла, что необходима вся моя сила, чтобы избежать неизбежной, как будто, кончины. Вскинул я ружьё и ударил по сыну. Он без звука повалился на снег. Отец налетел, было, на меня; растерявшись на секунду, озверел я чуть не до потери сознания и выпустил второй заряд. Сунулся в снег и старик. Так и падали, как мешки с мукой, а я был как в бреду, забыл и про револьвер. Вдруг трах, трах, трах – загремели по мне револьверные выстрелы третьего хулигана. И я почувствовал, как холодает всё существо моё

Художник Ф.Е. Канев.

от этих смертельных хлопков. Взмахнул пустым ружьём и ударил нападавшего по голове. Но он был в малице, удар не оглушил его. Сунулся он мне под ноги, я упал на него, придавил и кричу товарищей на помощь. Забыл совершенно и про револьвер и про финский нож, лежавшие в карманах. Слышу, что прострелена у меня левая рука, чувствую боль от пули в боку, изнемогаю в борьбе, а товарищи как в воду канули. Слышу я – подбежал ко мне один из врагов и ударил дубиной по голове, поднял и снова трах меня по лбу. Голова закружилась, вскочил я и пустился бежать. Кричу своих товарищей, но их и след простыл, разбежались и свидетели. Кинулся я домой, а за мною с криком бежит кто-то, дико ругаясь<...>. Открыла мама крыльцо, а я едва говорю: «Мамочка, что же это, Господи, меня чуть не убили, весь я в крови и ранах. Я убил двоих, мама, тяжело мне, больно». Стою и болтаю, точно младенец. А сам дрожу как в лихорадке. А в душе – ад. Поехали двое за доктором. Но он предложил приехать мне лично. Пришлось садиться и ехать. Дорогою повстречали раненого старика, видели труп убитого сына, распластанный на месте его бесславной кончины. А в больнице узнали, что был ещё раненый, третий по счёту<...>.

<...>Труп хулигана уже был положен на дровни. Вокруг стояла родня и целая толпа буржуазных прихвостней. Слышался явственный ропот по моему адресу. Дело представляли так, что я убил мужика и ранил двоих совершенно напрасно.

МАРТ

2 марта

<...>Характерная иллюстрация порядков Печорского уезда: пришёл ко мне мужичок из села Кычкара и пожаловался, что его с 2 товарищами публично подвергли наказанию верёвочной плетью в волостном Правлении по приказу председателя<...>. Факт этот, может быть, послужит на пользу и мне и делу: видит народ – как плохо без власти. А раз увидит, – отсюда очень недалеко до убеждения в необходимости Советов.

<...>Плохие вести идут и из Питера: немцы наступают, предлагают унизительные условия мира. В стране полнейшая анархия.

3 марта

<...>Забавно, что в Устьцильме в Совет выбирали человек 30. И комиссар не волынил. Нас выбирали 150, утверждали 250. И он бормочет, что это незаконно. Как же это так? Из Арх<ангель>ска есть прямое указание: порядок выборов определяет население. А у нас кто? <...>

5-й час. Победа за нами! Да здравствует совет трудового народа! Собралось народу человек около 500. Но бакуринцев мы удалили, п.ч. они выделяются в волость. Комиссар сказал недурную речь, я произнёс ещё почище. А затем произвели баллотировку шарами: оставить ли совет или выбрать новый. За наш совет подали 218 голосов, против – 76. И как раз принесли протоколы из Кулима и Щели: в Кулиме за нас подано 116 голосов, в Щели – 95. Огласил я эти бумажки и закричал: «Товарищи, да здравс-

твует порядок! Ура!» Громовое «ура» потрясло стены училища. Комиссар спросил – оставить ли при Совете Земство. Против поднялись почти все руки, а за Земство – десяток. Раздался дружный смех<...>.

4 марта

Принесли бумажку от доктора: умоляет о помощи деньгами, обещая немедленно закрыть больницу, если не будут даны деньги. Нужен ли Совет? И не стыдно буржуям спрашивать? <...>

Днём. Ходил в Управу. Но никого там не было <...>. Все празднуют, как будто ни в чём не бывало, а полученные газеты кричат о том, что революция повисла на тонком волоске: немцы наступают, стремясь раздавить Советскую Республику; внутри анархия и заговоры без конца и счёту<...>.

Прикинул сейчас смету Волост<ного> Совдепа. Получается кругленькая сумма – 15 тысяч в год. Но тут зато: суточные всем членам Совета, 6 красногвардейцев постоянно на лицо и т. д. И, всё-таки, никуда негодная Управа стоила на 12 р. в день дешевле Совета. Неужели мы на 12-то рублей не принесём народу пользы ? <...>.

<...> Прошёл ровно год, как докатилась досюда весть о свержении последнего Романова. Целый год переваривалась Мохченская власть. Наконец, процесс завершился победой народа. Интересно будет посмотреть: даст ли что-нибудь народу новая, желанная власть; или же и она оправдает грустную аксиому: «Каждый народ имеет то правительство, которого достоин»?

5 марта

<...> Какой-то нищий старик подговорил бабу <...> начать делать фальшивые деньги. Она отдала ему будто бы 120 рублей, а он с ними сбежал. Брат догнал его в Диюре и привёз обратно. И вот теперь 2 дня держат в каталажке голодом; сегодня публично били по лицу, дёргали за бороду. И я с ними увлёкся: грозил завтра повесить старика, если не вернёт денег. А после стало стыдно. Велел отпустить старика, но он не мог идти. Пришёл я в камеру. Старик лежит и тихо стонет. Жаль стало несчастного бродягу. Поел дома горошницы и принёс ему немного в туеске<...>.

6 марта

<...> Вчера приезжали «товарищи» из Ижмы и просили 5 винтовок (?!). Я отпустил их ни с чем: у нас, во-первых, у самих-то ни одной винтовки не осталось, а во-вторых, история с патронами ещё слишком свежа в моей памяти: 5 марта кричали – Боже упаси от стрельбы; а 6-го вдруг начали экстренно вооружаться! <...>.

8 часов вечера. Кончен ещё один день. Было собрание Совета с участием буржуев и их подголосков. Решили буржуи – сами собрать денег на хлеб. А по поводу Совета и гвардии кряхтят: нельзя ли поменьше расходов производить. Чуют подлецы, что придётся тряхнуть кошелем! Надумали мы допустить в Совет буржуев<...>.

8 марта

Утром. Мама говорит, что ночью опять стреляли около дома<...>.

9 марта

<...>Посылаю телеграмму в Арх<ангель>ск, прошу оружия <...> работать без оружия – нечего и думать<...>.

<...>Буржуев пока оставил в покое. Может быть, нарвутся под заряд. Не надо тогда и с протоколами возиться. Народ на битьё стёкол смотрит равнодушно. У меня же зубы скрипят<...>. Из Ижмы обещают несколько браунингов: будто бы, посланы из Архангельска. Ожидаем оружия и из Устьцильмы. А, вооружившись, справимся не только с 2-мя хулиганами, а хоть с 200 хулиганов<...>.

10 марта

<...> Завтра – общее собрание по хлебному вопросу. Некоторые буржуи дали на покупку хлеба очень солидно; другие – нищенскую долю. Завтра выяснится: сможет ли наш совет вести дела мирно, или понадобится хорошая плеть. Я, конечно, убеждён, что без принуждения ничего не выйдет, тем более, что денег надо не только на хлеб, а и на многое другое<...>. Придётся, так или иначе, а брать буржуев за хохлы<...>.

АПРЕЛЬ

5 апреля

<...>Теперь кулаки поумнели, они все «за Совет» <...>. Заметил при обходе – как быстро стареют здешние красавицы. И опять потянуло в Россию. Здесь 8 месяцев холодно, 2/3 жизни погибают напрасно. А я так люблю тепло, зелень, цветы! <...>

18 апреля

<...>Пришла баба и просит хлеба. Апрельский паёк съела. 5 фунтов добавки ей мало. Откуда же я ей возьму? Отдать майский пай? Но тогда в мае заревёт. И вот в таких «делах» проходит весь день с утра до вечера<...>.

<...>Взял газету «Буревестник» – орган федерации анархических групп. Читаю и всей душой сочувствую идеям анархизма. Но не соглашусь с их мнением, будто анархизм осуществим сейчас в государственном, и даже мировом масштабе. Товарищи! Поверьте, вы не знаете жизни! Бывало, в детстве, мне казалось, что в праздники у всех и настроение праздничное: и у богатых, и у средних, и у водовоза и у нищего. Потом я убедился, что это самообман. Так и с партиями. «В Кронштадте 15 тысяч анархистов», – в ужасе шепчут буржуи. «А в Печорском краю – ни одного», – говорит голос жизни. Анархические коммуны возможны. И их, наверное, много возникнет в ближайшее время. Но анархическая «губерния» – это почти не мыслимо. Нетрудно перерезать и ограбить всех паразитов, нетрудно отнять всё у всех и сделать общим. Но не мыслимо, в наше подлое время, скотов сделать идеалистами<...>.

20 апреля

<...> Вышел на улицу – колоть телёнка. А он такой большой, весёлый. Не поднимаются руки, что хочешь делай. Стою и думаю: «Как же людей-то стрелять будешь (м.

б. через час придётся!), если так раскис?» Взял топор и... через 5 минут уже мыл у рукомойника окровавленные пальцы. «Жизнь – копейка», – говорят люди. Копейка ли, нет ли, но смерть – такая быстрая штука, что, ей Богу, напрасно люди так её боятся: болезнь и раны несравненно страшнее перехода в небытие.

21 апреля

<...>Казалось, что Совет сегодня не собрать: народ парится в бане, готовится к празднику. Подумал я и накатал от себя приказ по поводу сена: запрещаю продавать больше 3 пудов одному лицу, предупреждаю, что, в случае падежа, богатые ответят (без вознаграждения) своим скотом за погибший скот трудового народа. Вот вам, буржуи, яичко к празднику. Бедным же, без шуток, весточка эта приятнее жареного гуся<...>.

Дело идёт к вечеру. Настроение чуть-чуть приподнято. На постели у меня лежит солдатская магазинка, чего никогда не бывало: жду открытого нападения, не только ночью, а в любую минуту. На столе – наган, на кровати, рядом с матрацем, берданка. Кругом орудия смерти, и каждую минуту готов я к бою<...>.

22 апреля

Взял «Ниву» и долго лежал на кровати, читая рассказ из современной войны. А мысль работала не над поражением той или другой стороны, а над возможностью мирного сожительства народов. Люди пророчат, что через 10 лет пушки будут бить на 200 вёрст, войны станут ещё ужаснее. А я пытаюсь верить, что эта война пробудит хорошие зачатки в человечестве. Никакие брони и снаряды не дадут столько благ, сколько даст хороший опыт революционного переустройства хотя бы маленького государства. Неужели и после того, как положили в землю минимум 12 миллионов людей – не попробуют люди приняться за корни, порождающие эти столкновения? <...>.

МАЙ

3 мая

<...>До 4 часов время пролетело незаметно. Были торги на станции, потом немало времени убили на разговор с представителями отделившихся волостей: требуют хлеба, требуют часть имущества, вплоть до икон, стульев и чернильниц. И грустно и смешно: надо всеми силами объединяться, а тут раздел, рождающий вековую вражду в народе<...>. Явились в Управу – беседовать с прибывшим членом Уездисполкома. На вид парень недурён. Но ограничен ужасающе: напр<имер>, декрет о гражданском браке назвал необязательным, п<отому> ч<то> там сказано – «церковный брак является частным делом брачующихся». Вот как понимают декреты! А ведь эти 10 человек должны проводить в жизнь предписания высшей власти среди 50 тысяч населения Печорского края!

6 мая

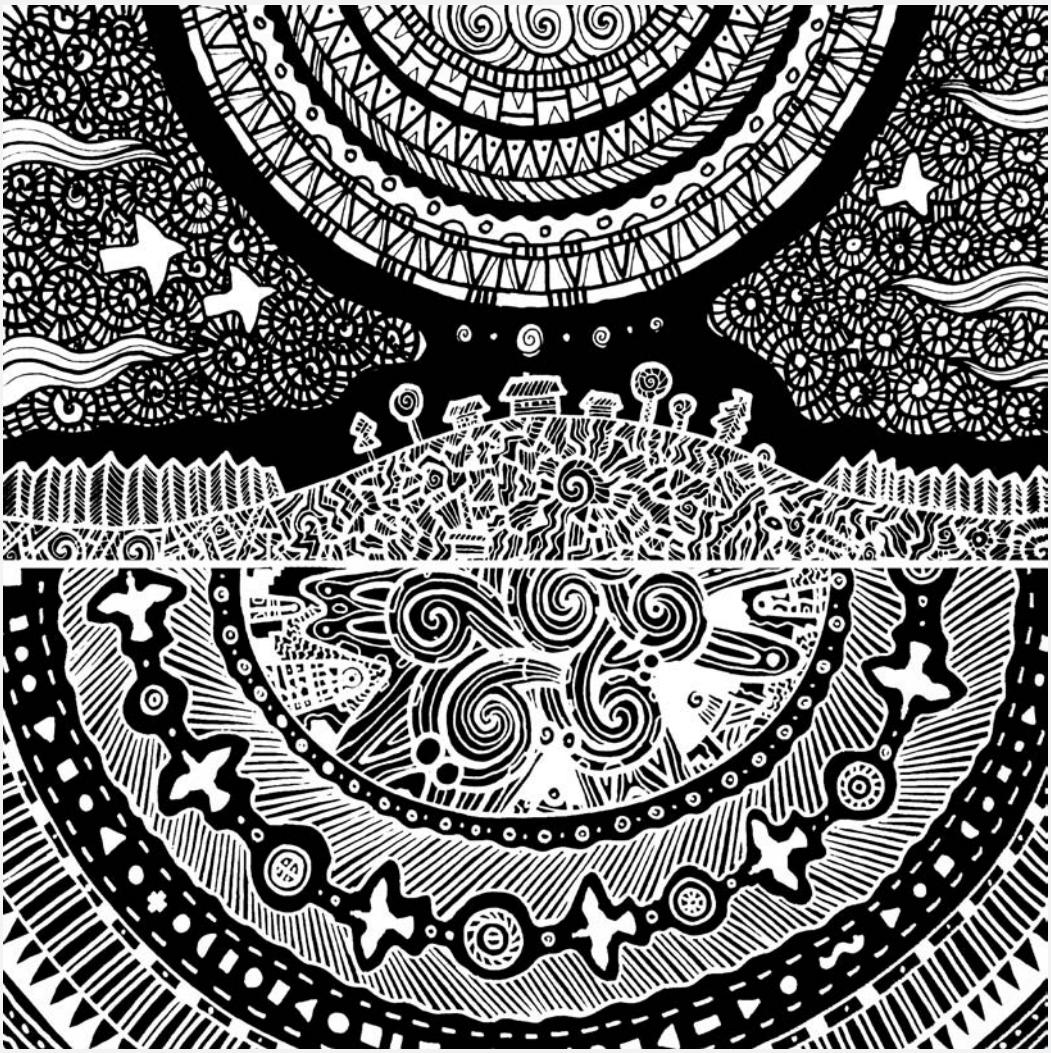
<...> 5 часов. Опять до отвалу насиделся в Совете, давая пособие. Дела, при моём участии, идут заметно глаже, чем «без оного»; лишний грамотный человек, не заеден-

Вид на центральную улицу с. Ижма Печорского уезда. [1900-е гг.].

ный страхом перед начальством, видимо, весьма полезен. Но, зато, и устаю я дьявольски: затылок ломит, точно кто штыком ковыряет в нём. Погода роскошная: тихо, безоблачно, 20 тепла, всюду журчат ручьи. А тут неизбывная суета в управе и дрязги с новым Советом <...>.

Вечером часа 2 гулял по берегу Ижмы. Развлёкся я весьма недурно. И опять заколебалось твёрдое намерение – уехать отсюда совсем <...>.

ЗЫРЯНСКИЕ ШТУДИИ



Наталья Ивановская

Ивановская Наталья Ивановна *– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Северо-Запада и Прибалтики РЭМ.*

Александр Чувьюров

Чувьюров Александр Алексеевич *– кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья РЭМ.*

Этнографическая экспедиция Л.Л. Капицы в Коми Автономную область (1926 г.)

Приходится работать среди староверов.
Это значит, что в избе курить нельзя.
Не дают своей посуды и т.д.
Здесь ещё многие не употребляют керосина –
считая это грехом и наваждением дьявола.

Из письма Л.Л. Капицы брату, П.Л. Капице
(9 августа 1926 г., с. Усть-Щугор)

В одном из крупнейших в России собраний по традиционной культуре коми, хранящемся в Российском этнографическом музее, заметное место занимают этнографические коллекции, собранные сотрудником ЭО РМ Л.Л. Капицей в 1926 г. в Коми Автономной области.

Леонид Капица.
Начало 1910-х. ЦГИА СПб.

Долгое время эта фамилия преимущественно ассоциировалась с яркой личностью его брата, выдающегося физика, Нобелевского лауреата Петра Леонидовича Капицы, а имя Леонида Леонидовича Капицы, в основном, было известно только очень узкому кругу музейных специалистов-этнографов. Между тем, научное наследие Л.Л. Капицы включает уникальные этнографические вещевые и фотоколлекции, собранные им в 10-20-е гг. XX в. у финно-угорских народов Европейского Севера – саамов, карел и коми на территории Кольского полуострова, Карелии и Республики Коми, а также у русского поморского населения Русского Севера. Ценнейшие в научном отношении коллекции, отражающие культуру этих народов, насчитывают более 200 предметов и почти 600 фотографий. Они зафиксировали всё многообразие традиционно-бытовой культуры этих народов. Л.Л. Капица не только внёс значительный вклад в развитие финно-угроведения, но и стоял у истоков становления в России научного документального кино. Наша задача – вернуть его имя в историю этнографических исследований и научной кинодокументалистики.

Пётр и Леонид Капицы. Конец 1910-х.
Мемориальный кабинет-музей академика П.Л. Капицы при Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН (Москва).

Печорская этнографическая экспедиция в Коми Автономную республику, которой посвящена настоящая статья, лишь один, достаточно яркий эпизод из жизни и многогранной научной деятельности Л.Л. Капицы.[1]

Порой жизнеописание давно ушедших исследователей напоминают увлекательный роман, наполненный событиями и сложными жизненными коллизиями, отражающими время, в котором им довелось жить. Жизненный путь и судьба Л.Л. Капи-

Ёла, беспалубное однопарусное промысловое судно. На заднем плане – большое парусное судно для экспорта рыбы. У борта ёлы среди промысловиков – Леонид и Пётр Капицы. Мурман. «Великороссы»-поморы. 1913. АРЭМ 3620-4.

цы достаточно типичны для поколения учёных, начавших научную карьеру незадолго до 1917 г. – в переломный период российской истории, когда судьбы многих из них складывались весьма драматично.

Он родился в 1892 г. в интеллигентной петербургской семье.[2] Его отец — Леонид Петрович Капица, военный инженер и строитель фортов Кронштадтской крепости. Мать, Ольга Иеронимовна (урожд. Стебницкая) – филолог, специалист в области детского фольклора и литературы.[3] Леонид Леонидович был старшим братом будущего всемирно известного учёного-физика Петра Леонидовича Капицы.

В 1911 г. после окончания гимназии Леонид Капица поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. В годы обучения в университете он занимался углублённым изучением антропологии и этнографии в семинаре известного учёного Ф.К. Волкова (1847–1918), учениками которого были такие известные впоследствии учёные, как С.И. Руденко, П.П. Ефименко, Д.А. Золотарев.[4]

Свою первую этнографическую экспедицию, по заданию Русского антропологического общества, Капица совершил в Архангельскую губернию для антропологического и этнографического изучения «великороссов»-поморов и лопарей (саамов).

В поездке Л. Капицу сопровождал его брат – будущий лауреат Нобелевской премии Пётр Леонидович Капица.

Любопытно, что в результате этой поездки появилась первая научная публикация, и единственная этнографическая работа в научном наследии П.Л. Капицы, в которой он описывает некоторые виды традиционных промыслов у поморов, в частности, лов трески и её обработку, а также целебные свойства рыбьего жира. Статья с авторским фотографиями была опубликована в журнале «Аргус».[5]

Следующая экспедиция в Архангельскую губернию Л.Л. Капицы состоялась в 1914 г., в которой он по поручению Этнографического отдела Русского музея, проводил сбор этнографических предметов среди саамов.

Учёба в университете была прервана начавшейся Первой мировой войной: 3 года Л.Л. Капица служил в студенческой санитарной организации, занимаясь эвакуацией раненых, а в 1917 г. был призван на военную службу, на которой находился до 1920 г.

В 1921 г. Л.Л. Капица вновь становится сотрудником ЭО РМ. В 1921 г., сразу после поступления на работу в музей, он совершает экспедицию в Кемский уезд Архангельской губернии, изучая быт и культуру карел.

В 1924 г. Капица совершил заграничную поездку в Англию, Швецию и Данию, во время которой он познакомился с первыми опытами этнографического кино зарубежных кинодокументалистов: «Первобытный человек на о. Борнео», «Каннибалы», «Путешествие на о. Мадагаскар».

Тарантас с парой лошадей на тракте Помоздино – Троицко-Печорское. АО Коми, Усть-Куломский у. 1926 г. Коми (зыряне). РЭМ 4860-8.

Охотник-промышленник в полном снаряжении перед выходом в лес. АОб Коми, Уст-Куломский у., р. Илыч, дер. Сарьюдин. 1926 г. Коми-зыряне. РЭМ 4860-17а.

В 1925 г., после возвращения из заграничной поездки, Капица совершает поездку в Архангельскую губернию, где им была собрана коллекция по «великороссам»-поморам. Затем последовала экспедиция в Автономную область Коми (1926 г.), которая продолжалась три месяца – с начала июня по сентябрь 1926 г. Задачей его научных изысканий в Коми крае, как он сообщает в письме маме – Ольге Иеронимовне Капице (письмо от 26.06.1926 г.), является экономическо-этнографическое обследование коми селений в бассейне Верхней Печоры.[6]

Начальным пунктом экспедиции Капицы в АО Коми стал административный центр области г. Усть-Сысольск (с 1930 г. — Сыктывкар), куда он прибыл на пароходе из Архангельска 6 июня 1926 г. Здесь он намеревался познакомиться с местными специалистами, но никого, кто мог бы ему оказать содействие в его работе, он не нашёл.

Ко времени приезда Л.Л. Капицы наиболее авторитетные исследователи из числа местных этнографов и фольклористов оказались за пределами Усть-Сысольска: В.П. Налимов, продолжая заниматься этнографией и фольклором коми, в это время проживал в Москве; молодые специалисты из числа местной интеллигенции А.С. Сидоров, Г.А. Старцев находились в научной командировке в Ленинграде.

Областной центр, – г. Усть-Сысольск, показался Капице малопривлекательным местом: «*Устьсысольск – это большая деревня – нет даже кино – это меня поразило очень. По улицам ходят коровы и лошади, публика* <нрзб> *– пьянствует здорово – и каждый день можно видеть ряд отвратительнейших сцен* <…> (письмо О.И. Капице от 12.06.1926 г.). Неблагоприятные впечатления усугубляла и погода, которая была не характерной для средних широт этого времени холодной: «*Погода здесь стоит холодная, часто спускается до 2-3^0, и даже третьего дня шёл снег*» (письмо О.И. Капице от 12.06.1926 г.).

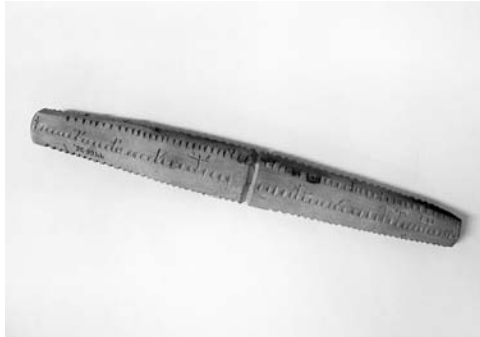
Из Усть-Сысольска, с остановкой в дер. Карыбйыв[7] (Усть-Вымский район), Капица по тракту через с. Помоздино 24 июня 1926 г. прибыл в с. Троицко-Печорское.

В Троицко-Печорске Капица проработал неделю. В Троицко-Печорском он при-

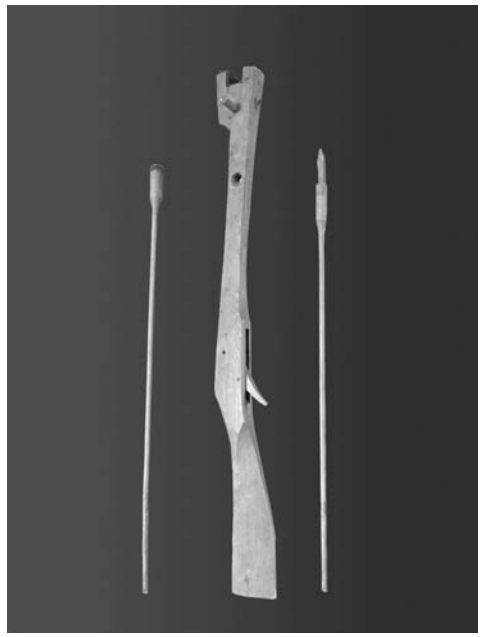
обрёл несколько экспонатов для фондов музея (образцы домотканины, пугало для огорода) и сделал несколько фотографий: крыльцо избы; хозяйственные амбары; баня; лодка, характерная для жителей верхнепечорских деревень: шитик — узкая, длинная лодка, с небольшими бортами. В письме маме (от 30.06.1926 г.) он приводит некоторые подробности своей работы в Троицке-Печорске: *«Дорогая моя мама! Вот уже 6 дней как я в Троицко-Печорском. <…> Обследовал уже два хозяйства, одним словом, всё, что приходилось по заданию по Троицко-Печорску, сделал. Кроме того, один из моих объектов оказался интересным человеком. И удалось узнать у него многое, что связано с охотничьими суевериями. Я не ленился и всё записывал, и порой переспрашивал, и получился интересный материал. Кроме того, достал несколько пустяковых вещичек для музея. В общем, работаю по 10 часов в день, много пишу, и как-то появилась моя старая энергия <…>»*. Далее в письме маме он сообщает, что собирается с одним промысловиком подняться вверх по Илычу: *«Теперь завтра с одним старым промышленником отправляюсь вверх по Печоре и по р. Илычу до дер. Сарю-дин[8], там у меня будет обследование, и кроме того, хочу сделать серию охотничьих съёмок для музея и вообще поближе познакомиться с охотничьим миром»*.

Стационарные обследования в бассейне реки Илыч Капица проводил в двух наиболее крупных населённых пунктах – дер. Усть-Илыч и Сарьюдин, кроме того, были обследованы промысловые путики по Илычу.

Поездка на Илыч оказалась для Капицы весьма продуктивной. Здесь ему удалось заснять ряд сюжетов, связанных с охотничьим промыслом и рыболовством: охотник в полном снаряжении перед выходом в лес, на охоту; охотничья тропа – путик, со специальными затёсами; охот-



Деревянный календарь шестигранной формы (дл. 26 см), по рёбрам которой сделаны зарубки, на сторонах вырезаны значки, обозначающие праздники. Зарубки заклеены воском, обозначают воскресенье. Календарь действителен на 1926 год. Коми Автономная обл., Усть-Куломский у., дер. Сарьюдин. Коми-зыряне. РЭМ 4466-36.



Ложе и стрелы от самострела (ньöввуж). Использовался для охоты на белку и крупного зверя. Коми Автономная обл., Усть-Куломский у., дер. Усть-Илыч. Кон. XIX в. – нач. XX. Коми-зыряне. РЭМ 4466-2, 3, 4.

ничьи снасти – ловушка для горностая; промысловая избушка; охотничьи нарты; амбары и вешала для сетей; запор для ловли мелкой рыбы.

Кроме того, им были приобретены около двух десятков экспонатов для музея. В числе уникальных экспонатов, приобретённых у илычских промысловиков, является самострел *(ньёввуж)*, которым пользовались на охоте местные староверы.

Ещё одним предметом, связанным с культурой старообрядцев-промысловиков, является промысловый деревянный календарь *(святцы)*, которым пользовались охотники во время пребывания в лесу.

Несколько предметов, приобретённых Капицей во время поездки на Илыч, связано с промысловой магией и домашними оберегами. Краткие пояснительные аннотации к этим собранным экспонатам в коллекционной описи содержат ряд интересных сведений об этих предметах:

Колл. № 4466-38 (а, в). *«Креста пу – палочки для лечения собак. Палочки, четырёхгранные, складываются крестообразно. Знахарь кладёт палочки, сложенные крестообразно на землю, становится на них, иглой колет несколько раз в нос собаке до появления крови, берёт шарик из мякиша хлеба, солит его и мажет кровью из носа собаки и заставляет её съесть его. После этой операции собака должна поправиться».* Дер. Сарьюдин, Усть-Куломский уезд, Автономная область Коми.

Колл. № 4466-41. *«Горностай со снятой шкуркой, высушенный, изогнутый дугообразно; завёрнут в цветные тряпочки и обмотан верёвочкой. Подвешивается собаке*

Картина лубочная. «Слово святого отца нашего Нифонта». АО Коми, Усть-Куломский у., с. Покча. Коми-зыряне. РЭМ 4466-47.

под шею, как предохранительное от болезней и порчи». Дер. Сарьюдин, Усть-Куломский уезд, Автономная область Коми.

Колл. № 4466-40. *«Камень-оберег (розя из). Камень должен быть найден с отверстием, только такой имеет силу амулета. Через отверстие продета верёвочка. Вешается над входной дверью в избу, как предохраняющее средство от всякого рода несчастья. Чрезвычайно распространено у зырян».* Дер. Сарьюдин, Усть-Куломский уезд, Автономная область Коми.

Кроме того, были приобретены различные виды охотничьих и рыболовных снастей (ловушка для горностая, невод), собачья упряжь, предметы интерьера охотничьих избушек (светец), детские игрушки (деревянные резные уточки).

Доска намогильного старообрядческого памятника. Снято с могилы на старообрядческом кладбище. АО Коми, Усть-Куломский у., дер. Дутово. Коми-зыряне. РЭМ 4466-44.

Закончив обследование по Илычу, Капица стал спускаться на лодке вниз по Печоре, планомерно обследуя деревни в среднем течении Печоры. В с. Покча он выполнил несколько фотосюжетов, связанных с культурой старообрядцев бегунского согласия и хозяйственных занятий: молельная изба истинно-православных христиан странников (ИПХС), наставник; типы жилищ в данной местности, поле, засеянное ячменем, точка косы-горбуши перед покосом. Для музея в с. Покча были приобретены два экспоната – старообрядческие настенные листы с поучительными текстами («Слово святого отца Нифонта, како подобает православным христианам на трапезе ести с молчанием»; Слово о святем Андрее како виде богатого умерша»).

В селе Савинобор Капица познакомился с 76-летней женщиной, охотником-промысловиком. Здесь им было приобретено несколько экспонатов для музея, в частности детские игрушки, а также два предмета, связанных с промысловой магией. Пояснительные аннотации к этим собранным экспонатам в коллекционной описи содержат ряд интересных сведений об этих предметах:

Колл. № 4466-39. *«Кусок нароста с лиственницы, употребляется для лечения собак. Отскабливается от куска нароста ножом порошкообразная масса, замешивается с кислым молоком, и заставляют собаку выпить»;*

Колл. № 4466-42. *«Чаг – прямоугольный кусок дерева, дл. 10 см., шир. 9 см, на одной стороне в углу вырезаны три косых креста. Рубится в лесу охотником особым способом, делаются засечки – специально для порчи собаки соседа. Способ этот известен огромному количеству охотников, обладающих специальной силой».*

А также был приобретён пояс, который использовался, чтобы недавно приобретённая лошадь не ушла к прежнему хозяину:

Колл. № 4466-43. *«Червöнь – пояс, плетённый из шерстяных ниток жёлтого цвета, общая дл. 60 см. Завязаны три узла, и свободные концы связаны вместе. Вешается в сарае при покупке новой лошади для её «крепления» со специальным заговором, т.е. чтобы помешать лошади, пущенной пастись, вернуться к своему старому хозяину».*

В дер. Дутово ему удалось заснять архаичный способ вспашки сохой-косулей, который в начале XX в. продолжал оставаться наиболее распространённым пахотным орудием у коми-зырян.

Большой интерес представляет фотография старообрядческого кладбища – на фотографии изображены расположенные в ряд домовины; на многих могилах вместо восьмиконечных крестов установлены столбики, что характеризует одну из особенностей похоронной обрядности печорских старообрядцев (восьмиконечные кресты устанавливали только «истым» староверам, прочим — столбики). В Дутово удалось приобрести несколько экспонатов, связанных с рыболовством (веретено для плетения сетей, деревянная табуретка), фонарь, который используется в зимнее время, а также резная доска с Голгофским крестом со старообрядческого кладбища.

В конце июля к экспедиции Капицы присоединился художник-оператор В.А. Воротилов.[9] С ним Капица снял несколько кинематографических сюжетов, о чём он сообщает в письме брату (Усть-Щугор, 9 августа 1926 г.): «Мне это очень приятно, т.к. всё

Перевозка косули летом на санях на поле.
АО Коми, Уст-Куломский у., дер. Дутово. Коми-зыряне. 1926 г. РЭМ 4860-13.

Семья в праздничных костюмах.
АО Коми, Уст-Куломский у., с. Щугор. 1926 г. Коми-зыряне. РЭМ 4860-49.

же моя душа по-прежнему сильно тянет в сторону кино, и при первой возможности хотелось бы снова вернуться к этой работе. Одно неприятно, что стоит страшно плохое лето. Вот уже 1,5 месяца почти как сплошные дожди и холода. Особенно неприятно ехать в такую погоду на лодке». Своим путешествием на Север, несмотря на плохую погоду, которая на протяжении всей экспедиции сопутствовала ему, Капица остался в целом доволен. «А в этом регионе мне приходится быть первый раз, – пишет он в письме брату, П.Л. Капице (Усть-Щугор, 9/VIII 26), – тут живут все охотники-промышленники, которые около полугода проводят в лесу – промышляя главным образом белку, лисицу, горностая и т.д. Мне удалось довольно обстоятельно познакомиться со всеми ловушками и приёмами охоты. Приходилось подходить очень близко к Северному Уралу. Виды очень хорошие, красивые, и всё лес, лес и лес. <…> Пока со мной особых приключений не было. Приходится работать среди староверов. Это значит, что в избе курить нельзя. Не дают своей посуды и т.д. Здесь ещё многие не употребляют керосина, чая – считая это грехом и наваждением дьявола <…>».

В письме брату (Усть-Щугор, 9/VIII 26) Леонид Леонидович упоминает о существовании среди печорских коми обычая, которое представителями эволюционной школы именовалось термином «первобытный гетеризм»: «Здесь ещё существует обычай, что если приезжаешь, то в знак гостеприимства хозяин предлагает свою дочь на ночь и т.д. Лучшей невестой считается та, которая до замужества имела уже детей».

В этнографической литературе о подобном явлении среди печорских коми писал П.А. Сорокин[10], Е.П. Савостьянов[11].

Из переписки Л.Л. Капицы непонятно, почерпнуты ли приводимые им сведения о бытовании рудиментов так называемого «первобытного гостеприимного гетеризма» среди печорских коми из литературы или же это какие-то истории, которые ему рассказывали во время экспедиции.

Последним пунктом экспедиции Л.Л. Капицы было с. Усть-Воя. Здесь располагались брусянно-точильные промыслы, на которых было занято часть населения печорских селений. На промыслах Капицей было заснято несколько сюжетов, связанных с заготовкой изделий и приобретено несколько экспонатов (точильные бруски местного производства).

От Усть-Вои Капица пароходом спустился до низовьев Печоры и затем морем проехал до Архангельска. «За лето, – пишет он в письме брату (от 1 сентября 1926 г.), – я сделал около 5 т. вёрст, из них 400 по ж/д, 300 на лошадях, 700 на лодке, 1400 на морском пароходе, и остальные на речных пароходах. Собрал около 50 предметов этнографической коллекции и сделал 140 ф. снимков и, кроме того, большое экономическое обследование».

Итогом трёхмесячной экспедиции Капицы на Печору явилась разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян: предметы охоты, рыболовства, скотоводства, промыслов, народной медицины (Кол. № 4466, 44 предмета)[12].

К сожалению, мы не располагаем всей полнотой его экспедиционных материалов. Неизвестна судьба документальных киносъёмок и экспедиционных полевых дневников Печорской экспедиции Капицы, о которых он упоминает в письмах своим родственникам: «Подводя итоги своего трёхмесячного пребывания, я, в общем, доволен. Удалось собрать интересный материал, который хватит отрабатывать на всю зиму» (письмо П.Л. Капице от 1 сентября 1926 г.).

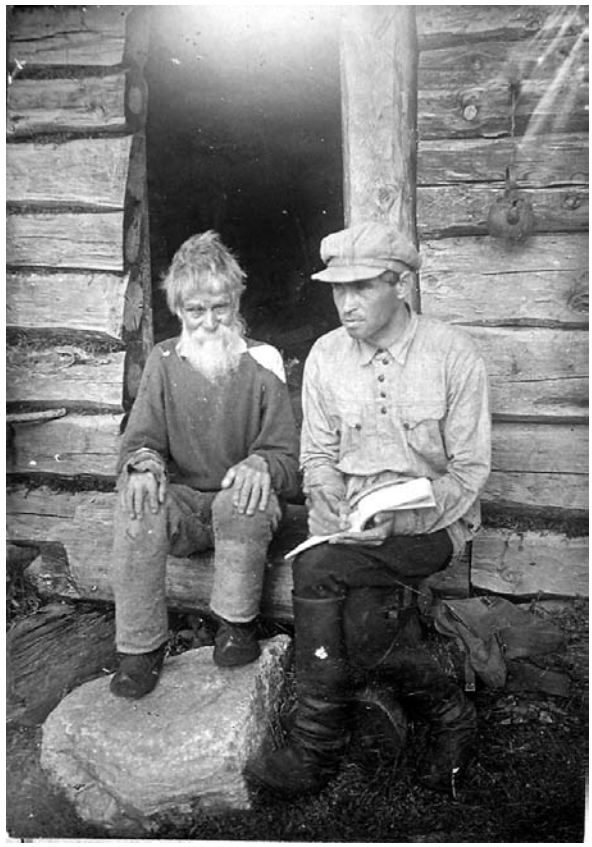
Дальнейшие исследования Капицы были связаны с изучением этнографии карелов. В 1927 г. он принимал участие в Карельской экспедиции 1926–1928 гг., которой руководил заведующий ЭО РМ, известный антрополог и этнолог профессор Д.А. Золотарев. Экспедиция была организована по инициативе правительства Карельской АССР, обратившегося в 1925 г. в Академию наук СССР с просьбой об изучении карелов.

Экспедиция направилась в Ухтинский район Карелии, который интересовал этнографов как место, где в первой половине XIX в. были собраны уникальные произведения карельского эпоса, в частности, знаменитая «Калевала», и как пограничный с Финляндией район, подверженный сильному финскому влиянию, но слабо освещённый на тот период в русской этнографической литературе.

Проведённые Л.Л. Капицей в 1920-е гг. этнографические исследования финно-угорских этносов (карелов, коми и саамов) и собранные им вещевые и фотоколлекции, отражающие бытовую культуру этих народов, поставили его в один ряд с видными учёными финно-угроведами.

Летом 1928 г. Л.Л. Капица по заданию Наркомпроса АКССР и Академии наук отправляется в Карелию производить съёмку фильма, видимо, о современной жизни этой республики. Показ фильма с триумфом прошёл в январе 1929 г. на VIII Всекарельском съезде Советов. «Успех больше, чем я ожидал», – сообщает он в письме к брату. Хорошо фильм был принят и на демонстрации его в Академии наук СССР.

В «Совкино» решается вопрос о покупке фильма Л. Капицы и выходе его на экраны, но все попытки устроиться в Ленинграде на работу в какую-нибудь киноорганизацию



Певец Кузьма Агоев [Кузьма Ахонен] и сотрудник Северо-Западной этнологической экспедиции Академии наук Г.Х. Богданов за записью рун. АКССР, Ухтинский р-н, д. Ладвозеро. 1927. РЭМ 4903-107

зацию кончаются неудачей. Он готов даже уехать в провинцию.

В 1929 г. Л. Капица получает заказ на написание сценария «Северный край» и едет на о. Новая Земля руководителем съёмки. Киноэкспедиция была очень трудной, её участники провели 45 дней в полярном плавании, семь дней жили в самоедском (ненецком) стойбище, отсняли 1300 метров плёнки. Капица надеется на продолжение съёмок в следующем, 1930 г., но новая экспедиция на р. Обь, к обским самоедам (ненцам), срывается.

В музее в это время, как он пишет, его основательно загружают политпросветработой, хотя не совсем понятно, когда он ею занимается, так как, судя по письмам, большую часть времени он пребывает на киносъёмках. В конце 1930 г. Л. Капица наконец совершает свой жизненный выбор. 21 ноября 1930 г. он сообщает брату: «Я подал заявление об уходе из Музея, ещё не знаю, куда перейду служить. Опять думаю поговорить в киноорганизации».

В начале 1931 г. Л. Капица увольняется из Русского музея. Он переходит на педагогическую работу в Машиностроительный учебный комбинат треста среднего и тяжёлого машиностроения, где, не прекращая кинодеятельности, занимается организацией учебной части и лаборатории. В письме от 7 июня 1931 г. Л. Капица с гордостью сообщает брату: «Мы начинаем своё производство учебных фильмов, маленькое ателье, мощный радиоузел — твои англичане могут нам позавидовать». Но и этнография его не отпускает. Он признаётся, что новая работа его увлекает, но по-прежнему тянет в экспедицию летом. Видимо, поэтому, когда Л.Л. Капице предложили стать учёным секретарём в Научно-исследовательском институте оленеводства, он не отказывается. Почти два года он продолжает работать и в Машиностроительном комбинате, где, кроме всего прочего, преподаёт химию и металловедение, и в Институте оленеводства. Летом 1932 г. он в течение месяца работает в тундре, изучая оленеводство у ненцев. Итогом была статья, опубликованная в журнале «Северное оленеводство».

В конце 1932 г. Л. Капица уходит из Института оленеводства и уже полностью посвящает себя производству учебных фильмов. За несколько лет он достиг немалых успехов в создании научных и учебных фильмов. Первым в стране, а может, как пишет Л. Капица, и в мире, он применил микросъёмку испытания металла на разрыв, снял первый в стране цветной учебный фильм «Строение материи» и много других фильмов, хотя тематика их уже никак не соотносится с этнографией.

С середины 1930-х гг. Л. Капица становится штатным режиссёром киностудии «Леннаучфильм». В 1937 г. его опять увольняют. Леонид Леонидович связывает это с обвинением, выдвинутым наркомом внутренних дел СССР Ежовым, в том, что брат, Петр Капица, работает в интересах Англии. Однако это нелепое обвинение не получило поддержки высшего руководства страны, и Леонида Леонидовича через месяц вернули на работу. В очередной раз он оказался заложником не зависящих от него жизненных обстоятельств.

Через год, в 1938 г. Л.Л. Капица умирает в возрасте 46 лет от тяжёлой болезни. Он похоронен в Петербурге, на Смоленском лютеранском кладбище, там же, где и его родители. В некрологе, опубликованном в прессе, Леонид Леонидович был назван старейшим советским кинематографистом. Однако в нашей памяти он остался этнографом-исследователем, собравшим уникальные этнографические вещевые и фотоколлекции.

---

[1] Более полную информацию об этнографической деятельности Л.Л. Капицы можно получить в следующем издании – Финно-угорский мир в фотографиях и документах. Научное наследие Л.Л. Капицы / Авторы-сост. Н.И. Ивановская, А.А. Чувьюров. СПб: Информационно-издательское агенство «ЛИК», 2016.

[2] Более полную информацию биографического характера см.: Ивановская Н.И. Этнограф Л.Л. Капица: экзистенция личной судьбы // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-3. Шестые междунар. Шёгреновские чтения: Сб. стат. и тез. док. – СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 368–376; Она же. Письма как источник изучения персональной истории (по переписке Л.Л. Капицы с П.Л. Капицей). 1921–1928 гг. // Право на имя. Биографика 20 века. Двенадцатые чтения памяти Вениамина Иофе / Науч. ред. Т.Б. Притыкина; СПб.: Науч.-информ. центр «Мемориал» в Санкт-Петербурге; Польский институт в Санкт-Петербурге. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2015. С. 54–63.

[3] Архив РМ. Оп. 10. Д. 187. Л. 73-73 об. – Личное дело. Капица Леонид Леонидович; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57799. Л. 28. – Дело Императорского С-Петербургского Университета. Леонида Леонидовича Капица. 1911 – 12 уч. год.

[4] Ивановская Н.И. Профессиональная социализация студентов Санкт-Петербургского университета в семинаре Ф.К. Волкова в 1907–1917 гг. // Феномен социализации в этнической культуре: Материалы Одиннадцатых этнографических чтений. СПб., 2011. С. 134–140.

[5] Аргус, 1913, № 10, С. 76–80.

[6] Здесь и далее приводятся выдержки из писем Л.Л. Капицы, хранящихся Мемориальным кабинетом-музеем академика П.Л. Капицы при Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН (Москва). Авторы выражают огромную благодарность заведующей МКМ П.Л. Капицы Т.И. Балаховской, предоставившей возможность ознакомиться с письмами и семейными фотографиями Л.Л. Капицы и опубликовать их.

[7] Название деревни в коллекционной описи (Колл. № 4466) Капицей указано ошибочно: Кебырыб вместо Карыбйыв.

[8] Деревня в Троицко-Печорском р-не Республики Коми. Ныне нежилая. Правильно – Сарьюдін (в переводе с коми – возле реки Сарью).

[9] В.А. Воротилов – художник-оператор, работавший в 1927 г. в этнографических экспедициях ЭО РМ.

[10] Сорокин П.А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Известия Архангельского общества Изучения Русского Севера (ИОАИРС), 1911 г., №5. С.356–357.

[11] Научный архив РГО. Разряд VII. Оп. 1. Д. 98. Л. 13-14 – Савостьянов Е.П. Печорский край Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (Рукопись 1900-1903).

[12] Авижанская С.А., Браун М.А., Крюкова Т.А. Каталог-указатель (Краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного Музея этнографии народов СССР) // Музей и современность. Проблемы совершенствования экспозиций по истории Советского общества. М., 1975, С. 237–238.

АРТ-ФАКТ

Александр Максов

Максов Александр Игоревич (Москва) – *критик, Член Международного Союза музыкальных деятелей, Союза театральных деятелей России, Российской хореографической ассоциации, Международного Совета танца (ЮНЕСКО).*

Три дня тулыс-фестиваля

Весна в Сыктывкар прийти не спешила. Но на сцене театра оперы и балета Республики Коми фестиваль «Сыктывкарса тулыс» (Сыктывкарская весна) распускал цветы творчества.

Фестиваль имени Ии Бобраковой проводится с 1991 года и ныне имел XXVII-порядковый номер. Второй сезон организацией фестиваля занимается новый директор театра Дмитрий Степанов и впервые в качестве руководителя балетной труппы – Наталья Терентьева.

Работы оба не чуждаются: фестивальная афиша растянулась на две недели, началась с премьеры балета «Дон Кихот» и включила в себя едва ли не все музыкальные жанры. Зрителей пригласили на оперные и балетные спектакли, на оперетту (впервые), симфонический, камерный и гала-концерты с участием местных артистов и приглашённых гостей. В числе их был молодой московский пианист Андрей Дубов, исполнивший этюды-картины Рахманинова, три фрагмента из балета «Петрушка» и с симфоническим оркестром театра под управлением Азата Максутова концерт для фортепиано Шумана.

Разнообразие фестивальных жанров вызвало лишь сожаление, что невозможность столь длительного пребывания в Сыктывкаре лишало удовольствия охватить единым взглядом всю фестивальную программу. Пришлось довольствоваться тремя вечерами.

Премьера жизнерадостного «Дон Кихота» как нельзя лучше подошла для звонкого начала праздника искусств. Поставила спектакль Наталья Терентьева, мечтающая о пополнении балетного репертуара классическими спектаклями большого стиля. Прежде, чем приступать к постановке, балетмейстеру пришлось семь раз подумать: проанализировать возможность уложиться в небольшую смету и проверить необходимую кадровую наличность для минимального обеспечения кордебалетных партий и сольных ролей.

Когда концы с концами удалось хоть как-то свести, пусть и ценой неимоверного ужатия оформительских замыслов и безмерной эксплуатации человеческого ресурса, приступили к делу.

Учитывая все обстоятельства, в которых спектакль рождался, трудно предъявлять к нему жёсткие требования. Сценография Юрия Самодурова отразила основные задачи. Визуальным камертоном действия стал супер-занавес, изобразивший книжные полки с плотными рядами старинных фолиантов. В жилище Дон Кихота появились таинственные ниши, в которых ему

Дон Кихот – Евгений Гаврилов.

чудились то враждебный рыцарь, то прекрасная дама. Апогеем фантазии художника стала мельница, из распахнутых створок которой выдвигалась огнедышащая голова дракона, с которым пускался в бой безумный идальго.

Менее изощрёнными оказались живописные холсты. Возможно, скорее художником двигало ироническое начало и склонность к эстетике полиграфии. Первая картина больше намекала на морской сюжет Барселоны, но заставляла разгадывать появление над крышами домов громадной фигуры воина в латах. А в сцене «Сон Дон Кихота» художник не особо увлёкся изображениями райских кущ, всё же поместив

Китри – Алена Шевцова, Базиль – Роман Миронов, Гамаш – Михаил Сергиенко.

Базиль – Роман Миронов.

мифических дриад в более-менее сказочное пространство.

«Дон Кихот» Мариуса Петипа и Александра Горского – богатейший материал для самореализации балетных артистов всех амплуа. Здесь классическая хореография может иметь академическое звучание и характерную окраску, фольклор облагорожен сценической традицией, а всему противопоставлены буффонада и гротеск. Премьера «Дон Кихота» – счастливый пример того, что на подмостках и в оркестровой яме предельно выложились все. Дирижировал спектаклем Азат Максутов, который, впрочем, не выпускал из рук палочку на протяжении всего фестиваля.

Титульную роль доверили не балетному, а драматическому артисту Евгению Гаврилову. Создать образ ему было не слишком трудно, но, по-видимому, пришлось немало потрудиться над тем, чтобы научиться принимать балетные позы и даже немного пластически «аккомпанировать» танцующим балеринам. Правдиво изображали своих персонажей Василий Куратов (Санчо Панса), Василий Немчинов (Лоренцо), Михаил Сергиенко (Гамаш), Владимир Ли (Старый цыган), Михаил Сабирзянов (Трактирщик).

Кошачья пластика и сдержанный темперамент – вот основные характеристики образа Эспады в исполнении Рината Бикмухаметова. Его отточенные движения и энергичные прогибы в диагонали с плащом рассчитаны на успех не только у Уличной танцовщицы (Татьяна Бикмухаметова), но и у восхищённой толпы.

Лики любви, флирта, страсти стали темами спектакля. Они воплотились в сценическом бытовании Юлии Чужмаровой и Анны Полищук (подруги Китри), Екатерины Игнатовой (Мерседес), Анны Полищук (Цыганка). А исполнители «Матросской джиги» Ольга Тарабукина, Роман Бушенев, Буян Оюн и Айнур Хакимов выплеснули на сцену феерическое озорство и безу-

держное веселье. Здесь уже не пришлось рассуждать о разнокалиберности фактур, ломкости линий кордебалета, маленьком прыжке или плотности некоторых артистов. Контрастом Джиге стали холодноватая пластика Натальи Супрун (Повелительница дриад), слегка озарённая «лучиком света» Амура – Елены Быковой. Роман Миронов, Базиль, с актёрской пантомимой одарённо станцевал партию, исполнив технические сложности сольного и дуэтного танца. Образ Китри создавала Алёна Шевцова. Приглашённая солистка Харьковского национального академического театра оперы и балета им. Н.А. Лысенко не только подтвердила международный статус фестиваля, но и украсила спектакль. Её трактовка была по-своему поэтичной, что отнюдь не лишило характерной окраски. Эта утончённо-изящная Китри была по-девичьи резва, кокетлива, капризна, дерзка. Она с честью выходила из ситуаций, когда «школа», техника и профессиональная выдержка балерины подвергались особым испытаниям.

Следующие два дня отразили творчество режиссёра Ильи Можайского, диапазон которого простёрся от трагедии «Кармен» до фольклорной колористики «Бабьего бунта» Евгения Птичкина. Слава богу, осуществляя свои режиссёрские поиски, постановщик остаётся в пределах здравого смысла. Самой большой провокацией стал выезд Микаэлы на велосипеде. Конечно, режиссёр скован реалиями труппы, а потому копирующие вояк мальчишки заменены забавно марширующими девочками, одному и тому же взрослому хору (хормейстер Наталья Масанова) поручены и партии скучающих под полуденным солнцем солдат, и воздыхающих по любовным ласкам городских повес. Что ж, солдаты тоже мужчины и, кончено, могут развлекаться мечтами о женщинах. А в третьем акте пришлось ограничить торжественную кадрилью участников корриды приветствующей толпой.

Кармен – Евгения Гудкова.

Хозе – Мих. Макаров, Микаэла – Елена Лодыгина.

Эскамильо – Алексей Петров.

Кармен – Евгения Гудкова,
Эскамильо – Алексей Петров.

Визуальная пышность, заложенная Бизе в музыку, не получилась такой яркой. С тем большим основанием Можайский фокусируется на личной драме героев. Финальный дуэт поставлен так, что Кармен и Хозе сами оказываются загнанными роком жертвами. На арене жизни за их борьбой одновременно пристально и равнодушно наблюдают зрители боя быков. Вообще танец активно включён в режиссёрскую ткань спектакля. Его исполняют некие «пластические alter ego» героев, а последний вздох сама Кармен испускает в руках Хозе, будто танцуя с ним фатальный danse macabre. Одетый в роскошный белый костюм современного покроя Эскамилио Алексея Петрова показался несколько статичным, хотя, выполняя заданные мизансцены, и забирался на стол во время исполнения своих выходных куплетов, с вокальной партией справился неплохо. Коллега по театру Елена Лодыгина пела партию Микаэлы. Образ артисткой создан убедительный, а в вокальном отношении, быть может, не помешало чуть больше лиричности, оттеняемой

Николка – Виталий Гудовский.

Стешка – Николай Глебов, дед Захар – Евгений Недокушев.

экспрессией в соответствующих местах «молитвенной» арии III акта.

Главные партии пели приглашённые артисты. Евгения Гудкова (Кармен) приехала из Петрозаводска, а Михаил Макаров (Хозе) представлял Мариинский театр. Его сильный голос передавал потерю душевного равновесия героя, запутавшегося в чувствах отверженного любовника и сына. С Гудковой, предъявившей и вокальное мастерство, и щедрую актёрскую игру, у певца возник вполне слаженный дуэт как в сфере дозированной звучности, так и мизансценических красок.

Ценной в этом представлении оперы стала музыкальная сторона. Азат Максутов дирижировал страстно, бережно поддерживая певцов в сольных ариях и сложных ансамблях. Тем больших оваций он заслужил, легко переключившись с великой французской партитуры на музыкальную стихию советской оперетты. «Как и «Кармен», сценографию «Бабьего бунта» оформил художник Юрий Самодуров, и в этот раз он оказался на большой высоте». Никакого ощущения театральной бедности не возникло. Декорации, изобретательно созданные из сочетания жёстких конструкций и сена, трансформировались, жили, дышали, источали аромат станицы... Они, как и костюмы Натальи Кравченко, помогли режиссёру Можайскому создать удивительно естественную атмосферу, в которой действие развивалось интригующе стремительно.

Замечательный актёрский ансамбль помог режиссёру создать «сочную» портретную галерею: Стешки (Николай Глебов), Марфы (Галина Петрова), Федота (Анатолий Журавлев), Дуняши (Тамара Савченко) Деда Захара (Евгений Недокушев), Семёновны (Надежда Баталова), Маринки (Анастасия Морараш), Семки (Михаил Сабирзянов), Нюрки (Ксения Макарова). Среди них, бесспорно, царила Елена Лодыгина, так искренне безыскусно сыгравшая роль Насти и ставшая лидером дуэта с Виталием Гудовским (Николка).

Публика горячо принимала каждый фестивальный спектакль, предельно заполняя зал театра из вечера в вечер.

Семка – Михаил Сабирзянов, Николка – Виталий Гудовский, дед Захар – Евгений Недокушев.

Настя – Елена Лодыгина.

Андерс Крюгер

***Андерс Крюгер** – старший куратор М НКА в Антверпене и один из редакторов «Afterall». Ранее – директор Академии художеств в Мальмё (Швеция); куратор выставок Художественной галереи Лунда в его родной Швеции. Член группы Европейской Художественной галереи в Кёльне.*

ЭТНОФУТУРИЗМ:
опираясь на прошлое, работать на будущее

В жизни ничего бесследно не исчезает. Это относится и к удмуртскому шаманству – своеобразному миру Туно. Многие его элементы перешли в народные песни, танцы, считалки, кумулятивно-речитативные песни, скороговорки, а также в ритуал врачевания туно – пеллё и пелляськись. Даже в конце 60-х годов XX столетия 8-летним мальчиком мне удалось наблюдать танец со странными телодвижениями одного мужчины на празднике по поводу рождения ребёнка – Нуны сюан. Танец был с раздеванием, катанием по полу, криками, с имитацией любовных и половых действий (отголосок шаманских инициаций?) под общий радостный смех, веселье присутствующих.

Кучыран Юри,
«Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность», 2001

Знаю, что тема статьи некоторым нашим читателям, если не большинству, покажется непонятной. Тем не менее, я думаю, что она должна быть актуальной более широкой аудитории, чем та, которая обычно следит за культурной политикой так называемого финно-угорского мира. Этнофутуризм начался как политическая шутка 18-летнего поэта в эстонском университетском городе Тарту, на закате советской власти. Никто не предполагал, что эта шутка вырастет в движение с собственными международными конференциями, фестивалями и творческими мастерскими, с неформальной штаб-квартирой в Республике Удмуртия, и продолжит существовать через двадцать пять с лишним лет. Более того, я считаю, что мы должны включить дальних родственников эстонцев и финнов в нашу дискуссию о том, что значит сегодня «принадлежность к коренному населению». Это усложняет концепцию, поскольку эти народы нельзя классифицировать как коренные «племена» или полностью автономные «нации». (Не желая углубляться в обзор мудрёной терминологии, с помощью которой описывают взгляд народов на другие народы или на самих себя, оставлю кавычки).

В 2005 году кураторы по тем временам нового художественного музея Куму в Таллинне попросили у меня проектные предложения, и первым пунктом в моём списке была выставка об их отдалённых сородичах. Ответом было крайнее недоумение: «По-вашему, нам не хватило всяких угри-мугри [иронический термин, в словарях отсутствует] ещё в семидесятые? Нас ещё студентами заставляли ходить в этнографические экспедиции по этим богооставленным местам. И, кроме того, сам вопрос этнической солидарности признан в наше время правым и националистическим. Нет, это ужасная идея!» Должно быть, я не понял эстонского юмора, решив, что тема закрыта, но через пару лет они снова вышли на связь: «Нам обеспечено европейское финансирование. Когда вы можете приступить к исследованиям?» Таким образом, лето 2007 вылилось для меня в путешествие по финно-угорским республикам России с небольшой группой художников, приглашённых из Эстонии, Литвы, Финляндии и Венгрии, а зимой 2008 в музее Куму открылась выставка под названием «Континентальное бессознательное: современное искусство и финно-угорский мир».

В пути я познакомился с этнофутуристами большой излучины Волги, где мордвины, удмурты и мари вполне дружелюбно сосуществовали с тюркоязычными потомками средневекового Казанского ханства (и, конечно, с русскоговорящим населением),

и с гораздо более северной Республикой Коми, которая в 1920-х мечтала об основании прямой судоходной связи с Петсамо, морским портом на Кольском полуострове, до войны принадлежащем Финляндии. Я включил ряд работ этих художников в выставку, наряду с геральдикой, книжными иллюстрациями, записями из архивов телевидения различных столиц различных республик (Саранск, Ижевск, Йошкар-Ола и Сыктывкар) и многим другим. Совсем недавно, зимой 2017, я вернулся в регион – увидеть, как продвигаются дела у моих прежних сотрудников и их этнофутуристического движения, пока моё внимание сосредоточено на другом.

Откуда они пришли? Кто они? Куда они идут?

Жившие в бассейнах крупных рек, текущих с юга на север, эти люди ассоциировали юг, верховья реки с верхним миром, миром небесных богов, а север, низовья реки – с нижним, миром злых духов и смерти.

Владимир Напольских,
«Миф о нырянии за землёй (A812) в Северной Евразии
и Северной Америке: двадцать лет спустя», 2012

Перед тем, как обратиться к текущей ситуации, мне кажется, что я должен расположить моих героев в культурном пространстве. Я понимаю, что данная осознанная необходимость – отражение колонизирующего насилия, которое выталкивает субъект подчинения из поля зрения метрополии и превращает его в объект «открытия». Поэтому я и перефразирую название картины Поля Гогена о трёх стадиях жизни – панорамного полотна, написанного во Французской Полинезии, колониального архипелага Океании, который, во многих отношениях, является поучительным зеркальным отражением евразийской внутренней империи, в пределах которой ограничены финно-угры.

Общеизвестно, что многие европейские языки состоят в родстве друг с другом и с языками Индии и Ирана, а также что финский, эстонский и венгерский языки не относятся к индоевропейским; но мало кто из нелингвистов знает об остальных членах большой языковой семьи, к которой эти языки принадлежат. Она названа в честь Уральских гор на севере России, по которым географы XVIII–XIX столетий провели условную границу между континентальной Европой и Азией. Филологическая конвенция сообщает нам, что уральское языковое семейное древо включает два «ствола», соединённые у основания: самодийскую и финно-угорскую ветви, и одну свободно прикреплённую более «толстую» ветвь – саамскую.

Самоеды разделяются на четыре кочевых или полукочевых племени, которые в настоящее время насчитывают тридцать тысяч человек и живут вдоль арктического побережья по обе стороны Урала. Из угорских языков выжили три. Хантыйским и мансийским языками владеют всего пятнадцать тысяч человек в Западной Сибири. С другой стороны, на венгерском разговаривают почти пятнадцать миллионов. Несмотря на некоторые сложные теории, никто не смог объяснить, как и почему эта угорская

Удмуртские участники Первой этнофутуристической конференции посещают удмуртских студентов в Тарту; 1994.

нация оказалась на Дунае и в Трансильвании, не теряя языка. Восемьдесят пять тысяч саамов разделены на несколько меньших групп, и они разбросаны по северным частям Норвегии, Швеции и Финляндии, а также на Кольском полуострове. Некоторые исследователи считают, что они, возможно, переняли свои нынешние языки, которые явно взаимосвязаны, от юго-восточных соседей.

Финно-пермская языковая подветвь разделена на четыре подгруппы. На языках трёх подгрупп, о которых идёт речь – пермской (удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий), марийской (горно-марийский, лугово-восточный марийский) и мордовской (эрзянский, мокшанский) – говорят около трёх миллионов человек. Прибалтийско-финская подгруппа (состоящая из финского, карельского, вепсского, водского, эстонского, ливонского языков и нескольких меньших, промежуточных диалектов) является четвёртой и самой большой подгруппой. На финском языке говорят около пяти миллионов человек, и около миллиона говорят на эстонском языке; носителей других языков гораздо меньше, и они сокращаются. Несколько финноязычных групп населения в современной центральной России, в частности меря и мурома, либо вымерли, либо ассимилировались со времён позднего средневековья. Несмотря на эту потерю лингвистической и культурной самобытности, – или, возможно, благодаря ей, – они продолжают появляться как «фантомные конечности» в современной русской культуре.

Недавно сложившийся консенсус между лингвистами и археологами заключается

в том, что говорящие протоуральцы должны были заселить регион между Большим Волжским изгибом и Уралом примерно в 2000 году до нашей эры. Когда учитываются новые данные популяционной генетики и палеогенетики, наряду с дополнительным лингвистическим теоретизированием (например, восстановленная связь между уральским и вымирающим юкагирским языком в Восточной Сибири) и обязательно спекулятивные результаты сравнительной мифологии (например, исследования широко распространённого, так называемого мифа о нырянии за Землёй), можно предположить, что протоуральский язык был частью гораздо большего созвездия языков и культур, произошедших несколько тысячелетий раньше, в северо-восточном Китае, и включая предков сегодняшних тунгусо-маньчжурских народов (элита династии Цинь, потерявшая власть в 1911 году).

Дореволюционная Россия не предлагала никаких кодифицированных прав для инородцев, – национальных меньшинств, не имеющих доступа к высшим эшелонам общества, – но из-за общего недоразвития они продолжали селиться в основном в сельских районах и благодаря этому могли сохранить свои собственные языки и обычаи. После революции, захвата властью большевиками и катастрофической гражданской войны национальные меньшинства стали одной из главных забот новых правителей. Некий Иосиф Виссарионович Джугашвили, более известный как Сталин, был наркомом по делам национальностей с 1917 по 1923 год и, таким образом, способствовал территориальному переустройству империи в то, что в конечном итоге стало многоуровневой системой Советских Социалистических Республик, Автономных Советских Социалистических Республик и различных автономных областей и районов. В 1920-х и начале 30-х годов ключевым словом была коренизация (производная от слова «корень»): пропаганда пролетарской культуры на многих национальных языках СССР и создание новых национальных элит.

Это внезапно и трагически закончилось сталинскими великими чистками, достигшими апогея в 1937 году и прицельно ударившими по этим новым элитам. Многие народы СССР разделили судьбу, постигшую чеченцев и крымских татар в 1944 году, когда всё их население было депортировано в Среднюю Азию. Последние четыре десятилетия советской власти привели к некоторому экономическому развитию, но вместе с тем к устойчивой, тщательной русификации большей части обширной страны, включая финно-угорские АССР. В Республиках Мордовия и Коми этот процесс усиливался созданием многочисленных лагерей. Удмуртия была закрытой зоной из-за расположенных там секретных военных заводов. (Они всё ещё процветают, не в последнюю очередь концерн «Калашников» в Ижевске). Марийская республика всегда была экономически отсталой и плохо управляемой, но в то же время сохранила большую культурную самобытность, чем другие. (Есть, например, живая сцена поп-музыки на марийском языке).

Будем справедливы: СССР не относился к своим национальным меньшинствам как к дикарям в резервациях. Литература и обучение на финно-угорских языках допускались и даже поощрялись. Социалистический реализм во всех видах искусства должен был быть «социалистическим по содержанию, национальным по форме». В 60-х и 70-х годах писались либретто для опер на лугово-восточном марийском и удмуртском языках, а у коми появился «национальный балет»; всё это было поставлено в специально построенных театрах, которые и по сей день открыты для публики. Джимми Дарем [Jimmie Durham] писал после поездки в Якутию в середине 1990-х годов: «У

них есть своя академия наук, но большинство мирится также с форпостом российской академии наук. [...] Они, как жители Сибири – так много групп, племён, культур, историй – хотели бы видеть себя продолжением союза советских государств. Но без российского господства. Для них русские – как для нас [индейцев чероки – прим. перев.] американцы: шумные, высокомерные, инфантильные и совершенно разрушительные».

Другие национальные меньшинства, такие как татары или различные кавказские народы, более заметны в российской общественной жизни и обеспечили большую фактическую автономию своим республикам, чем финно-угры, которые часто предпочитали быть незаметными в своих отношениях с Империей. Но не всегда. Черемисские войны шестнадцатого века (это было дореволюционное название для марийцев) были столь же неумолимо жестокими, как кавказские войны триста лет спустя. Как и Грозный в Чечне, Йошкар-Ола («Красный город») был построен как форт для подавления восстания коренных народов. Хотя официально православные, марийцы и удмурты (и в несколько меньшей степени мордвины) также сохранили многие элементы своих дохристианских верований и ритуалов, – поэтому их иногда называют «последними язычниками Европы». Но следует отметить, что происходящие сегодня общественные приёмы пищи и моления отражают постсоветский синкретизм: сочетание подлинной традиции, влияний русской православной церкви, политического неоязычества 1990-х годов и нью-эйджа.

Этнофутуризм как культурный феномен

•Количество пользователей Интернета выросло до 45 миллионов, и это всё ещё только начало. [...]

• Сеть поможет финно-уграм сохранить свойственный для них рассредоточенный образ жизни, при сохранении одновременно с этим контакта с окружающим миром, что предоставит для самовыражения и общения невиданные возможности. В рамках этой сети ни один народ не опережает других на века, она является новой как в Америке, Скандинавии, так и в Сибири.

• План завоевания финно-уграми мира основан на творческом сосуществовании древнего уклада мышления и современной технологии.

• Здесь скрывается великий шанс для финно-угров.

Первый манифест этнофутуристов, 1994

В конце 1980-х – начале 90-х годов наблюдалась большая волна активности в распадающейся советской империи. Многие приветствовали его крах с оптимизмом, несмотря на неопределённость и экономические трудности, которые он принёс. Я считаю, что разумно принять мрачное видение бесчеловечного «переходного периода», распространённое в России (и одобренное, похоже, большинством населения) с до-

лей скептицизма. Это был весьма политический период, период творческих, а иногда и нереалистичных идей, период, когда свобода выражения была реальной, а молодёжь имела значение.

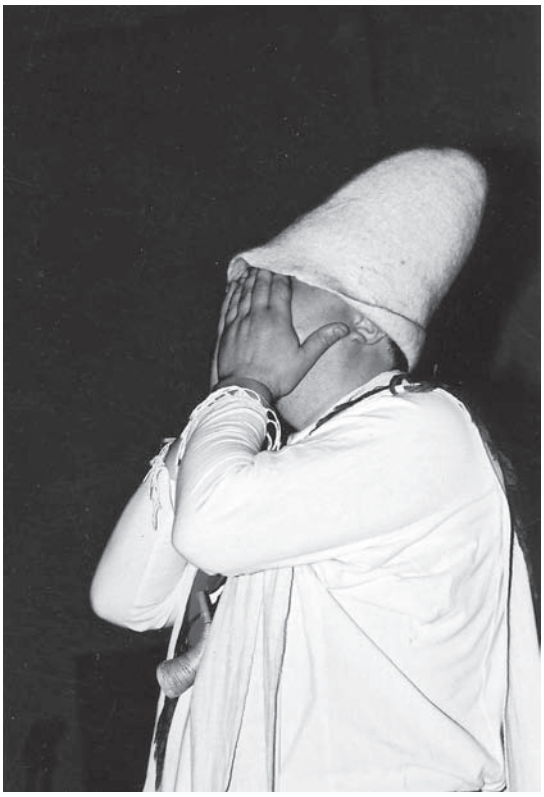
Eesti Kostabi-$elts, Эстонское Общество Костаби, было названо в честь эстонско-американского живописца Калева Марка Костаби, у которого были достаточно долларов, чтобы заплатить за полностраничные рекламные объявления в журнале «Flash Art». Общество основали в Тарту в 1989 году пять молодых писателей группы «Хирохалл»: поэты Свен Кивисильдник, Валерия Реник, Карл Мартин Синиярв (придумавший термин «этнофутуризм»), Каукси Юлле и присоединившийся к ним романист Юри Элвест. Как и все радикальные молодые люди в этой части мира в то время, они заигрывали с неолиберальными идеями (рынок коммерческого искусства казался для них утопической шуткой), но их прочным вкладом в историю постсоветской культуры был сбор, организованный в честь пятой годовщины их общества. Верные обычаям «угри-мугри», они пригласили около ста представителей финно-угорских народов, – в том числе удмуртов, коми, марийцев, эрзя, мордвинов, карел, ливонцев, саамов и венгров, а также меньшинство сету с юга Эстонии, – на первую этнофутуристическую конференцию в Тарту в 1994 году.

В 1990-х годах некоторые выдающиеся эстонские интеллектуалы, такие как поэт Яан Каплински или политолог и политик Рейн Таагепера, начали пропагандировать этнофутуризм как подходящую идеологию для небольших народов, стремящихся продуктивно примирить культурную самобытность и общественный прогресс. Таагепера, который также писал о политике финно-угорских меньшинств в России, разработал «этнофутуристский треугольник», добавив два неологизма своего изобретения: «космофутуризм» (прогресс стирает этнические традиции, и это хорошо) и «этно-претеризм» (этническое прошлое «чисто», а его замена через новые и чужие явления – это плохо). Была готовность теоретизировать этнофутуризм, посредством воздания почестей «этнофилософам», которые предположительно предвосхитили его, например, эстонский теолог и критик «Стандартного среднего европейского мышления», Уку Мазинг (1909–85) или автор антикантианского «Лимитизма» Каллистрат Жаков (1866–1926), коми по происхождению, закончивший свои дни в независимой Латвии.

Этнофутуризм был задуман как ориентированный на будущее способ мышления настолько, что его первоначальный технический оптимизм теперь кажется причудой, почти заблуждением. Следует отметить, что этот термин никогда не означал ссылки на футуризм начала двадцатого века, несмотря на попытки применить программы Маринетти или Маяковского в новом, небольшом восточном европейском государстве и, в более ограниченной степени, в финно-угорских форпостах СССР. Например, для выставки в Таллинне в 2008 году мы принесли всё содержание – и пригласили некоторых сотрудников – из сельского музея, посвящённого удмуртскому поэту-футуристу и актёру травести Кузебаю Герду, который был обвинён в заговоре о рытье 2000-километрового туннеля в Финляндию и погиб в ГУЛАГе в 1932 году.

Судьбу этнофутуризма как движения в искусстве, по сути, определили эти гости конференции в Тарту; для многих из них это была первая поездка «на Запад». В групповой фотографии по этому случаю выделяется молодой художник-график и графический дизайнер Юрий Лобанов из Ижевска. Ему было тридцать с небольшим, когда он только что разработал чёрно-бело-красный флаг и герб Удмуртии. (Он был не единственным художником, внёсшим подобный вклад в развитие своей республики.

Мордовский флаг был задуман ещё одним ранним, этнофутуристом, Андреем Алешкиным; ещё один член движения, Измаил Ефимов, до недавнего времени был ответственным за геральдику Марий Эл.) В рамках собственного проекта по возрождению традиционных имён Лобанов выбрал для себя «вуршуд» («защитник рода») Кучыран, отсылающий к «Роду Совы». Добавив удмуртскую форму своего русского имени после имени клана, согласно старому финно-угорскому обычаю, который по-прежнему официально используется в Венгрии, он стал Кучыраном Юри. Друзьям и окружающим он также давал подобные «реконструированные» имена.



Кучыран Юри, Куара-Ланга (Эхо), 2004, медитативное представление. Фотограф Константин Семенов.

Кучыран Юри – «свободный дух» и духовный путешественник, как может засвидетельствовать каждый, кто присутствовал на его живых шаманских выступлениях в свободной форме, но, кроме того, квалифицированный и преданный своему делу организатор с верным инстинктом оставаться вне политики, обеспечивая при этом официальную поддержку своих проектов. У него практически невероятный талант включать новые идеи в собственное мышление и деятельность. Хотя эстонские изобретатели этнофутуризма всегда смотрели на это с некоторой иронией, он и его удмуртские современники, в частности, директор театра Ольга Александрова и писатели Пётр Захаров и Виктор Шибанов относились к нему серьёзно. Они рассматривали это как правдоподобную культурную политику для финно-угорских народов и других этнических меньшинств в России, а также, начиная со 2-й международной этнофутуристической конференции в Ижевске в 1998 году, они запустили новую и более продолжительную волну этнофутуризма, основанную на культурной практике, а не политических спекуляциях.

Художники, модельеры, театральные режиссёры и музыканты большой излучины Волги видели этнофутуризм как более подходящую и экспериментальную альтернативу размытым вариантам социалистического реализма («капиталистического по содержанию, социалистического по форме»), которые до сих пор господствуют на русской художественной сцене. Тюркоязычные коллеги – чуваши, татары и башкиры – присоединились к финно-угорским соседям. Пермь, русскоязычный город с населением свыше миллиона человек, с 2006 года проводит этнофутуристический фестиваль «KAMWA».

Также внесли свой вклад в движение искусствоведы, в частности, Елена Бутрова из Саранска, специализирующаяся на замечательном мордовском скульпторе Степане Нефедове-Эрьзя (1876–1959 гг.; работы, созданные им в Аргентине в 1920-х – 30-х годах, заслуживают отдельной статьи на страницах этого журнала); и Эльвира Колчева из Йошкар-Олы. Определённый уровень академического самоанализа с самого начала был встроен в этнофутуризм второго поколения – и это ещё одна причина, по которой мы должны относиться к ней критически, а не просто утверждать её как проявление «принадлежности к корням». В своей докторской диссертации под названием «Этнофутуризм как культурный феномен» Колчева суммирует достижения ижевской команды:

Главными этнофутуристическими финно-угорскими празднествами стали ежегодные фестивали в г. Ижевске, Удмуртской республики. Организатором выступила неформальная творческая группа «Одомаа» («Родная земля» удм.). Импульс образованию этого нового творческого объединения дала прошедшая в 1998 году в Ижевске международная конференция по этнофутуризму. В группу вошли художники, работающие в разных жанрах и видах искусства. Основное ядро «Одомаа» составили Сергей Орлов, Вячеслав Михайлов, Зоя Лебедева, Юрий Лобанов (Кучыран Юри). При поддержке Министерства национальной политики Удмуртской Республики в том же году было начато осуществление мега-проекта «Этнофутуристический фестиваль». Проект явил к жизни 11 Международных этнофутуристических фестивалей:

I – «Егит гондыр веме» («Дом для молодого медведя»), июнь 1998 г.
II – «Одомаа» («Родная удмуртская земля»), июль 1998 г.
III – «Эрумаа» («Земля любви»), октябрь 1998 г.
IV – «Калмез» («Человек – Рыба, Рыба – Человек»), март–апрель 1999г.
V – «Мушому» («Земля Пчёл»), май–июнь 2000 г.
VI – «Тангыра» («Удмуртский там-там»), апрель 2001 г.
VII – «Идна» («Легендарный батыр Идна»), май 2002 г.
VIII – «Пельнянь» («Пельмень»), июнь 2003 г.
IX – «Юр-яр» («Шум-гам»), июль 2004 г.
X – «Артана» («Сердечная территория искусства»), август 2005 г.
XI – «Куара-ланга» («Эхо»), март 2006 г.

Продолжением мега-проекта «Этнофутуристический фестиваль» стал другой грандиозный мега-проект «Этнофутуристический симпозиум», начавшийся с научно-практического симпозиума (Ижевск, 2007 г.) «Сэр но тур» («Искусство света»).

Симпозиумы продолжались в разных местах Удмуртской Республики и в других местах почти каждый год, как летом, так и зимой, с региональными и зарубежными участниками. Последовательное использование названий на удмуртском отражает прагматическую лингвистическую активность организаторов. С 2010 года эту деятельность возглавляет группа «Эмноюмно» (Божественный эликсир), преемница «Одомаа», основанная Кучыраном Юри и его младшим коллегой Жон-Жоном Сандыром (Александром Пушиным). Это часть более крупной ассоциации «Ижкар» (удмуртское название Ижевска), включающую группы «Танатос» (Сергей Орлов и Энвиль Касимов) и «БелМихайБат» (аббревиатура, объединяющая фамилии участников группы: Валентина Белых, Вячеслава Михайлова и Виктора Батыршина).

Художники, стоявшие за «Эмноюмно», выбрали девизом этнофутуризма цитату из мексиканского художника Руфино Тамайо – «Опираясь на прошлое, работать на будущее», – и использовали его в двух манифестах: внутреннем и для внешнего использования. Может показаться парадоксальным, что этнофутуризм, стремящийся переосмыслить сельские традиции для альтернативного будущего, имеет свою неофициальную штаб-квартиру в промышленном русскоязычном городе с населением свыше 600 000 человек; но, как указывает Виктор Шибанов, это «птица о двух крыльях». «"Этно" – значит, связь с национально-самобытным, этническо-мифологическим, "футуризм" – значит, поиск себе места в современном постмодерном мироустройстве, стремление быть конкурентоспособным».

Те, с кем я говорил во время моей недавней поездки, выразили некоторую озабоченность будущим этнофутуризма. Кажется, у него проблемы с обновлением и привлечением новых специалистов-практиков. Большинству художников, которые отождествляют себя с движением, уже за пятьдесят. Могут возникнуть трудности с поддержкой, поскольку культурный климат в России изменчив. Тем не менее, 13 января 2017 года я посетил выставку работ, выпущенных во время «Жон-Жон Уддяди», 5-го международного этнофутуристического симпозиума перформанса и видеоарта, который состоялся за неделю до того в селе Уддяди (официальное название – Карамас-Пельга). Эти короткие и скромные видео на основе перформанса выполнены в умышленной, освобождающей простоте. Я нашёл их утончёнными по форме и одновременно – сугубо развлекательными. Некоторым авторам, например, удмуртской художнице Чимали (Ксении Ворончихиной), всего двадцать с небольшим лет.

Мастера изобразительного искусства и другие деятели культуры, живущие и работающие за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, не обращаются к своим согражданам с позиции силы, если они не хотят стать политическими активистами правящей партии. В Ижевске есть примеры, в частности, художник Энвиль Касимов (который сейчас отвечает за общественную безопасность в Удмуртской Республике), а также исполнительница фолк-джаза Надежда Уткина. Даже те, кто делает всё возможное, чтобы не быть слишком откровенными, могут вызвать политический огонь на себя. В 2016 году некий игумен Виталий, подписывающийся как «Клирик Иваново-Вознесенской епархии», опубликовал статью на правонационалистическом сайте «Русская народная линия». Статья с угрожающим заголовком «Этнофутуризм и сепаратизм» утверждает, что стремление этнофутуристов к новой финно-угорской самобытности, особенно когда оно связано с неоязычеством и находится «вне всяких связей с историей русского народа и российской государственности», должно приравниваться к другим тенденциям, направленным на «расформирование Российской Федерации», например, пропаганде специфической сибирской идентичности.

Автор статьи особенно обижен на то, что мы могли бы назвать этнофутуризмом третьего поколения, а именно попытки воссоздать финно-угорскую идентичность «мерян» в центральных районах России, которую отстаивает небольшая группа медиахудожников и краеведов на сайте merjamaa.ru. Движение основано художником и графическим дизайнером Андреем Малышевым-Мерянином, который жил в Москве до переезда в Минск. Мерянский этнофутуризм, по-видимому, является в основном городским явлением, вызванным ностальгией по деревенскому детству родителей и дедушек и бабушек. Он нашёл основной выход в отличных фильмах

Алексея Федорченко, екатеринбургского режиссёра. Особенно остро среагировав на выставку Малышева-Мерянина в городе Иваново в 2014 году, игумен Виталий писал: «Вполне может наступить время, когда в Центральной России от Москвы до Нижнего Новгорода всех могут заставить говорить на некоей «мерянской мове». И её будут учить в школах как национальный язык. Современные примеры тому от нас совсем недалеко как в историческом, так и в географическом смысле».

Критический этнофутуризм и протуберанцы космической любви

1. Этнофутуризм – это не стиль, а направление движения и идеология.

2. Художественное творчество – это отход от посредственности и «серьёзной игры» с символами, архетипами и мифологическими элементами национальной культуры. Поэтому он даёт им новое значение в свете современности. Это священное искусство света с положительной и чистой энергией.

3. Возможность для национальных культур и общечеловеческих ценностей сосуществовать и обогащать друг друга.

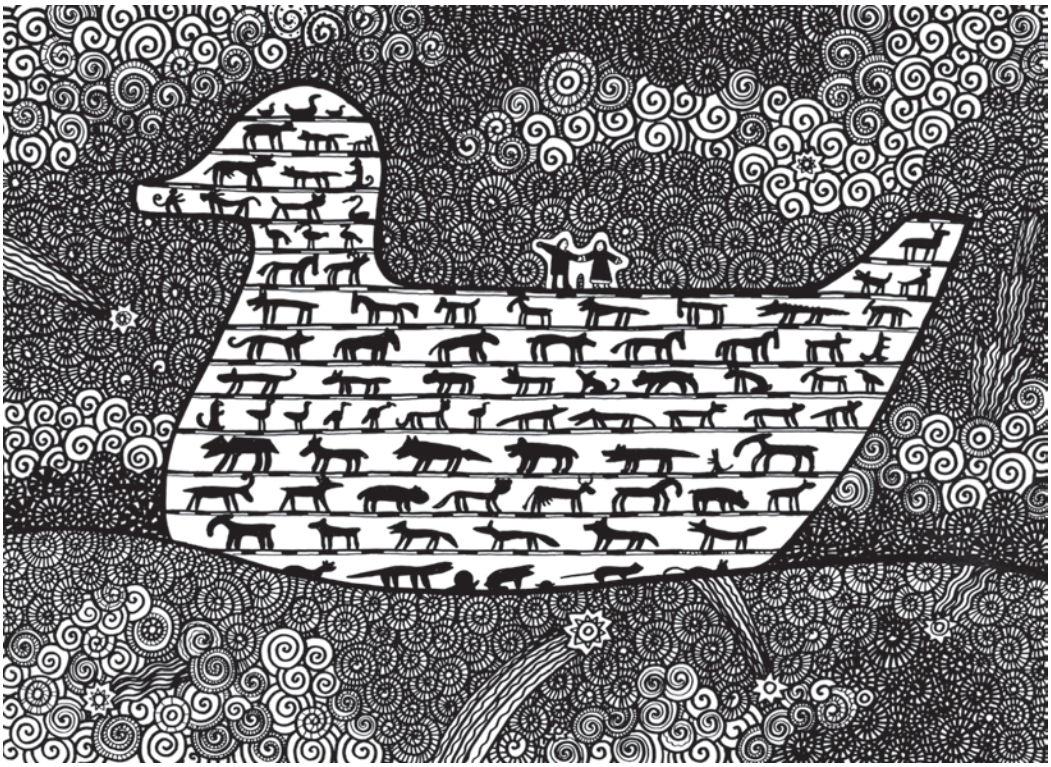
4. Объедините мир с помощью глубокого бессознательного, чтобы сделать общество более человечным, тонким и восприимчивым.

5. Духовная взаимная помощь, как инструмент для более ярких проявлений индивидуальности.

Кучыран Юри, Сергей Орлов и Жон-Жон Сандыр,
«Этнофутуризм: тезисы для манифеста», 2011

Этот «институциональный» рассказ об этнофутуризме не должен рассматриваться как исчерпывающий или даже всеобъемлющий. При введении региональных художественных историй в международную аудиторию мы редко можем представить подробный доклад. Мы склонны обобщать факты и предлагать только наиболее заманчивые детали. Переходя к обсуждению произведений отдельных художников, мы должны вновь вставить некоторые нюансы, опущенные в общем повествовании. Мы не должны отказываться от наших критических способностей только потому, что хотим считаться с фактом, что определённые люди участвуют в определённом движении. Также следует признать, что любой акт расположения начал и истоков в пространстве и времени – и выявления их с помощью конкретных действий конкретных людей – неизбежно субъективен. Это связано с тем, как вещи запоминаются и кем, но на более глубоком уровне – с возникновениями и преобразованиями, которые почти никогда нельзя восстановить и воспроизвести последовательно.

Смена взглядов и амбиций среди некоторых художников и писателей в финно-



Юрий Лисовский «Утка, несущая жизнь», 2013, маркер и чернила на бумаге

угорских республиках уже произошла до того, как они присоединились к своим европейским родичам на 1-й этнофутуристической конференции в Тарту. В противном случае они не пришли бы туда. В последние годы СССР по всей стране возобновился интерес к национальным языкам и культурам, в том числе и среди финно-угорских народов. Люди стали менее робкими. Возникла новая готовность к экспериментальной, «нонконформистской» культуре. Когда в 1989 году в Йошкар-Оле состоялась первая встреча финно-угорских писателей в России, результатом стало основание Молодёжной ассоциации финно-угорских народов (сокращённо МАФУН); во время новой встречи, в 1990 году, была организована выставка молодых финно-угорских художников, предлагающая живописцам нового поколения возможность показать работы, которые отличались, пусть и немногим, от норм и методов социалистического реализма. Это была первая в СССР независимо организованная экспозиция с явной финно-угорской тематикой. В 1993 году в Ижевске прошла ещё одна выставка МАФУН, а в 1994 году в Сыктывкаре состоялась 1-я международная выставка финно-угорских художников. Участники рассказали мне, что она была устроена более профессионально, чем выставка, проходившая в том же году в рамках конференции в Тарту, но в то же время в телеэфир вышла программа, раскритиковавшая художников – уже тогда – за флирт с неоязычеством.

Очевидно, что какое-то сходное движение существовало до того, как был принят термин «этнофутуризм». Что побудило финно-угорских художников, в основном живописцев и графиков, отказаться от идеологических ограничений соцреализма и утешительной самоидентификации с одобренными знаниями и профессиональными стандартами, предлагаемыми им? Что побудило их вступать в эксперименты с формой и содержанием, для которых не было никакого руководства? Мы должны помнить, что эти люди, на «периферии периферии», почти не имели доступа к современному искусству. Они были отрезаны от русского авангарда 1910-х и 20-х годов из-за полученного ими догматического образования, которое они получили, а равно и от международного мира искусства – из-за общей нехватки ресурсов и слабого владения языком. В то время в современных городах России современное искусство, по-моему, меньше воспринималось как путь к радикально новому самопониманию и больше как иностранная арена, которую нужно завоевать как можно быстрее, – при необходимости с эффектными проявлениями «евразийского варварства».

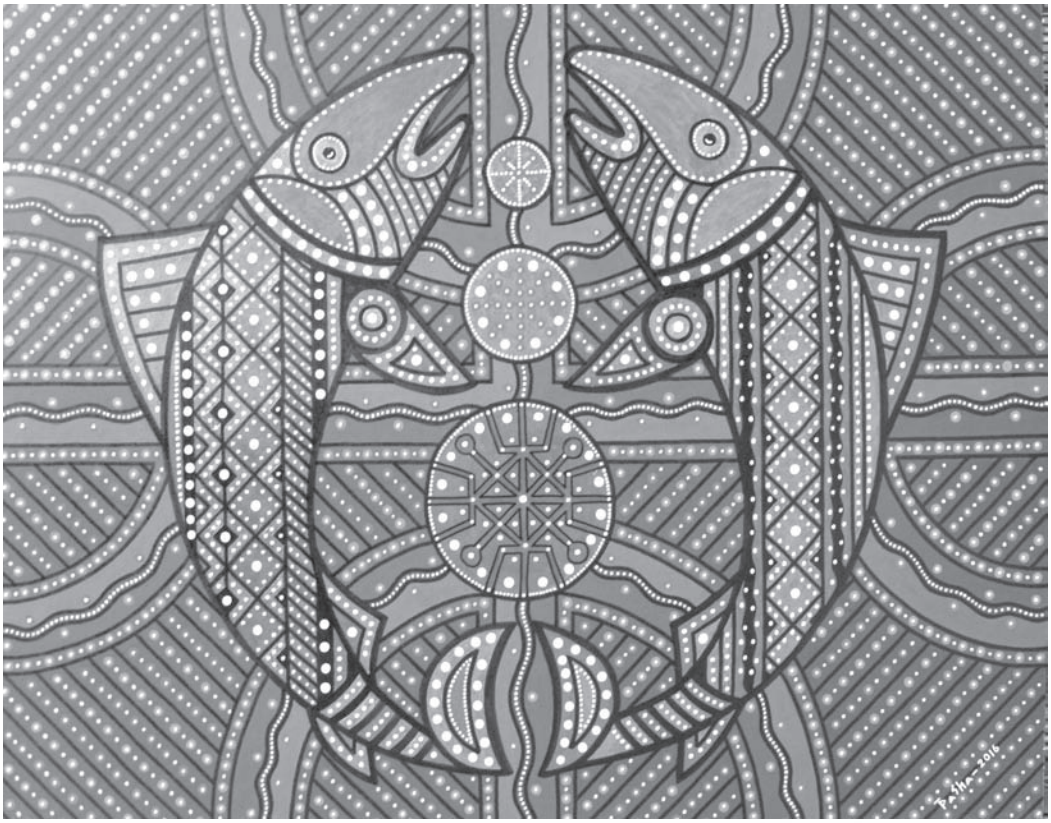
Даже если бы художники из Сыктывкара или Ижевска, Йошкар-Олы или Саранска могли иметь больше доступа в Москву и Санкт-Петербург в начале 1990-х, возможно, им бы это не помогло. Вместо этого, для того чтобы найти путь вперёд, они повернулись вовнутрь и назад: к индивидуальным воспоминаниям о деревенской жизни (Кучыран Юри говорит, что его детство в сельской Удмуртии в советские 1960-е – 70-е годы «было похоже на сказку») и на коллективные воспоминания о более отдалённом прошлом, закодированном в этнографические или археологические артефакты. Возможно, приняв эстафету от графиков и иллюстраторов Эстонии и других прибалтийских республик, чьи работы снискали уважение по всему СССР, эти финно-угорские художники занимались плотно закодированными визуальными системами, которые считались однозначно «национальными». Их привлекали традиционные вышивки красной шерстью на белом полотне, но прежде всего – зооморфные или антропоморфные бронзовые фигурки в пермском зверином стиле (800 в. до н. э. – 1200 н. э.), приписываемые предкам нынешних удмуртов и коми.

Культурную жизнь в Сыктывкаре следует, скорее всего, охарактеризовать низкой интенсивностью. Среди основных местных ориентиров – плодотворное пребывание Василия Кандинского в отдалённом северном городе (в то время Усть-Сысольске) в 1889 году, а также тот факт, что коми-зырянский язык – один из первых финно-угорских языков, которые можно увидеть в письменных документах, написанных с помощью специальной азбуки, изобретённой русскими православными миссионерами в четырнадцатом веке. Мы снова видим, что прошлое больше привлекательно, чем настоящее или будущее. Как художники могут оспаривать такой подход?

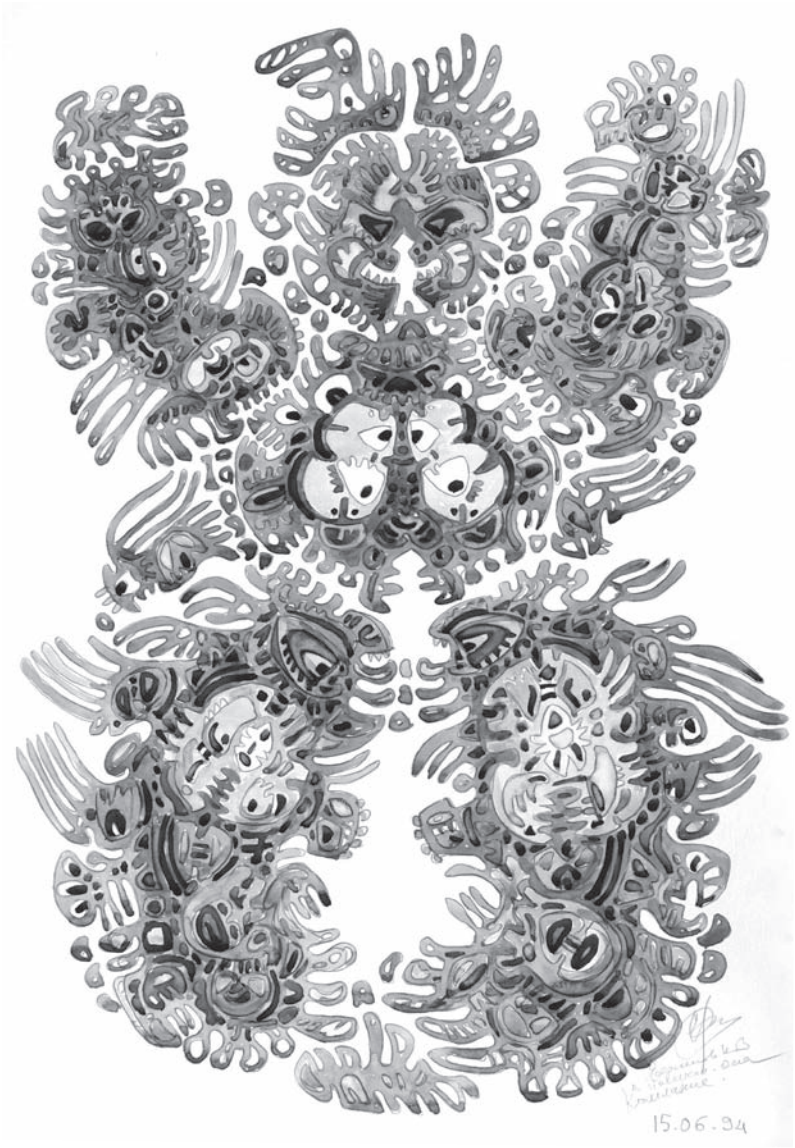
Этнофутуристическая арт-сцена города в основном представлена двумя художниками: Юрием Лисовским (1964 г. р.) и Павлом Микушевым (1962 г. р.), которые в 1990 году окончили городской колледж искусств. С начала 1990-х годов они дорабатывали свои отличительные личные идиомы, согласовывая нелинейную структуру повествования финно-угорской мифологии и линейную структуру пермского звериного стиля. Картины Микушева, изображающие медведей, лосей, рыб, водоплавающих птиц и других существ, естественных или сверхъестественных, выполнены кропотливо, как драгоценные, филигранные предметы ар-деко. Это бесконечные вариации на заданные темы. Лисовский, работающий в основном чернилами на бумаге, предпочитает изображать образное взаимодействие трёх «уровней мира» финно-угорской тради-

ции: нижний мир (вода), поверхностный мир (земля) и верхний мир (небо). Он управляет сознательной всеобъемлющей эстетикой, которая граничит с иллюстративной и декоративной (и поэтому, возможно, выдаёт его западноукраинское происхождение). К этому он добавил педагогическую практику, которая сводится к «делегированному исполнению» его собственной визуальной программы и призывает людей из всех слоёв общества, главным образом – детей, к самовыражению. «Моя техника позволяет всем рисовать без комплексов. Пропорции, к примеру, не важны, как и перспектива». И Микушев, и Лисовский подозревают, что этнофутуризм, возможно, исчерпал себя как движение в искусстве, но считают, что его дух останется актуальным, пока молодые профессионалы, в том числе в России, всё чаще предпочитают жить и работать в сельских районах с возможностью доступа в Интернет.

Возможно, самым оригинальным и инновационным этнофутуристским художником является Измаил Ефимов из Йошкар-Олы. Он также является самым старшим – с точки зрения возраста (родился в Горно-Марийском районе Марийской АССР в 1946 году), образования (окончил престижный Московский государственный художественный институт им. Сурикова в 1977 году) и социальному статусу (возглавлял марийский отдел Союза советских/российских художников в 1987–89 гг. и 1992–94 гг., с 2006



Павел Микушев. «Нерест», 2016, акрил на картоне.



Измаил Ефимов, Ё (Шаманский обряд), 1994, акварль на бумаге.

г. – заслуженный художник Российской Федерации). Это делает переходный период его творчества в конце 80-х – начале 90-х еще более примечательным. Он перешёл от успешного соцреалиста, использовавшего хранилище обычных форм для искусной передачи простого видения сельской жизни, к разработке особой синкретической смеси образов и орнаментов, свободной сказочной и семиотической точности, которая базируется на его чётких предствлениях о традиционном прикладном искус-

стве и современной геральдике. Любопытно, что он продолжает совершенствовать оба аспекта (или «крыла») своей практики, позволяя своим этнофутуристским экспериментам «заражать» грандиозные «реалистичные» композиции, которые он всё ещё производит, и наоборот. Соединение абстракции, анимизма и графического романа фэнтези в серии акварелей Ефимова, таких как «Этноструктуры» или «Археографики» (с.1989–95), действительно, как свидетельствует Эльвира Колчева, пробуждают «перформанс на бумаге». Его этнофутуристические композиции, уверенно и всё же неловко, стоят где-то между абстрактным и магическим. «Исполненные очей» не вполне человеческих, они могут в любой момент превратиться в расплывчатых, двухмерных духов, которые производят в целом дразняще-зловещее впечатление. Должны ли мы назвать Ефимова «критическим» этнофутуристом за его подразумеваемый отказ иллюстрировать вдохновлённое нью-эйджем, в конечном итоге аполитичное видение положительной духовной энергии?

Колчева применяет феноменологические методы анализа к искусству этнофутуризма (с особым упором на марийских художников, которых она характеризует как «одиноких волков»), и полагается на теорию архетипов Карла Юнга как на свидетельства коллективного, надличностного бессознательного. Вот как она обобщает фундаментальные характеристики этнофутуристического искусства: «Высокая ценность авторского высказывания в форме мифотворчества, тенденция к синтезу различных видов творческой деятельности, тенденция к размыванию границ между действительностью и условностью, слияние художественного и ритуального актов».

В Ижевске тоже прошли волнения, ориентированные на будущее, накануне этнофутуристических мегапроектов. Удмуртский живописец Сергей Орлов (1957 г. р.) окончил Институт Сурикова через десять лет после Ефимова в 1987 году. В том же году он с несколькими современниками организовали первую презентацию авангардного искусства в Ижевске в оперном театре города: картины, гравюры, инсталляции и скульптуры художников из Ижевска, Казани и Москвы. Группа называла себя «Лодка»; другими её членами были Павел Аксенов, Михаил Басов, Виктор Чувашов и Энвиль Касимов. Они организовали ещё одну выставку в 1988 году, но через несколько лет группа преобразовалась в «Танатос». Сам Орлов стал плодовитым художником (и весьма ценным педагогом) и обращается к оккультизму в поисках прозрений, которые можно использовать для точных, но в конечном счёте неконтролируемых визуальных эффектов, как, например, в серии картин с жидкой типографской краской на картоне на выставке «Континентальное бессознательное» в музее Куму в 2008 году; или в его недавней серии ярких «досок» без названия, исполненных акрилом на старой нереализованной древесине, где контроль и случайность стали неразличимыми.

Неошаманские выступления Кучырана Юри – или «терапевтические хеппенинги», как он иногда их называет, – во многом символизируют этнофутуризм как «направление движения и идеологии» для финно-угорского мира. Они отчётливо и программно интуитивны, эмоциональны, под-интеллектуальны. И так же, как весь комплекс этнофутуристической мысли и действия, во всей своей особенности и неопределённости, они олицетворяют трудности наблюдателей, подобных мне, когда мы берём на себя задачу поместить малоизвестное явление в проблемный контекст контекстуализации и проблематизации.

Можно, конечно, критиковать практику Кучырана Юри с эстетической и кураторской точки зрения, и я часто так и делал в дискуссиях с ним. Разве это действитель-

«На вершине». Нина Обрезкова, Ирина Федосова, перформанс, 2003.

но хорошая идея – использовать такие смехотворные реквизиты? Я понимаю насчёт бубна и колокольчика, звуковых орудий, облегчающих духовное путешествие для вас и окружающих; но белый войлочный колпак фаллической формы – строго говоря, необходим для трансцендентального опыта, или скорее является частью «искусства идентичности»? Вы пишете о «неудержимом стремлении художника поделиться шоком от того, что он видел в своём путешествии в транслиминальное», но действительно ли ваше сольное театральное выступление «Оти-тати, отцы-татцы» («Здесь и там, это и то», 2002) нуждалось в выразительных чёрно-белых нарисованных фонах? Вы говорите мне, что искусство должно касаться испускания «протуберанцев космической любви», но ощущение того, что это действительно происходит, не будет сильнее, если вы наденете ваши повседневные джинсы и свитер или, по крайней мере, простую белую полотняную рубашку и штаны, как музыканты в вашем мультимедийном перформансе «Пеллё-пеллё» («Всевидящее Ухо и Всеслышащий Глаз», 2005)?

Уже должно быть ясно, что я не могу претендовать на роль внешнего наблюдателя в отношении художников и искусствоведов этно-футуристического движения. Я уже знаю их слишком хорошо, чтобы захотеть их экзотизировать, и это, скорее всего, к лучшему. Но, возможно, я рискую скомпрометировать своё критическое мышление, сочувствуя маргинализированной жизни, которую ведут они и их народы, что почти наверняка будет плохо. Да, этнофутуризм – это любопытная смесь неясного и прозрачного, непоправимо провинциального и потенциально универсального. Здесь это, в силу своего характера, вырвано из контекста, – если под этим мы подразумеваем контекст, в котором журнал «AfterAll» производится и потребляется. Иногда он сам попадает в ловушку экзотики и маргинализации. Почему, например, творческие симпозиумы продолжались в течение десятилетия, а коллективные выступления были организованы в отдалённых сельских районах, и никто не спрашивал о возможных параллелях с группой «Коллективные действия», организованной Андреем Монастырским, в полях и деревнях вокруг Москвы в конце 1970-х годов (и представленной в русском павильоне на Венецианской биеннале в 2011 году)?

Но, возможно, эти профессиональные сомнения к делу не относятся. Я должен признать, что этнофутуризм проявляет лучшее, когда он бросает вызов всем попыткам категоризации или интерпретации и преуспевает в передаче только ментальной энергии и физического присутствия. Есть отрывок видео от группы «Эмноюмно», снятый на смартфоне и длящийся немногим дольше шести минут, под названием «Бур на! Сьӧдмурча шур!» («Ну, здравствуй! Дух реки Сьӧдмурча!», 2014). Мы видим, как руки участников акции ломают тонкий вязкий лёд, ночью, над тёмной рекой – проникая в яму и приветствуя воду шестью способами, каждый по-своему. Мы слышим колокольчик Кучырана Юри и звуки, объединяющие людей и реку; вот и всё.

[1] Кучыран Юри (Юрий Лобанов), «Удмуртский шаманизм: моя архаика и моя современность», доступно на http://www.suri.ee/etnofutu/idnatekst/kutsiran_ru.html (последнее посещение 12 февраля 2017). Также публиковалось на эстонском языке, под заголовком 'Udmurdi šamanismist', в журнале «Kunst» №2/2001, стр. 94–96. Если не указано иное, все переводы выполнены автором.

[2] Kontinentaalne alateadvus: Kaasaegne kunst ja Soome-Ugri maailm, 14 марта – 18 мая 2008. Более полная версия каталога для этой выставки была опубликована в бельгийском художественном журнале «A Prior Magazine», №16, Гент, 2008 год, и по-прежнему доступна в Интернете по адресу: http://www.eurozine.com/the-continental-sonsultance/ (последнее посещение 12 февраля 2017 года).

[3] Доступно на https://www.academia.edu/4918926/Diving_Bird_Myth_after_20_years_2012 (последнее посещение 12 февраля 2017. Отредактировано автором)

[4] Гоген, «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?» (1897–98) Музей изящных искусств, Бостон.

[5] Уральские народы и многие другие народы Евразии и Северной Америки, рассказывают разные версии мифа о птице – или другом существе, способном нырять – которая вынимает почву со дна первозданного моря, чтобы создать Землю. См. В. Напольских, «Миф о нырянии за землёй (A812) в Северной Евразии и Северной Америке», цит. выше.

[6] Jimmie Durham, 'Report to Molly Spotted Elk and Josephine Baker', in Anders Kreuger (ed.), Jimmie Durham: A Matter of Life and Death and Singing (exh. cat.), Antwerp and Zürich: M HKA / JRP|Ringier, 2012, p.20.

[7] Каукси Юлле, Андрес Хейнапуу, Свен Кивисильдник, Маарья Пярл-Лыхмус, «Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее». Написан после первой этнофутуристической конференции в Национальном музее Эстонии, Тарту, 5–9 мая 1994. Я слегка отредактировал перевод Свена-Эрика Соосаара, доступный на http://www.suri.ee/etnofutu/ef!eng.html (последнее посещение 12 февраля 2017)

[8] См. Рейн Таагепера, «Финно-угорские республики и российское государство». Нью-Йорк, «Раутледж», 1999

[9] См. Хейнапуу Отт и Андерс Хейнапуу, «Некоторые трактовки концепции этнофутуризма в Эстонии», доступно на available at http://www.suri.ee/etnofutu/idnatekst/ethno_en.html (последнее посещение 12 февраля 2017).

[10] См. Карл Салламаа, «Уку Мазинг как первооткрыватель этнофутуризма», доступно на http://www.suri.ee/etnofutu/vanaisad/masing/sall-uku.html (последнее посещение 12 февраля 2017)

11 Звуковой фрагмент «Кучыран вётъёс» («Сны Кучырана», 2009), в котором он погружается в тёмный мир потустороннего и возвращается с множеством новых имён воршуда, был выпущен на CD.

[12] Эльвира Колчева, «Этнофутуризм как явление культуры», монография на соискание степени доктора. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008, стр.24–25. См. также Эльвира Колчева, «Формирование этнофутуризма» в журнале «Mediterranean Journal of Social Sciences» №6. Рим: MCSER Publishing, 2015, p.233 (доступно на /react-text http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6867/6572, последнее посещение 12 февраля 2017).

[13] Разговор с автором в издательстве «Удмуртия», Ижевск, 12 января 2017 года.

[14] Например, «Овсянки» (в англоязычном прокате "Silent Souls"), выраженно «мерянский» фильм, в 2010 номинированный на премию «Золотой Лев» на 67-м Венецианском кинофестивале, и «Олык марий-влакын кавасе ватышт» («Небесные жёны луговых мари»), иллюстрированная книга с DVD. Екатеринбург, «Уральский рабочий», 2013

[15] Игумен Виталий, «Этнофутуризм и сепаратизм», Русская народная линия, 8 февраля 2016, http://ruskline.ru/monitoring_smi/2016/02/08/etnofuturizm_i_separatizm (последнее посещение 12 февраля 2017).

[16] Это «внешний манифест» – недатированный документ, предоставленный автору.

[17] На ум приходят выступления Олега Кулика и Александра Бремера 1990-х годов с их тщательно выверенной деструктивностью.

[18] Разговор с автором, 11 января 2017 года.

[19] Разговор с автором, 6 января 2017 года.

[20] Э. Колчева. Реки вселенной: неомифологизм в творчестве марийских художников. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2010, стр. 1.

[21] Кстати, советские учёные обычно цитировали Юнга довольно свободно, но, как правило, избегали Фрейда, возможно, из-за того, что первый делал упор на «коллективное», или, возможно, из-за явно сексуальных метафор последнего.

[22] Эльвира Колчева. Этнофутуризм как явление культуры. Цит. соч., стр. 70.

[23] Кучыран Юри, Сергей Орлов и Жон-Жон Сандыр, «Этнофутуризм: тезисы для внутреннего манифеста», 2011. Документ, предоставленный автору.

[24] Доступно на https://www.youtube.com/watch?v=xtXxhpkxyck (последнее посещение 12 февраля 2017).

Перевод с английского Марии Размысловой.

Лисовский Ю.Н. «Приход красного медведя».

Лисовский Ю.Н. «Дуга общения».

Лисовский Ю.Н. «Семь птиц».

Лисовский Ю.Н. «Сотворение мира».

Лисовский Ю.Н. «Пир у царя Кора».

Лисовский Ю.Н. «Зырянская Мадонна».

Лисовский Ю.Н. «Омöль».

Лисовский Ю.Н. «Энергия любви».

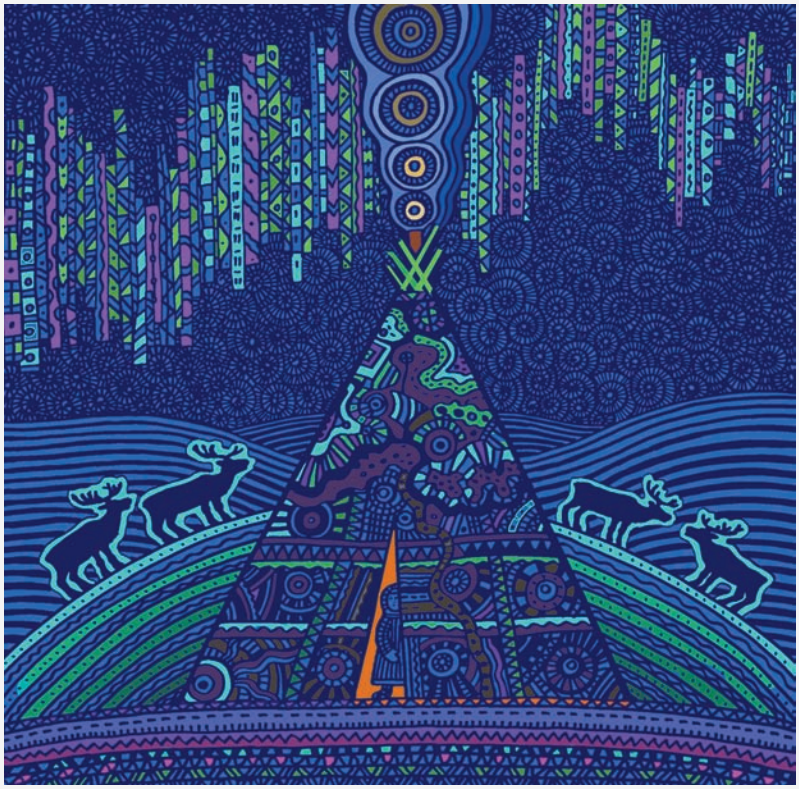
Лисовский Ю.Н. «На охоту».

Лисовский Ю.Н. «Оберег».

Лисовский Ю.Н. «Сказочное путешествие».

Лисовский Ю.Н. «Триединство времени».

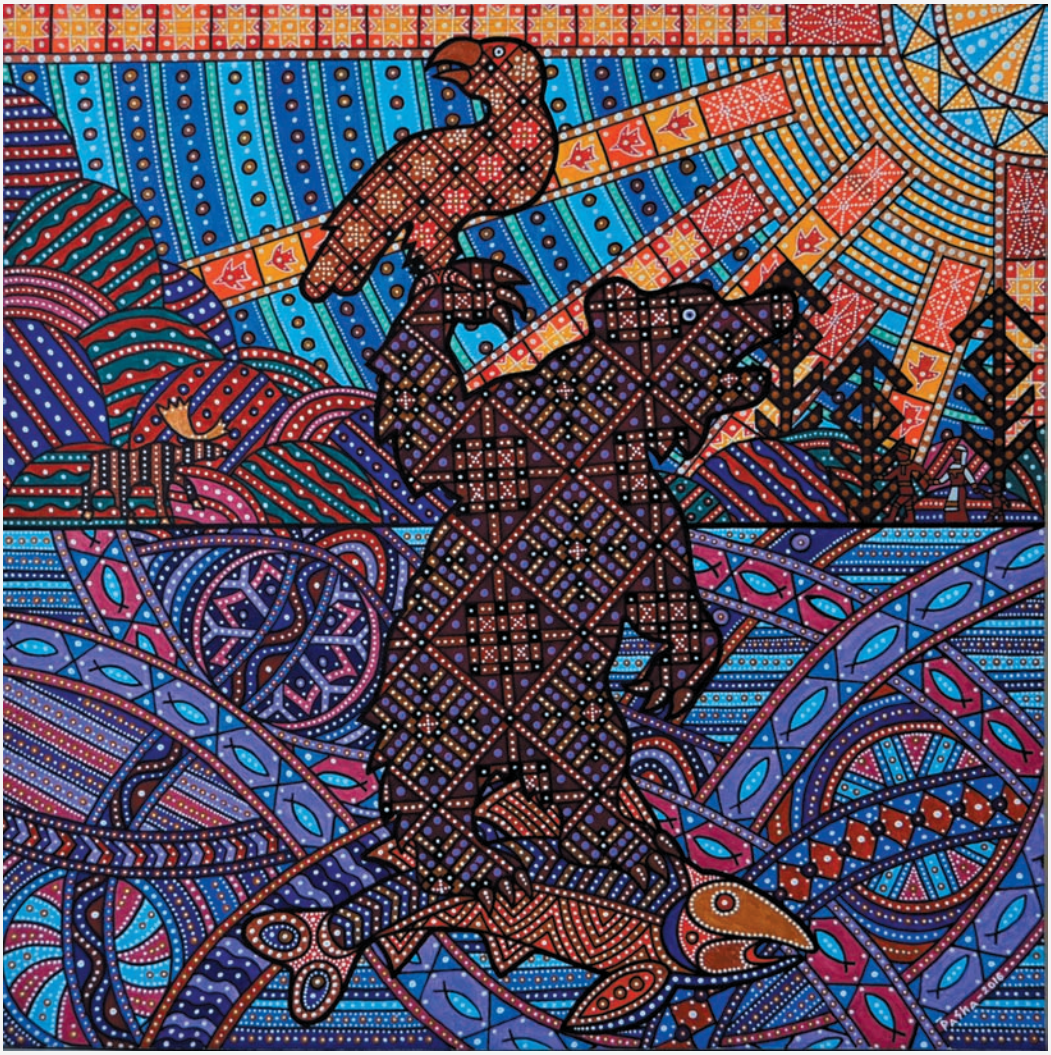
Лисовский Ю.Н. «Жертвоприношение оленя».



Лисовский Ю.Н. «Небесный орган».

Микушев П.Г. «Хозяйка ночи».

Микушев П.Г. «Зима».

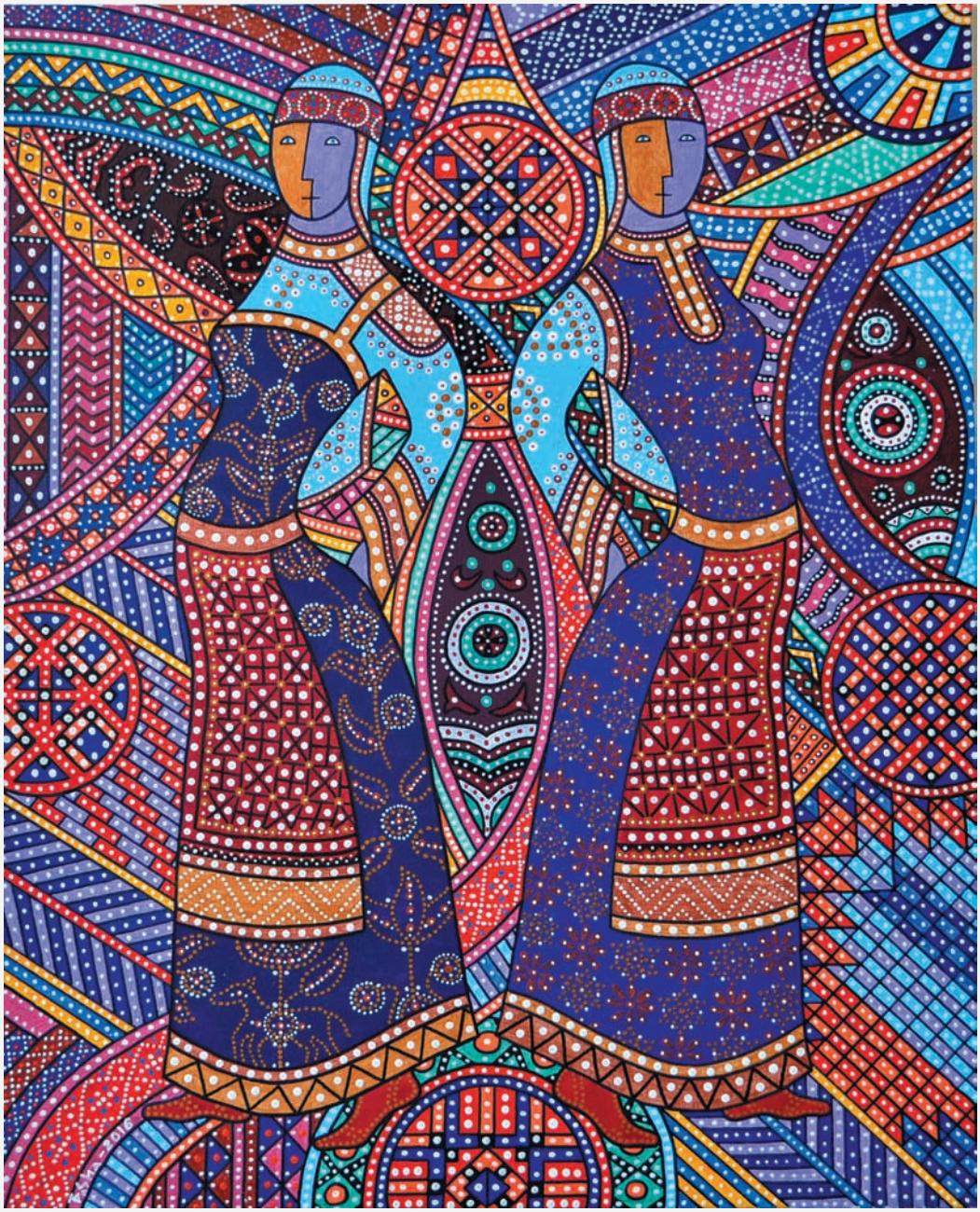


Микушев П.Г. «Медведя знают все, медведь не знает никого».

Микушев П.Г. «Гуси улетают».

Микушев П.Г. «Сова».

Микушев П.Г. «Кормление».



Микушев П.Г. «Зыряночки».

Микушев П.Г. «Лосось, идущая на нерест».

Микушев П.Г. «Весна».

Микушев П.Г. «Железный глухарь».

ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛÖН ЛИТЕРАТУРНÖЙ ЖУРНАЛ

АЛЁНА БИЗИНА

«Унмовсьӧма Помӧс ю...»

Менам мамук

Медся колана да рам
Менам муса, дона мам.
Тэнад нюмыд вывті мича!
Быттьӧ вӧрса пӧлӧзнича.

Енэж кодзулӧн тай петін,
Аттьӧ, мый тэ олӧм сетін.
Югӧръястӧ коян мем.
Нэм ог вунӧд, мамук, нэм!

Матыстчӧ ар

Енэжыс руд.
И ваыс нин пемыд.
Илля лун бӧр.

Кок шыыс важӧн
Арыслӧн кылӧ.
Жугыльтчис вӧр.

Бӧръяысь талун
Енэжас швачкас
Жуялӧм гым.

Лэбачыс мунас.
Шоныдыс вунас.
Дзирдыштас лым.

Тöв

Ывлаыс кöдзыд. Овмöдчис тöв.
Шебрасыс – еджыд. Мичасьыс-мича.
Шöпкöдö даддьыс нывкалы: «Сöв!
Сьöлöмтö, ловтö ыркыднас личöд!»

Окота ветлыны ыб вылö мем,
Тöв нырöн кыр вывсянь лэбыштны, тюрны…
Вежöрöй мöвпъясöн тырöма. Тшем…
Толалöн сывъясö медым не сюрны!

Небзьыштіс ывла. Вальдыштіс лым.
Кепыся киясöн лымбаба вöча.
Сьöлöмын – радлун. Бандзибöй – пым.
Тöлыс мем – кажитчö. Висьтала стöча.

Сордйыв грезд

Сордйыв грездöй, муса грездöй,
Медся нин тэ дона!
Татысь быдöнöс ме тöда,
Пыдди пукта ёна.
Гöгöр шувгö зумыш парма,
Помöс васö нуö…
Сялькöдчöны челепиян –
Олöмыс тан пуö!
Тöвнас ыб вылö ми волам
Исласьыштны лызьöн.
Сідзкö, тöлыслы ми – колам,
Сідзкö, олöм – гызьö!
Сордйыв грездöй, муса грездöй,
Медся нин тэ дона!
Тэ эн кус, эн нюжöд китö,
Сöвмы уна во на!

Помöс ю

Унмовсьöма Помöс ю…
Тулысöдзыс оз нин ту.
Эзысь йиын кынмöма,
Ежыд лымйöн вевттьöма.

Коньки вылö сувтам ми.
Чужöм – банйöм. Синмын – би!
Сёысь йи вылас ми усям –
«Конькияса йöзöн» шусям!

Батькöд чери кыйны волам.
(Гоз-мöд комыд ёна колö!)
Батьö шуас: «Тырмас! Пом!
Тані абу ловъя ком!»

Унмовсьöма Помöс ю…
Тулысöдзыс оз нин ту.
…Сьöлöм кудйын – тайö юыс,
Öдйöджык нин медым туис!

Шор

Ывлаыс – лöнь…
Визувтö шор,
быттьö – вöнь.
Сяльгö тай со,
Шызьöдö гöгöр,
пикö оз во.
Колана ёль!
Миянöс ватöг
некор оз коль.
Ывлаыс – лöнь.
Шорыс тай – сьылö…
Помасьтöм вöнь.

Вölöсьтын

Гожся войö ме вölöсьтö петі…
Лöньыс шебрöдіс бордъяснас му.
Öтнас номйыс тай юрсиöс летіс.
Нöшта сывйыштіс асъявыв ру.

Матын чилöзтіс петуклöн шыыс.
Весиг дрöгмуніс унзіля вой.
Ылöдз мöдöдчис йölöга гыыс,
Бара личöдіс кодлыськö дой.

Морт ним кö новлан

Морт ним кö новлан –
Ов, кыдзи морт!
Йöзлы мед вölін –
Матысса ёрт.

Морт ним кö новлан –
Ов, кыдзи морт!
Вöр-ва эн жугöд -
Сійö тэд – горт!

Морт ним кö новлан –
Ов, кыдзи морт!
Радлы, мый – ловъя.
Абу тэ – орт!

Паметь

Ми олам.
И кодлыкö ми – колам.
Ми велалім, мый миян гögöр –
мир …
Но вунöдім, мый сы вöсна ми олам,
Мый пöльяслöн тай коркö киссис вир.
И пöчьяслöн тай синва тюрис шорöн,
И челядьöс сэк пöдтыліс тай шог.
…Ме пидзöс вылö сувта
Ай му дорйысьлöн гу дорын.
И некор ме ог вунöд
войналысь шысö.
Ог.

АЛЁНА НЕСТЕРОВА

Оз ков лоны веськодьӧн

Гӧгрӧс пызан нуӧдысьяс да Елена Пиетиляйнен, «Север» журналса медшӧр редактор.

XXXI республикаса «Коми небӧг» гаж таво котыртісны лӧддза-номъя 24-ӧд лунӧ Удора районса Междуреченск посёлокын. Заводитчис ставыс вӧр-ва видзӧмлы сиӧм зэв кывкутана сёрнисянь.

Гӧгрӧс пызанлӧн темаӧн лои: «Вӧр-ва вӧсна тӧждысьӧмӧн лов сӧдзӧмӧ: журнал-газет лист бокъясын», та вӧсна и медшӧр сёрнитысьясӧн вӧліны «Арт» журналӧн веськӧдлысь Нина Новикова да журналса медшӧр редактор Павел Лимеров, а сідзжӧ гижысь да журналист Григорий Спичак.

Посёлокса школаын чукӧртчис бура уна йӧз: гижысьяс, журналистъяс, велӧдысьяс, библиотекаръяс, вӧліны и Коми Республикалӧн национальнӧй политикаса министр Е.В. Ермолина, Удора районса администрацияӧн веськӧдлысьяс, Междуреченск посёлокса депутатъяс, Удора районын вӧр-ва дӧзьӧритӧм вӧсна кывкутысьяс, Коми Республикаса общественнӧй палатаӧ, «Коми войтыр» ӧтмунӧмӧ да велӧдан юкӧнӧ пырысьяс, йӧз пӧвстын удж нуӧдысьяс.

Кыпӧдісны сёрнисӧ сикт-грездъясын вӧр-ва кедзовтӧм, вӧр пӧрӧдӧм да лӧп-ёг шыблалӧм йылысь. Сиктса йӧз индісны мытшӧдъяс, мыйысь быть колӧ мездысьны. Сідз, йӧз элясисны, мый сьӧкыд лои нуны лӧп-ёгсӧ районса свалка вылӧ – колӧ транспорт. А кодсюрӧ казялӧмаӧсь посёлок гӧгӧрысь вӧр пӧрӧдӧм. Вӧр-ва дӧзьӧритысьяс индісны, мый та серти уджыс нуӧдсьӧ, и быд шыӧдчӧм видлавсьӧ торйӧн. Кажитчис, мый та пӧрйӧ сёрниыс вӧлі восьса да веськыд.

Гӧгрӧс пызан дырйи мӧд темаӧн лои морт ловлӧн сӧстӧмлун. Гижысьяслӧн да журналистъяслӧн лыддысьысь дінӧ поскыс – тайӧ Кыв.

Гögрöс пызан дырйи.

Кутшöм ыджыд мöвпöдз позьö эськö вайöдны лыддьысьысьöс гижöд пырыс?..

Унаöн талун дасьöсь пузувтны ас гöгöрысь ставсö, мый аддзöны: кисьтны, чегны, шыбитны. И сійö, коді пузувтö вöр, тыртö ёгöн чужанінсö, пежалö вöр-васö – татшöм ногöн воштö ассьыс мортлунсö.

Окота юавны: кор мортыс кутіс лыддьыны асьсö став му-ва вылас кöзяинöн? Корсянь воштіс сы дорö пыдди пуктöмсö? Важöн, пöль-пöч кадö, морт кыліс асьсö вöр-ва юкöнöн, некор эз ыджыдав, мöдарö, вежавидзöмöн босьтіс вöрысь вотöс, звер-пöтка, керка лэптöм-шонтöм вылö вöр, эз горшась ва вылын. Кор ми воштім тайöс и лоим вöр-ва кедзовтысьясöн, горшасьысьясöн, жуглысьясöн?

Талун колö бöр дзоньтавны сійöс, мый кисьтім. А медводз, висьтавны йöзыслы, сёрнитны накöд. Енмыс öд вермас коркö и чишкыштны му вылысь асьнымöс. Скöрмöдам кö… А кодлы колö гöгöрвоöдны вöр-ва дöзьöритöм йылысь коланлунсö медводз? Дерт жö, быдмысь войтырлы, кодъяслöн сöмын сöвмö на олöм вылас видзöдласыс. И медводз аслыным петкöдлыны пример. Та серти эм коланлун котыртны школа бердын му-ва видзан удж. Важöн школаясын тшöтш вöліны ЮДП (Юные друзья природы) кружокъяс. Сэні эз сöмын дöзьöритны быдмöгъяс да пемöсъясöс, но и нуöдісны туялана удж – ветлісны ягö, матігöгöрса видзьяс вылö. Такöд тшöтш и велöдісны, кыдзи овны ладöншаньöн вöр-ваыскöд. Талун тшöтш эм буртор. Шуам, Ыджыдвидзса школаын коми кыв велöдысь Эльвира Старцева веськöдлöм улын «Патриот» клубö ветлысьяс уна во нин отсасьöны сиктлы: весалöны пöрысь йöзлысь öшинювъяс, сиктса шойна, чукöртöны да гуалöны ю берег пöлöн шыблалöм лöпсö, дасьтöны да разöдöны сиктса йöзлы да велöдчысьяслы вöр-ва дöзьöритны коланлун йылысь листовкаяс, вöчöны кормушкаяс да с.в. Важгорт сиктысь коми кыв велöдысь Ирина Калинина садитö челядьыскöд пуяс. Татшöмсяма котыръясыс, чайта, колöны быд велöдчанінын. Кага век восьса выльлы, бурлы. Сійöс кокньыд ышöдны. Сылöн лолыс матын на вöр-ва дінас. Шуам, Кулöмдін районса Помöсдін сиктысь öти зонка йылысь öтуввезйын нимкодьпырысь гижöма коми кыв велöдысь Ольга Шебырева: «Быд лун Помосдінса туй вылысь позьö аддзыны сьылысь детинкаöс. Зэв сибыд, оз бара чолöмасьтöгыд мун. И киас век ёг тыра пакет. Ме вöлі чайта, мый сылы тайö ёг öктöмсьыс неуна мынтыштöны. А

Важгортса школаын велöдчысьяс садитöны пуяс.

вölömкö, быд лун миянлысь шöр улича бокъяссö сійö пелькöдö ас кöсйöм сертиыс. Ме пö кöсъя, мед гögöр вölі сöстöм. Öктö и кабалаторъяс, весиг куритчан помъяс чукöртö. Детинкаыс неуна висьлöс, а видзöдлöй, кутшöма кöсйö, мед вölі миян Помöсдінным сöстöм да мича. Нимыс тайö детинкаыслöн Игнатов Максим».

Кагаыскöд сёрниыс, быдмысь мортыскöд сёрниыс, ме серти, лоас медвынаöн! Буретш гögрöс пызан дырйи асланыс мöвпъясöн челядькöд уджалöм серти юксисны и кагульничаяс и велöдысьяс – найö дасьтöмаöсь вöр-ва дöзьöритöмлы сиöм бур уджтасъяс, и найöс кутасны пöртны олöмö во чöж, да и водзö вылö колö!

Дерт жö, татшöм сикас водзмöстчöмыс вывті бур! Медводз, сиктöн веськöдлысьяслы оз ков лоны веськодьöн. Колö ышöдны йöзсö бурланьö, отсасьны нырччысьяслы, кыпöдны тайö сёрнисö ветеранъяслöн сöвет да аньяслöн сöвет дырйи. Öтлаын мöвпыштны, мый позяс вöчны сиктын: чукöртны йöзöс да öтвылысь весавны ёг, меститны-гуавны свалкаяс вылысь уна воöн öкмöм лöпсö. Быть корсьны йöзкöд öтвылысь петантуй.

Мый векджык аддзан сикт-гездö воигöн? Мир туй дорын паськöдчöм ёг шыблаланін. Позьö öд кыдзкö морт ногöн сійöс видзны-нокны. Йöзсö велöдны тшöтш. Абу штрафъясöн повзьöдлöмöн. А пример петкöдлöмöн, ышöдöмöн. Чайтам, тайö быд веськöдлысьлöн артмас, лоö кö сылöн кöсйöм.

Дерт, медым висьтавны йöз водзын да челядь водзын вöр-ва дöзьöритöмлысь коланлунсö, вöр-ва дорас муслунсö, колöны небögъясын да газет-журналын йöзöдöм бур гижöдъяс. Сэтшöм гижöдъяс, медым текстöн позис уджавны: шуам, сёрнитны семья пытшкын, библиотекаын, школаын да с.в.

Буретш гögрöс пызан дырйи öнія том гижысьяс мыччöдісны ассыныс уджтас – лöсьöдны да йöзöдны экология темалы лöсялана гижöдъяс. Алёна Старцева эскöдіс: «Миянлöн эм, öти-кö, позянлун йöзöдчыны, мöд-кö, эмöсь вынъяс, мед кыпöдны тайö

Ыджыдвидзса челядь тöждысьöны лэбачьяс вöсна.

Ыджыдвидзса школаын велӧдчысьяс.

сёрнисӧ. Вӧр-ва дӧзьӧритӧм йылысь гижӧдъяс позьӧ сетны «Войвыв кодзув» да «Би кинь» журналъясӧ, «Арт» журнал бердын том войтырлы дасьтӧм «Ы» журналӧ.

Ми босьтчам гижны, мед июнь тӧлыссянь мӧд июньӧдз дасьтыны школаясын да библиотекаясын уджалӧм вылӧ текстъяс: кывбур-висьтъяс, повесьт-мойдъяс, эссеяс. «Ы» журналлӧн выль петасын нин йӧзӧдам Анастасия Сукгоевалысь дзоридзьяслы сиӧм кывбур цикл. Сідзкӧ, медводдза воськовыс лоас нин вӧчӧма. Дерт, бур эськӧ вӧлі, отсалісны кӧ миянлы сьӧмӧн, мед лэдзны экологиялы сиӧм альманах.

«Ы» журнал бердын уджалігӧн ми век корсям выль авторъясӧс. Та могысь аддзысьлам студентъяскӧд, гимназияса да школаса велӧдчысьяскӧд, котыртам конкурсъяс. А нӧшта ми шуим петавны сёрниӧн ас сикт-грездъясӧ: Инта, Изьва, Кӧрткерӧс, Кулӧмдін, Сыктыв, Удора да Емдін районъясӧ, сёрнитны сиктса йӧзкӧд да челядькӧд экология йылысь.

Чайтам, тайӧ уджыс лоас коланаӧн. Гашкӧ, кодлыкӧ буретш оз тырмы тайӧ выль гижӧдыс, мед мӧвпыштчыны вӧр-ва видзӧм йылысь. Кутам лача, мый миян отсӧгӧн мортыс кылас вӧр-ваыслысь корӧмсӧ».

Гӧгрӧс пызанлы кывкӧртӧдӧн лои резолюция примитӧм, кӧн вӧзйӧма детсадйын, школаын, ссузъясын да вузъясын экология гӧгӧр сёрни отсӧгӧн быдтыны вӧр-васӧ пыдди пуктысь мортӧс; котыртны школаясын велӧдчысьяскӧд вӧр-ва дӧзьӧритӧм серти удж; дасьтыны керка йӧр да сикт мичмӧдӧм серти вермасьӧмъяс; ӧтвылысь пелькӧдны сикт-грездъяс; пӧртны олӧмӧ гӧгрӧс пызан дырйи мыччӧдӧм уджтасъяс.

Чайта, кыпӧдӧм сёрниыс лои коланаӧн быд локтысьлы. Ӧд ми ставӧн – вӧр-ва быдтасъяс. Сійӧс дорйӧмыс, радейтӧмыс да пыдди пуктӧмыс – миян сайын.

АНАСТАСИЯ СУКГОЕВА

Дзоридзьяс

Менам садйын лӧсьыд, гажа…
Сӧмын бӧрйыся ме важӧн:

Катшасин ли пӧлӧзнича –
Коднан дзоридзыс медмича?

Горадзуль и бобӧнянь –
Кутшӧм дзоридз медся шань?

Йӧла турун да вижъюр –
Коднан дзоридзыс медбур?

Маръямоль да лежнӧг чвет –
Кутшӧм дзоридз дона мед?

Ставныс югдӧдӧны мусӧ.
Мый нӧ на пиысь медмуса?

КАТШАСИН

Гожӧм шӧрын миян видз
Петкӧдлӧ став ассьыс мич.
Локтан сэтчӧ – сьӧлӧм сьылӧ…
Видзӧдӧны миян вылӧ
Кольквиж рӧма гӧгрӧс синъяс.
Синъяс гӧгӧр – еджыд синлыс.
Уна шыльыд синлыс сіыс
Дӧввидзӧ со турун пиысь.

Серпасъясыс авторлӧн.

ГОРАДЗУЛЬ

Кölökölчик кельыдлöз
Öшöдöма юрсö,
Турун пиын жыннян моз
Шытöг лöня ворсö.
Раминик, оз тшапитчы,
Сы вöсна и кажитчö.

ВИЖЪЮР

Тайö ичöт чветлы
Жар гожöм оз ков,
Ыркыд тувсов тöлысь
Сійö нач оз пов.

Сöмын лымйыс сылö –
Юрсö мыччö вылö.

Гögöрбок со мыйта
Сярвидзö вижъюрыс!
Ассыс берин тусьсö
Шыблалöма тулыс.

ПӦЛӦЗНИЧА

Паськыд муяс вылын
Пӧлӧзнича быдмӧ –
Тайӧ вӧля радейтысь
Ставлы тӧдса быдмӧг.

Джуджыд кокыс отсӧгӧн
Вывлань дзоридз нюжӧдчӧ,
Быттьӧкӧ сӧдз енэжлань
Лӧзов юрнас судзӧдчӧ.

Со и шевгӧдӧма
Уна кокни бордсӧ…
Сӧмын оз лэб енэжӧ,
Муыс кутӧ коксӧ.

КУПАЛЬНИЧА

Быдмӧ васӧдінын
Ёкмыль кузь кок йылын.
Кольквиж гӧрӧд разьсьӧ –
Дзоридз платтьӧасьӧ,
Шевгӧдыштӧ корсӧ –
Тӧвкӧд йӧктӧ-ворсӧ.

ЛЕЖНӦГ

Видзӧда ме дзоридз вылӧ:
Сэтшӧм шань да сэтшӧм мыла…
Кӧсйи нетшыштны ме чвет,
Сӧмын ёсь емыс эз сет.
Пыр жӧ киӧс дзеби бӧр.
Ок, и вӧлӧм лежнӧг скӧр!

БОБӦНЯНЬ

Гӧрд да еджыд бобӧнянь.
Юрыс сылӧн небыд, шань.
Сетӧ гӧгрӧс пашкыр туг
Мазіяслы чӧскыд дук.

МАРЪЯМОЛЬ

Пашкыр, уна коръя,
Ён да джуджыд кока.
Гырысь дзоридз юрыс
Алӧйгӧрд банбока.

Дзоридзалӧм бӧрын
Уна кӧйдыс моль
Тубрас пиӧ дзебӧ
Мича маръямоль.

ЧАСІ ТУРУН

Видзлӧн дзирда чужӧмбан:
Кодкӧ сявкнитӧма тан
Уна посни кодзув чут.
Кельыдгӧрдӧн ӧзйӧ луд.

Воӧдча ме кодзув дорӧдз –
Тайӧ часі турун дзоридз!

Стӧча кад кӧть сійӧ оз тӧд,
Бергӧдышта чуньяс костӧд –
Дзоридз-часі тірзьӧ-вӧрзьӧ,
Кутӧ мунны шонді бӧрся.

ЙӦЛА ТУРУН

Жуньгӧ-дзизгӧ мазі-гут.
Лоис шонді рӧма луд.

Тайӧ йӧла турун петіс.
Сылӧн кольквиж гӧгрӧс чветыс.
Кокыс быттьӧкӧ кыз идзас.
Пытшкас курыд йӧвсӧ видзӧ.

Чипанпи кодь дзоридз
Пӧрысьмӧ друг, дзормӧ,
Гӧнсялӧ да едждӧдӧ.
Тӧв ныр гӧнсӧ лэбзьӧдӧ.

Журналлӧн редколлегия:
Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

АРТ ЛАД

www.artlad.ru

2017

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

Уважаемые читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
отделение Сбербанка России № 8617 БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести
в сети магазинов «Ридер»,
магазине «Ордым» (Дом печати, г.Сыктывкар, ул.К.Маркса, 229),
в магазине «Дом книги»
и в книжном киоске торгового центра «Дом быта».

Оформить подписку вы можете
во всех отделениях ФГУП «Почта России»
Подписной индекс: П4453

Лыддьы «АРТ», и ставыс АРТмас!

20 ЛЕТ ВМЕСТЕ

АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ